Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации

РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Материалы
международного круглого стола
молодых ученых

Москва
Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
2016

УДК 327+339
ББК 66.4+65.5
Р68

Рецензент:
О. П. Иванов — доктор политических наук, профессор,
проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России

Редакционная коллегия:
А. Ф. Смирнова, И. Н. Епифанова, М. В. Грановская, Н. П. Сидорова

Ответственный редактор:
Д. А. Сидоров

Р68 **Роль и место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.** Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей / Отв. ред. Д. А. Сидоров. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. — 152 с.

ISBN 978-5-394-02803-8

Сборник составлен по итогам международного круглого стола молодых ученых, состоявшегося в Дипломатической академии МИД России 28 марта 2016 г. В круглом столе приняли участие представители МИД России, Федерального агентства по делам молодежи, Постоянного представительства Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации, эксперты и молодые ученые Дипломатической академии МИД России, Российского университета дружбы народов и Московского государственного института международных отношений МГИМО (У) МИД России.

Внимание авторов сфокусировано на осмыслении тенденций развития современных международных отношений, определении роли и места России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Авторы подробно рассматривают как двусторонние отношения России со странами АТР, так и вопросы сотрудничества в рамках международных региональных организаций, анализируют отношения между ведущими игроками в АТР. Большое внимание авторами уделяется вопросам развития Сибири и Дальнего Востока.

Материал предназначен для использования в учебном процессе при подготовке специалистов в области международных отношений и международных экономических отношений.

ISBN 978-5-394-02803-8

© Дипломатическая академия МИД России, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Т.А. Закаурцева

Потенциал районов российского Дальнего Востока — перспективное направление исследований молодых ученых ... 5

Раздел I. ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ

Т.А. Попов

Сотрудничество Республики Саха (Якутия) и стран Азиатско-Тихоокеанского региона 9

Л.И. Живора

Дальний Восток России в интеграционных процессах АТР 12

И.В. Сурма, П.Д. Костачев

ШОС как фактор поддержания безопасности и стабильности в АТР 21

Д.А. Сидоров

Роль «сетевой дипломатии» в формировании архитектуры безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе 36

Р.Н. Шангараев

Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период до 2030 года 45

К.П. Курылев

Украинско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта «Шелкового пути» 53

Н.И. Маслакова-Клауберг

Перспективы взаимоотношений стран — членов БРИКС и Евросоюза 65

Раздел II. СЕССИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Г.И. Ганьшина
Продвижение русского языка на Тайване 75
Д.А. Кудряшова
Влияние китайско-американских отношений на архитектуру безопасности в АТР 82
К.Е. Колтунов
ШОС как центр силы в формирующемся многополюсном мире 91
А.Б. Лукин
Российско-вьетнамские отношения. Россия — США — Китай: кто выиграет «битву за Вьетнам»? 96
А.И. Дьяченко
Японо-американские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе 103
Линь Цай
Проблемы гармонизации проектов Евразийского союза и Экономического пояса Шелкового пути 110
Ван Ин
Подходы США и России к проекту Экономического пояса Шелкового пути 118
А.К. Галимзянова
Стратегическое взаимодействие регионов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири с Китайской Народной Республикой 129
Е.Г. Кожин
Транстихоокеанское партнерство и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в формировании региональной интеграционной повестки США и КНР 135

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Т.А. Закаурцева[1]

ПОТЕНЦИАЛ РАЙОНОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Российский Дальний Восток в последние годы привлекает особое внимание руководства нашей страны, лидеров политических партий, а также представителей деловых кругов соседних стран. Повышение роли Азиатско-Тихоокеанского региона в международной экономике и мировой политике обусловило интерес к его потенциалу со стороны наиболее влиятельных участников международных отношений. Это не могло не коснуться и Российской Федерации. Президент В.В. Путин в своих выступлениях, посвященных внешнеполитической стратегии, неоднократно упоминал о необходимости уделять особое внимание "азиатскому вектору нашего сотрудничества", развивать это направление международной деятельности не менее активно, чем отношения с европейскими странами и Западом в целом [13]. В российской политологии международных отношений уже закрепился тезис о "повороте на Восток" во внешней политике страны в условиях санкций, введенных западными партнерами [9, 10]. Это подкрепляется расширением спектра сотрудничества России с Китаем, Индией, Южной Кореей и рядом других стран. Хорошие результаты дало расширение дипломати-

[1] Первый проректор, проректор по учебной работе Дипломатической академии МИД России, докт. ист. наук, профессор.

ческой активности Российской Федерации в ШОС, БРИКС, ряде других международных организаций и объединений.

В Дипломатической академии МИД России существует авторитетная школа востоковедческих исследований, в рамках которой изучается внешнеполитический аспект развития российского Дальнего Востока [11, 12, 7, 8, 17, 15, 1, 16, 14]. В научных центрах Института актуальных международных проблем, на кафедрах по запросу Министерства иностранных дел России, обеих палат Федерального Собрания ежегодно подготавливаются аналитические материалы, отражающие результаты научных исследований профессорско-преподавательского состава Дипломатической академии. Экспертные материалы школы международников под руководством профессора Е.П. Бажанова широко представлены не только в научной периодике, но и в прессе [2–6]. Очень важно разъяснять широкой общественности трудности и необозримые перспективы развития российского Дальнего Востока, формировать позитивный настрой на решение сложных социально-экономических задач, увеличение количества территорий опережающего социально-экономического развития.

Дальний Восток и его "столица" — город Владивосток, получивший статус "свободного порта", сегодня являются местом проведения крупных международных форумов и встреч. Не столько торговля становится главным стимулятором региональной интеграции, сколько взаимовыгодное инвестирование, расширение свободных экономических зон, стимулирование предпринимательства, расширение сферы услуг, туризма, образовательных обменов. Развитие инфраструктуры Северного морского пути, модернизация российских железнодорожных магистралей, а также содействие китайскому проекту "Шелковый путь", реализация "Дорожной карты содействия продвижению к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли", одобренной в Пекине в 2014 г., становятся, по словам Президента России, важными факторами превращения Дальнего Востока в "инфраструктурное звено между АТР и Европой". Эти задачи одновременно позволят укрепить сотрудничество России с партнерами из СНГ. Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия развивают Евразийский экономический союз, который способен аккумулировать различные интеграционные инициативы, направленные

на установление в регионе свободного от блоковых барьеров общего открытого рыночного пространства.

Представленные в данном сборнике материалы по итогам прошедшего в Дипломатической академии круглого стола молодых ученых еще раз подтверждают, что творческая энергия и свежий взгляд в оценках современного состояния и перспектив развития российского Дальнего Востока способны дать толчок дальнейшему всестороннему изучению этой тематики.

Источники и литература

1. Актуальные проблемы мировой политики: итоги и перспективы. Сборник статей / Под ред. О.П. Иванова. М.: Канон+, 2015.

2. *Бажанов Е.П.* Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международная жизнь. 2013. № 8.

3. *Бажанов Е.П.* Козырные карты России // Независимая газета. Дипкурьер. 2012. 14 мая.

4. *Бажанов Е.П.* Что ждет Россию на Востоке? // Независимая газета. Дипкурьер. 2013. 2 сент.

5. *Бажанов Е.П.* Десятки стран заинтересованы в дипломатической активности Москвы // Независимая газета. Дипкурьер. 2013. 4 марта.

6. *Бажанов Е.П.* Что делать России на Востоке? // Эхо планеты. 2013. № 3.

7. *Бажанов Е.П.* О тенденциях международных отношений на пороге XXI столетия. М.: Научная книга, 1999.

8. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Корейские зарисовки. М.: Восток — Запад, 2010.

9. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. М.: Восток — Запад, 2011.

10. *Бажанов Е.П.* Что ждет Россию на Востоке / Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. Доклады Института Европы. № 291 / Под ред. А.А. Громыко. М., 2013.

11. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013.

12. *Бажанов Е.П.* Значение Дальнего Востока в Евразийской геополитике России: Интервью. Persona Grata // Евразийский юридический журнал. 2013. № 1 (56).

13. *Путин В.В.* АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития // Российская газета. 2015. 17 нояб.

14. Современный мир и геополитика / Под. ред. О.П. Иванова, М.А. Кукарцевой, М.А. Неймарка. М.: Канон+, 2015.

15. Умная сила (в поиске баланса между “мягкой” и “твердой” силой) / Отв. ред. Е.П. Бажанов // Дипломатический ежегодник — 2013. М.: Весь мир, 2014.

16. XXI век: Перекрестки мировой политики / Под ред. О.П. Иванова, М.А. Кукарцевой, М.А. Неймарка. М.: Канон+, 2014.

17. *Bazhanov Ye., Bazhanova N.* Russia and Korea. Seoul: Seoul Sihnmun, 1992.

Раздел I. ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ

Т.А. Попов[1]

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) И СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Республика Саха (Якутия) по своим природным и территориальным условиям не имеет аналогов на планете. Общая площадь Республики — 3 103 000 км^2, что составляет 1/5 часть общей территории России. Численность населения 956 900 человек. Плотность населения — 0,31 чел./км^2. Городское население — 65,3% (624 700 человек).

Республика Саха (Якутия) является одним из богатейших природными ресурсами регионов в мире. В недрах Якутии сосредоточены 35% всех мировых запасов алмазов, 6,2% урана, 5% олова, 4,5% сурьмы, 2,5% лесных ресурсов и 2,2% железной руды. Имеющиеся на ее территории огромные запасы природных ресурсов сегодня оцениваются более чем в $3 трлн.

Якутия, являясь одним из динамично развивающихся и инвестиционно привлекательных субъектов Дальневосточного федерального округа России, активно расширяет межрегиональные, международные и внешнеэкономические связи. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Республики Саха (Якутия), внешнеторговый оборот Якутии в 2014 г. составил $5125,4 млн, из них $5050,4 млн — экспорт, $75,2 млн — импорт.

[1] Заместитель постоянного представителя Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации.

Внешнеэкономическая деятельность ведется со следующими партнерами в АТР: Австралия, Вьетнам, Гонконг, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай, КНДР, Республика Корея, Малайзия, США, Тайвань, Таиланд, Япония.

Наиболее активно Якутия взаимодействуем с Китаем — одной из лидирующих экономик мира и крупнейшим потребителем сырья. Годовой товарооборот составляет $524,6 млн. (10,3%) Удельный вес Китая в экспорте — 10%, а импорте — 37%. Годовой товарооборот с Индией составляет $690 млн.

В Китай мы поставляем руду, шлаки и золу на сумму $27 590 тыс., каменный уголь — на $450 308 тыс., драгоценные и полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них — на $140 881 тыс.

Китайская Народная Республика — один из важнейших внешнеэкономических партнеров республики Саха (Якутия). Двустороннее взаимодействие с КНР началось еще в 1993 г. с подписания Соглашения о торгово-экономическом и культурном сотрудничестве между Республикой Саха (Якутия) и китайской провинцией Ляонин. Уже на протяжении нескольких лет Республика Саха (Якутия) активно развивает сотрудничество с Китаем в различных сферах.

Так, например, с 2014 г. реализовывается крупномасштабный проект Газпрома "Сила Сибири", который также является значительным проектом для развития Дальнего Востока и укрепления связей со странами АТР. "Сила Сибири" станет общей газотранспортной системой для центров добычи в Иркутске и Якутии и позволит транспортировать газ через Хабаровск до Владивостока. Газотранспортная система пройдет вдоль трассы "Восточная Сибирь — Тихий океан", что позволит оптимизировать расходы на инфраструктуру. "Сила Сибири" — это серьезный стимул для развития региона. 21 мая 2014 г. был заключен договор между РФ и Китаем на поставку российского трубопроводного газа в КНР сроком на 30 лет и объемом поставок 38 млрд кубометров в год.

Китайские инвесторы реализовывают социально-экономические объекты на территории Якутии. В январе 2015 г. окружной администрацией города Якутска и корпорацией "Чжода" было подписано соглашение о застройке 2, 4 и 17-го кварталов Якутска. Кроме того, китайские компании "СиноГидро" и "Меж-

дународная инженерная компания при 18 бюро китайской железнодорожной корпорации" проявляют живой интерес к проекту по строительству моста через реку Лену. На текущий момент обеими китайскими компаниями ведется работа по сбору информации для дальнейшего рассмотрения возможности реализации проекта строительства мостового перехода через реку Лену.

Стоит отметить, что для привлечения китайских инвесторов на территорию Республики 11 марта 2016 г. в Якутске зарегистрировано совместное российско-китайское предприятие — ООО "Северная проектная компания". Основным видом деятельности компании станет отбор и подготовка инвестиционных проектов, связанных с добычей и переработкой полезных ископаемых, освоением лесных и других природных ресурсов, производством экологически чистых продуктов питания, утилизацией отходов, энергетикой, жилищно-коммунальным хозяйством, строительной индустрией и туризмом. Инициаторами создания совместного предприятия стали Республиканская инвестиционная компания, Корпорация развития Южной Якутии и Хэйлунцзянская главная компания по объединенному развитию экономики и технологий (г. Харбин, КНР), которые 12 октября 2015 г. в Харбине подписали соответствующее соглашение. Оно предусматривает привлечение не менее 100 млн рублей для подготовки проектов в 2016–2017 гг. "Северная проектная компания" призвана стать своего рода инвестиционным интерфейсом между Россией и Китаем. Ее деятельность позволит ускорить продвижение инвестиционных проектов, привлечь новых инвесторов из КНР.

Главная проблема Республики Саха (Якутия) — это слаборазвитая инфраструктурная сеть, а Китай является крупнейшим потребителем сырья, поэтому оптимальным принципом сотрудничества между Якутией и КНР должен стать принцип "ресурсы в обмен на инфраструктуру".

Можно провести аналогию с Австралией, которая, несмотря на то, что находится в географической "изоляции" от всего мира, успешно сотрудничает с Китаем. Так, в 2014 г. торговый оборот между двумя странами составил $142 млрд, а привлеченные из Китая инвестиции — $64 млрд. Австралия является крупным поставщиком сырья в Китай, большинство китайских инвестиций были в горнорудный сектор.

В настоящее время Россия находится в сложном положении. Экономический кризис и санкции — это лучшее время для одобрения новых организационных форм. России нужно смелее прокладывать восточный вектор. Невозможно говорить о сотрудничестве и интеграции России в Азиатско-Тихоокеаский регион без развитого Дальнего Востока. Поэтому нужно приложить все усилия для реализации вышеозначенных проектов и привлечения инвесторов как со стороны России, так и со стороны стран Азии.

Л.И. Живора[1]

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ АТР

Аннотация: Развитие Восточной Сибири и российского Дальнего Востока является стратегической задачей и национальным приоритетом России на весь XXI век. Освоение природно-ресурсного и энергетического потенциала, развитие транспортной инфраструктуры и повышение качества жизни населения Дальнего Востока и Забайкалья, а также всей страны являются основными направлениями сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Обеспечение безопасности и сохранение территориальной целостности страны — это стратегическая цель России в АТР.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Дальний Восток, природные ресурсы, интеграция, АТР.

Российский Дальний Восток и Восточная Сибирь, обладая огромным ресурсным и транзитным потенциалом, могут активно использовать возможности интеграции в АТР для более динамичного, качественного и устойчивого развития современной экономики как самого региона, так и России в целом.

В Обращении к Федеральному Собранию в декабре 2013 г. Президент В.В. Путин назвал подъем Сибири и Дальнего Востока национальным приоритетом России на весь XXI век [12]. Достижение этой цели позволит укрепить международные позиции

[1] Канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра евразийских исследований ИАМП Дипломатической академии МИД России.

России, ослабить серьезные угрозы и вызовы, с которыми Россия сталкивается как в АТР, так и в других районах мира. Серьезное ухудшение отношений России и Запада в результате украинского кризиса и последовавшая за ним санкционная война против России создали опасный очаг напряженности как для России, так и во всем мире.

С учетом нынешней геополитической обстановки Россия особенно заинтересована в углублении интеграционных процессов в АТР. Стратегическая цель России в АТР, по мнению известного российского исследователя данного региона Е.П. Бажанова, состоит в том, чтобы "обеспечить безопасность и территориальную целостность страны и одновременно способствовать экономическому и социальному развитию Дальнего Востока и Сибири" [2, с. 47].

Основными направлениями сотрудничества России в АТР являются освоение природно-ресурсного и энергетического потенциала, развитие транспортной инфраструктуры и повышение качества жизни населения Дальнего Востока и Забайкалья. Территория Дальнего Востока и Байкальского региона отличается богатством и разнообразием природных ресурсов. Здесь находятся крупнейшие месторождения углеводородов, гелия, угля, золота, меди, алмазов, крупные месторождения черных, цветных и редких металлов, фосфоритов урана, олова, плавикового шпата и других рудных и нерудных полезных ископаемых [9].

Крупные восточносибирские и дальневосточные реки, озеро Байкал становятся стратегическим ресурсом планетарного масштаба. Географическое положение этой части России создает уникальные возможности для строительства новых транспортных путей из Восточной и Северной Европы в Азию и Северную Америку. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. отводит России в АТР роль "ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и АТР" [6]. Сегодня менее 1% торговли между Европой и Восточной Азией идет через Россию. Эту долю можно значительно увеличить. Большой потенциал для транспортировки грузов из Европы в Азию есть также у Северного морского пути. Он почти в два раза короче других морских путей из Европы на Дальний

Восток[1] и может обеспечить значительную экономию средств на перевозку товаров.

Здесь расположено 13,5% энергетических мощностей страны, которые дают возможность поставлять значительные объемы электроэнергии за рубеж. Авиационные заводы в Комсомольске-на-Амуре, Арсеньеве, Улан-Удэ могут предложить свою продукцию на азиатских рынках (Индия, Китай, Вьетнам, Пакистан и др.).

Российский Дальний Восток может стать важным поставщиком сельскохозяйственной продукции как для технических нужд, так и для пищевой промышленности. Уникальная природа Дальнего Востока и Байкальского региона представляет собой колоссальный ресурс для развития различных видов туризма и отдыха.

В настоящее время экономика российского Дальнего Востока уже достаточно плотно ориентирована на восток и особенно на северо-восток. В 2012 г. на долю стран АТР пришлось 84,2% общего объема внешней торговли Дальневосточного федерального округа и Забайкалья, в том числе 78% на три страны Северо-Восточной Азии (Китай, Южную Корею и Японию) [7, с. 17].

В АТР находятся три крупнейшие мировые экономики — США, Китай и Япония. Страны региона составляют ровно половину "Большой двадцатки", средние темпы экономического роста в АТР гораздо выше, чем во всех других, в том числе и развитых странах. Здесь сосредоточено 57% населения планеты и 40% глобального промышленного производства, здесь потребляется 37% мирового производства энергоносителей [5, с. 9].

Поворот российской политики в сторону АТР происходит в условиях, когда центр мировой экономики и политики объективно смещается в АТР. Здесь активно формируются основные механизмы многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли. На саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Пекине в ноябре 2014 г. было объявлено о перспективе создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Обсуждалась инициатива по формированию (на основе стран АСЕАН и их партнеров) Всестороннего регионально-

[1] От Санкт-Петербурга до Владивостока по Северному морскому пути 14 280 км, через Суэцкий канал — 23 200 км, а вокруг мыса Доброй Надежды — 29 400 км.

го экономического партнерства (ВРЭП). США, со своей стороны, активно продвигали идею создания в АТР Транстихоокеанского партнерства (ТТП), и в октябре 2015 г. 12 стран, на долю которых приходится 40% мировой торговли, подписали соглашение, закладывающее основу для создания ТТП под эгидой США. Участники соглашения — США, Канада, Мексика в Северной Америке, Перу и Чили в Южной, Япония, Малайзия, Бруней, Сингапур и Вьетнам в Азии, а также Австралия и Новая Зеландия. На основе ТТП, где на долю США будет приходиться три четверти общего ВВП стран — членов ТТП, США намерены продвигаться к созданию в АТР зоны свободной торговли, охватывающей весь регион.

Россия в отличие от таких торгово-экономических гигантов, как США и Китай, заинтересована не столько в развитии либерализации региональной торговли, сколько в усилении ее транспарентности и торгово-экономической взаимосвязанности. Россия поддержала принятый Пекинским саммитом План действий АТЭС по усилению взаимосвязанности на 2015–2025 гг. и вместе с Китаем намерена продвигать эту инициативу в рамках АТЭС.

Многолетние усилия правительства во внешнеполитической и экономической деятельности по реализации поставленных задач привели к определенным результатам. Россия стала членом АТЭС и Регионального форума АСЕАН (АРФ), вышла на уровень диалогового партнерства, в том числе в рамках саммитов с АСЕАН.

Доля стран АТЭС во внешней торговле России заметно выросла. Если в 2001 г. товарооборот между ними и Россией составлял $15,5 млрд, то в 2012 г. — $206,8 млрд, увеличившись, таким образом, примерно в 13 раз. Китай стал главным внешнеторговым партнером России. В 2014 г. товарооборот между РФ и Китаем составил $88,38 млрд, или 11,3% объема российской внешней торговли. К 2020 г. ставится задача увеличить товарооборот до $200 млрд. Существенно увеличился внешнеторговый оборот Тихоокеанской России. В период 2000–2013 гг. он вырос в 14 раз — с $2,8 до $39,9 млрд [7, с. 20].

Россия является активным участником таких авторитетных международных организаций, как ШОС и БРИКС. С апреля 2015 г. Россия участвует в качестве регионального государства — учредителя Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с объявленным капиталом в $100 млрд. Участие России в АБИИ

позволит привлекать средства банка для выполнения инвестиционных проектов в России, в первую очередь в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В июле 2015 г. при активном участии России был создан Новый банк развития в рамках БРИКС с капиталом в $100 млрд.

За последние годы для развития Дальнего Востока и Байкальского региона были предприняты немалые усилия. Было реализовано несколько десятков крупных проектов: пуск нефтяной магистрали "Восточная Сибирь — Тихий океан"; открытие во Владивостоке федерального университета, который стал важным научно-образовательным центром в АТР, строительство газопровода "Сила Сибири"; строительство космодрома "Восточный", усиленная модернизация БАМа и Транссиба, на модернизацию и расширение которых планируется потратить около 500 млрд рублей до 2017 г. Продолжается строительство автодороги "Чита — Хабаровск", освоение шельфа Сахалина, Магадана, Камчатки; реализация проекта Восточного нефтехимического комплекса; создание современного кластера судостроения и производства морской техники для освоения шельфа; разработка предприятий по добыче железной руды, золота, другого минерального сырья, претворение в жизнь отдельных проектов в сфере сельского хозяйства.

Экономика России пока не в состоянии предложить на внешний рынок иной конкурентной продукции и услуг, кроме сырья, причем первичной стадии обработки. Если в начале 1990-х гг. экспорт машин, оборудования и транспортных средств из региона составлял более 34%, то в настоящее время он не превышает 3%, тогда как доля сырья, топлива, металлов и необработанной древесины достигает 85–90% [5, с. 4].

Осуществить структурный сдвиг в экономике в пользу перерабатывающих высокотехнологичных отраслей крайне сложно без привлечения оборудования, технологий и капитала зарубежных стран. Однако иностранный капитал очень осторожно выбирает сферы своего приложения в дальневосточной экономике, отдавая в основном предпочтение проектам в ресурсной сфере и оставляя без внимания предложения о сотрудничестве в обрабатывающих отраслях. Таким образом, в настоящее время в Дальневосточном федеральном округе наблюдается абсолютное доминирование

сырьевого сектора в инвестиционных предпочтениях иностранных инвесторов. Подтверждением такого подхода служит и ход реализации Программы сотрудничества между приграничными районами России и Китая, рассчитанной на период до 2018 г. Изначально она включала в себя 84 проекта, затем была сокращена до 54, а в стадии реализации в настоящее время находится лишь около 10, связанных прежде всего с ресурсной эксплуатацией [8, с. 9].

В структуре российского экспорта основной объем среди экономик АТЭС приходится на четыре крупнейшие экономики (США, Китай, Япония и Южная Корея). На остальные 16 экономик АТЭС приходится лишь 3,2% внешнеторгового оборота России. А доля самой России в совокупном внешнеторговом обороте стран АТЭС составляет 1% в их экспорте и 3% в импорте [8, с. 9].

Несмотря на описанные проблемы и сложности, российское правительство идет по пути активизации государственной политики по гармоничному социально-экономическому развитию востока России и построению там экспортно-ориентированной экономики.

В 2015 г. был сформирован целый ряд новых инструментов, которые кардинально улучшают условия инвестирования и ведения бизнеса в регионе. В рамках программы освоения Дальнего Востока в 2015 г. в России были приняты два федеральных закона. Документы разрешают создание свободного порта Владивостока и 14 территорий опережающего развития. С 12 октября 2015 г. в 14 муниципалитетах Приморского края действует закон, снижающий налог на прибыль для новых компаний, вводящий налоговые каникулы на имущество и землю, предоставляются меры административной поддержки и содействие в развитии инфраструктуры. В октябре 2015 г. вступил в силу закон о свободном порте Владивосток. Его действие, по решению Президента России, "распространится на все ключевые порты юга Приморья — от порта Зарубино до Находки, а также на 15 муниципальных образований, где проживает почти 75% населения Приморского края" [3]. Закон упрощает и облегчает процедуры прохождения границы для бизнеса.

На Восточном экономическом форуме, проходившем в сентябре 2015 г. во Владивостоке, были представлены инвестиционные возможности и проекты Дальневосточного региона, а также заключено более 80 крупных инвестиционных контрактов на сум-

му свыше 1,3 трлн руб. В настоящее время на российском Дальнем Востоке сформированы конкурентоспособные условия для инвестирования, наблюдается востребованность этих условий со стороны российского и иностранного бизнеса, в том числе китайского. По состоянию на 11 апреля 2016 г. общий объем планируемых инвестиций по всем направлениям — 945,8 млрд руб. Из них 877,5 млрд руб. — частные инвестиции в создание предприятий [4].

Эти меры позволят сформировать мощный транспортный, а в перспективе и индустриальный узел, ориентированный на потребности не только Дальнего Востока, но и всего АТР.

В последние годы достаточно успешно развивается российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество, объем которого по итогам 2014 г. составил более $95 млрд, взаимные инвестиции (в конце 2013 г. общий объем накопленных китайских инвестиций в России составил почти $5 млрд, российских в Китае — $860 млн), финансовое сотрудничество (в 2014 г. биржевые торги парой юань — рубль выросли в 8 раз) [10, с. 4].

В сфере политического сотрудничества регулярные визиты на высшем уровне подтвердили высокий статус российско-китайского стратегического партнерства. Визит российского президента в Шанхай, состоявшийся в мае 2014 г., завершился подписанием рекордного пакета двусторонних документов, в том числе тридцатилетнего контракта на $400 млрд на поставку газа в Китай. Фактически Россия переориентировала стратегию экспорта энергоносителей на АТР, и в перспективе эта тенденция будет укрепляться. Можно ожидать, что через 10–12 лет объем российских поставок газа лишь в Китай будет сопоставим с поставками в Европу.

Россия принимает активное участие в предложенном Китаем проекте “Экономический пояс Великого Шелкового пути”, на реализацию которого Китай выделяет $40 млрд, прежде всего через призму решения масштабной национальной задачи подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Вместе с тем, несмотря на успехи, в российско-китайских торгово-экономических отношениях, сохраняются серьезные дисбалансы, главными из которых являются, во-первых, незначительная доля России во внешней торговле Китая и, во-вторых, сырьевой характер российского экспорта в Китай. Эти главные особенности российско-китайской торговли обусловлены прежде всего низ-

кой динамикой роста российской экономики, а также медленными изменениями в ее структуре. Основным вызовом российско-китайским отношениям является постепенное перемещение наших стран в разные весовые категории: сегодня ВВП России составляет 22% от китайского [10, с. 8].

Интерес к Дальнему Востоку проявляют наши партнеры и других стран АТР — Японии, Южной Кореи, Таиланда. Эти страны представляют интерес для Дальнего Востока и России в целом их передовыми технологиями и экономико-инвестиционными планами сотрудничества. Япония постепенно увеличивает импорт нефти из России. В частности, по итогам января — августа 2015 г. этот показатель увеличился на 20% [11].

Определенные надежды на будущее связаны с расширением экспорта российских нефти и газа в страны АСЕАН. Кроме того, АСЕАН — весьма емкий рынок для отечественных изделий энергомашиностроения, в том числе атомного, авиакосмической промышленности, оборудования для нефте- и газодобычи. Перспективно и дальнейшее наращивание поставок российских вооружений и военной техники, спрос на которые в странах "десятки" возрастает. Масштабные военные закупки у России осуществляют Вьетнам, Малайзия и Индонезия. Общий объем закупок в последние годы превысил $6 млрд [1].

Принципиально новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества, торговли и кооперации со странами АТР открывает и евразийская интеграция. В мае 2015 г. подписано соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом. Большинство стран АСЕАН рассматривают Россию как авторитетного внешнеполитического партнера. В то же время наша страна еще не входит в число экономических приоритетов Ассоциации, равно как и АСЕАН сегодня едва ли можно назвать ключевым торговым партнером России.

Россия, обладая огромным ресурсным потенциалом и участвуя в интеграционных процессах мощного финансово-экономического и торгового поля стран АТР, может получить большие выгоды для эффективного развития экономики как Дальневосточного региона, так и всей страны, но только при условии реального технологического обновления своей экономики, прежде всего обрабатывающей промышленности, повышения конкурентной способности сво-

ей продукции и услуг, улучшения структуры российского экспорта за счет увеличения поставок высокотехнологичной продукции.

Источники и литература

1. *Арбатов А.Г.* Азиатско-Тихоокеанская стратегическая панорама быстро меняется // Независимая газета — Независимое военное обозрение. 2014. 21 февр.

2. *Бажанов Е.П.* Роль и место России в международных отношениях в АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. М.: Восток — Запад, 2010.

3. Выступление Президента В.В. Путина на первом Восточном экономическом форуме // Российская газета. 2015. 4 сент.

4. *Галушка А.* Куда направить "восточный вектор" // Российская газета: Экономика Дальнего Востока. 2015. Спецвыпуск № 6953 (85). 29 дек.

5. *Ивантер В.В., Кожемяко О.Н., Кувалин Д.Б.* Долгосрочное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья: основные проблемы и задачи // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4.

6. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом России В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.

7. *Ларин В.Л.* Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6.

8. *Рудько-Селиванов В.В.* Интеграция российского Дальнего Востока со странами АТР: состояние, проблемы, перспективы // Деньги и кредит. 2012. № 10.

9. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

10. *Петровский В.Е.* Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений. Рабочая тетрадь № 20/2015. М.: Спецкнига, 2015.

11. Сечин позвал японские компании на Сахалин // Lenta.Ru: Экономика. 2015. 6 нояб.

12. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825

И.В. Сурма[1], П.Д. Костачев[2]

ШОС КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ В АТР

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы безопасности в Центральной Азии и АТР, проводится анализ деятельности Шанхайской организации сотрудничества в сфере обеспечения безопасности. Отмечается, что деятельность ШОС в части борьбы с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, наркотрафиком и организованной преступностью имеет не только региональное, но и глобальное значение.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, Центральная Азия, Афганистан, борьба с терроризмом, обеспечение региональной безопасности.

Несмотря на то что значение АТР на международной арене продолжает возрастать, в самом Азиатско-Тихоокеанском регионе увеличивается дисбаланс между целями, которые государства АТР ставят перед собой и имеющимися институтами развития, которые не способны дать конструктивные ответы на вызовы XXI в. Это противоречие способствует росту военно-политической напряженности, что провоцирует различные внутренние кризисы в АТР.

Со времен холодной войны разрешение подобных противоречий обеспечивалось системой различных военно-политических альянсов, центром большинства которых являются Соединенные Штаты.

Но с началом XXI в. баланс сил как в мире, так и в регионе стал меняться, следствием чего били конфликты интересов США

---

[1] Канд. экон. наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.

[2] 1-й курс, магистратура, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

и Китая, США и России, Китая и Японии, что в совокупности с многочисленными территориальными спорами в данном регионе и другими новыми вызовами и угрозами, в частности международным терроризмом, оказывает негативное влияние на формирование региональной и международной системы безопасности и требует участия в становлении этой системы новых альянсов и межнациональных объединений. Одной из таких структур, вовлеченной в вышеназванные процессы, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Созданная в 2001 г. ШОС к настоящему времени превратилась в одну из влиятельных международных структур. Свидетельством этого является тот факт, что сейчас без участия этой организации невозможно добиться эффективного решения целого ряда задач регионального характера. Появление ШОС на международной политической арене стало результатом хода регионального и общемирового развития, связанного с распадом СССР и было обусловлено комплексом политических, экономических и исторических предпосылок, среди которых:

- глобальные геополитические сдвиги, вызванные распадом СССР и демонтажем биполярной мировой политической системы, что вынудило государства (будущие члены ШОС) искать новый формат включения в международную политическую и экономическую системы;
- потребность в формировании новой базы для взаимоотношений в Центральной Азии, в особенности между Россией и Китаем;
- традиционная историческая близость государств, вошедших в организацию, и связанная с этим возможность создания новых типов региональной интеграции;
- общий характер вызовов и угроз, возникших перед странами — участницами после распада СССР.

В настоящее время роль ШОС расценивается по-разному, но нельзя отрицать тот факт, что эта организация заполнила вакуум, который возник в Евразийском регионе на рубеже столетий. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев определил ее роль в контексте реализации идеи единства евразийского сообщества как одну из трех составных частей современного евразийства. По его мнению, по направлению деятельности и организационным принци-

пам Шанхайская организация сотрудничества может стать ядром, основой, своего рода моделью формирования Евро-азиатской системы комплексного обеспечения безопасности, взаимодействия и развития [12].

После получения суверенитета перед среднеазиатскими республиками бывшего СССР появилась необходимость формирования собственной внешней политики Им предстояло определить внешнеполитические приоритеты и разработать системы национальной безопасности с учетом своих национальных интересов.

Во-первых, территории этих республик не имеют прямого выхода к открытому морю, а также лежат в стороне от основных международных транспортных коридоров, что препятствует их участию в международном торгово-экономическом обмене.

Во-вторых, эти республики находятся в орбите двух супердержав — России и Китая, что требует от концепций их национальной безопасности особой сбалансированности, учитывая наличие на тот момент в регионе нерешенных территориальных вопросов.

В-третьих, пестрый этнический состав населения республик сам по себе представляет сложную проблему, влияющую на их внешнеполитическое положение и национальную безопасность.

Система национальной безопасности этих республик формировалась поэтапно, с учетом их позиционирования как связующего звена между Европой, среднеазиатской частью бывшего СССР, Азиатско-Тихоокеанским регионом и югом Азиатского материка. При этом, конечно, каждая из этих республик имела свою специфику.

Так, после распада СССР Казахстан по факту оказался ядерной державой, поскольку на его территории продолжали нести боевое дежурство 108 ракет с 10 боеголовками каждая (всего 1400 боеголовок). Кроме того, в Казахстане базировались 40 стратегических бомбардировщиков ТУ-95МС с 240 крылатыми ядерными ракетами. Здесь же были созданы уникальные объекты для испытания ядерных устройств и запуска ракетно-космической техники (Байконур, Семипалатинск, Сары-Озек)[1].

[1] В декабре 1991 г. Казахстан подписал с руководством России, Украины, и Белоруссии Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия.

Наличие ядерного оружия, по оценкам аналитиков, давало Казахстану некоторые преимущества на международной арене, но и создавало определенные проблемы. К преимуществам можно отнести то, что благодаря наличию ядерного потенциала Казахстан мог бы претендовать на роль ведущей силы и выступать гарантом стабильности не только в Центральной Азии (Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Кыргызстане, Таджикистане), но и в Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке.

Россия, США и мировое сообщество в целом негативно отреагировали на ядерные планы Казахстана. На руководство республики было оказано определенное давление, в первую очередь со стороны США, Франции и Великобритании [20, с. 87]. Они приводили следующие аргументы:

- становление Казахстана как ядерной державы само по себе является нарушением Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО);
- включение Казахстана в число ядерных держав могло вызвать стремление со стороны "пороговых" государств (Индии, Пакистана, Ирана) также войти в "ядерный клуб", к тому же они могли бы расценить появление нового ядерного государства, расположенного в Центральной Азии, как угрозу своим позициям.

В результате 23 мая 1992 г. в Лиссабоне Казахстан подписал протокол к ДНЯО в качестве страны, не обладающей ядерным оружием. В мае 1995 г. последние ядерные боеголовки были вывезены с территории Казахстана. Казахстан де-факто стал безъядерным государством [20, с. 88].

Все эти обстоятельства поставили перед Казахстаном задачу формирования в своей внешней политике интеграционного вектора, который с учетом новых экономических и политических условий был бы направлен на выстраивание таких отношений в регионе, которые позволяли бы ему, с одной стороны, сохранять независимость, а с другой — с опорой на союзников обеспечивать собственную безопасность.

После распада СССР новые независимые центральноазиатские государства столкнулись с таким опасным явлением, как религиозный экстремизм, сепаратизм и международный терроризм. Особенно остро эта угроза встала перед Таджикистаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, однако и Казахстан столкнул-

ся с этой проблемой. Речь идет об уйгурском сепаратизме, который стал чувствительной темой в казахстанско-китайских отношениях.

Уйгурский сепаратизм в Синьцзяне[1] носит ярко выраженный националистический и религиозный характер, являясь одним из потенциальных очагов межгосударственных конфликтов в Центральной Азии. Зона его распространения не ограничивается лишь территорией СУАР[2]. Сложность ситуации состоит в том, что эта зона охватывает преимущественно приграничные территории двух стран — Китая и Казахстана. Еще в советский период на территории Казахстана были созданы Национальный объединенный революционный фронт (ОНРФ) уйгурских сепаратистов, а в 1984 г. объединившимися уйгурскими националистами — новая организация, именуемая "Национальный революционный фронт Восточного Туркестана" (НРФВТ), которая действует как в Китае, так и в Казахстане. На территории Республики Казахстан создаются и другие организации, такие как Уйгурская организация свободы и Межреспубликанская ассоциация уйгуров. Эти организации проповедовали в том числе и пантюркистские идеи, привлекавшие местных казахских националистов и экстремистов, что представляло для республики потенциальную угрозу [9, с. 42].

Об уйгурском сепаратизме Китай и Казахстан впервые заговорили в ходе двусторонних переговорах с начала 90-х гг. прошлого века, а в Совместной декларации 1995 г. и в ранее заключенной Декларации 1993 г. заявили: "Стороны будут сотрудничать в борьбе с международным терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, контрабандой и другой преступной деятельностью". И в дальнейшем между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой был под-

---

[1] Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), сокращенное китайское название "Синьцзян".

[2] По данным зарубежных уйгурских организаций, с начала активизации деятельности "этнических сепаратистов" в 1992 г. и до февральских событий в Кульдже в 1997 г. было зарегистрировано 700 вооруженных акций, взрывов, направленных против китайского присутствия в СУАР. Только с апреля 1996 г. в антикитайских выступлениях приняли участие более 65 тыс. человек и 17 раз происходили вооруженные столкновения.

писан ряд документов. Например, в 1996 г. и в январе 1997 г. были обнародованы совместные декларации, содержащие пункты, касающиеся отношения к национальному сепаратизму.

В совместной декларации 1996 г. стороны подтверждают, что они "выступают против национального сепаратизма в какой бы то ни было форме, не допустят осуществления на своей территории какими-либо организациями и силами сепаратистской деятельности, направленной против другой стороны". В декларации 1997 г. стороны снова подтвердили, что намерены "выступать против всякого рода национального сепаратизма, не допуская на своей территории направленной против другой стороны сепаратистской деятельности любых организаций и сил, а также исходя из взаимного уважения пути развития, выбранного народом каждой из сторон с учетом конкретных условий своей страны, проводить взаимное ознакомление с политикой и практикой осуществляемых реформ..." [9, с. 42]. Противодействия терроризму и экстремизму, а также сотрудничество на этой основе правоохранительных органов и спецслужб государств-участников сначала в рамках "Шанхайской пятерки", а потом и в формате ШОС стало одним из главных направлений взаимодействия в рамках этого объединения. Уже на учредительном саммите Шанхайской организации сотрудничества участниками была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

В преамбуле Конвенции отмечено:

"...осознавая, что терроризм, сепаратизм и экстремизм представляют угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека;

признавая, что указанные явления серьезно угрожают территориальной целостности и безопасности Сторон, а также их политической, экономической и социальной стабильности;

будучи твердо убеждены в том, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, как они определены в настоящей Конвенции, вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом;

стороны согласились, что совместные усилия в рамках настоящей Конвенции являются эффективной формой борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом" [19].

Деятельность ШОС, особенно борьба с терроризмом, радикальным экстремизмом, сепаратизмом, наркотрафиком и организованной преступностью имеет не только региональное, но и глобальное значение.

Сегодня одним из важных направлений деятельности ШОС является развитие сети партнерских отношений с ведущими международными и региональными организациями. В этой связи еще в июне 2004 г. на саммите в Ташкенте лидеры государств — членов ШОС обратились к другим международным и региональным форумам с предложением приступить к постепенному созданию партнерской сети многосторонних объединений.

Создание Шанхайской организации сотрудничества заинтересовало многие страны, которые увидели в ней дополнительные возможности для укрепления своего положения на международной арене. Так, за статусом наблюдателя в ШОС в 2005 г. обратилась Белоруссия, а в 2006 г. запрос о предоставлении статуса полноправного члена в ШОС поступил от Пакистана. Интерес к вступлению в ШОС проявляли тогда Шри-Ланка, Турция, Катар, Непал, Украина, Сербия, Египет, Азербайджан и другие страны.

Однако в 2006 г. Казахстан предложил ввести временный мораторий на прием новых членов и наблюдателей. Это предложение было поддержано как Советом министров иностранных дел государств — членов ШОС, так и Советом глав государств — членов ШОС. И в августе 2007 г. на саммите в Бишкеке такой мораторий был введен в действие. Вопрос о моратории на расширения ШОС был связан с необходимостью определиться с новыми качественными аспектами ее геополитической роли и углублением ее функциональных возможностей.

На саммите ШОС в Узбекистане в 2010 г. лидерами организации на основе предложений, представленных экспертной группой, были определены основные механизмы ее расширения. В итоге члены ШОС приняли Положение о порядке приема в организацию новых членов, которое содержало базовые критерии этой процедуры. В качестве принципиальных моментов были выделены следующие позиции:

- принадлежность к Евро-Азиатскому региону;
- наличие дипломатических отношений со всеми государствами — членами ШОС;
- наличие статуса государства-наблюдателя при ШОС или партнера по диалогу ШОС;
- наличие торгово-экономических и гуманитарных связей с государствами — членами ШОС;
- отсутствие санкций ООН и состояния вооруженного конфликта с другими государствами[1].

В 2007 и 2008 гг. Иран обращался с запросом о вступление в полноправные члены ШОС, но в отношении Ирана тогда действовали санкции, наложенные Советом Безопасности ООН. Поскольку утвержденное в Ташкенте Положение закрыло доступ в организацию для государств, находящихся под санкциями ООН, это не позволило Ирану войти в число членов ШОС на данном этапе.

Проблема расширения — одна из основных проблем развития, стоящих перед Шанхайской организацией, поскольку, с одной стороны, она заинтересована в расширении для роста своего потенциала, а с другой — расширение не может быть безграничным. Стратегия развития должна учитывать тот факт, что прием новых членов не только может изменить количество государств-участников, но также неизбежно трансформирует и некоторые аспекты деятельности ШОС.

Прием в ШОС новых членов и расширение организации сильно зависели от внешнеполитической ситуации в регионе. Это видно на примере таких стран, как Иран, Индия и Пакистан. Например, когда рассматривался запрос о вхождении в организацию Индии и Пакистана, то существовали опасения, обусловленные тем, что вхождение этих стран в ШОС может негативно повлиять на ее работу, так как внешнеполитические интересы этих государств принципиально расходились. А принятие в члены ШОС Ирана на фоне обострения дискуссии по иранской ядерной программе могло подтолкнуть мировое сообщество к восприятию ШОС в качестве блокового объединения и вызвать обострения в отношениях с Европой и США, что противоречило интересам всех членов организации.

---

[1] Саммит ШОС в Ташкенте. URL: http://actualcomment.ru/sammit_shos_v_tashkente.html

С 2005 г. Индия, Пакистан и Иран получили статус стран-наблюдателей в ШОС и это открыло новые возможности для взаимодействия этих стран с остальными членами организации, например, при организации совместной работы по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Пакистан и Узбекистан подписали соглашение об экстрадиции террористов, Афганистан активно работал с ШОС в рамках специально созданной Контактной группы, проводя постоянную военную борьбу с Аль-Каидой, Талибаном и другими радикальными группами.

Первоначальным замыслом интеграции государств в рамках ШОС было формирование "гибкого альянса", который должен был решать задачу обеспечения стабильности и безопасности в зоне собственной ответственности, а также поддерживать партнерство между странами, входящими в организацию, по наиболее перспективным направлениям сотрудничества.

Сотрудничество стран-членов в области безопасности сосредоточено в первую очередь на противостоянии таким явлениям, как терроризм, сепаратизм и экстремизм. И деятельность организации в области военного взаимодействия ее государств-членов стремительно развивалась. На саммите ШОС в Ташкенте в июне 2004 г. была сформирована Региональная антитеррористическая структура (РАТС). В апреле 2006 г. лидеры ШОС объявили о готовности совместно противостоять трансграничной наркопреступности посредством проведения контртеррористических операций, при этом подчеркивалось, что Шанхайская организация сотрудничества не строит планы трансформироваться в военный блок, однако рост угрозы терроризма, экстремизма и сепаратизма делает необходимым полномасштабное вовлечение вооруженных сил[1].

На октябрьской встрече 2007 г. в Душанбе участники ШОС подписали соглашение с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с целью расширения взаимодействия по таким направлениям, как общая безопасность, совместная борьба с преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Лидеры ШОС выступили за обеспечение международной информацион-

[1] Саммит ШОС в Ташкенте. URL: http://actualcomment.ru/sammit_shos_v_tashkente.html

ной безопасности (МИБ), заявив о "создании группы экспертов государств — членов ШОС по МИБ с участием представителей Секретариата Организации и Исполкома Региональной антитеррористической структуры для выработки плана действий по обеспечению международной информационной безопасности и определению возможных путей и средств решения в рамках ШОС проблемы МИБ во всех ее аспектах"[1].

Деятельность в области военного сотрудничества первоначально была направлена на обмен разведывательной информацией, однако начиная с 2003 г. государства ШОС стали проводить совместные военные учения антитеррористической направленности, первые из которых под названием "Мирная миссия — 2003" прошли в две фазы в Казахстане и в Китае. Узбекистан в этих учениях участия не принимал[2]. С этого времени Россия и Китай периодически возглавляют крупномасштабные военные антитеррористические учения организации под общим названием "Мирная миссия". Такие учения состоялись в 2005, 2007, 2009, 2010, 2012, 2014 гг. под эгидой Шанхайской организации сотрудничества. Учения ШОС "Мирная миссия — 2016" прошли в Кыргызстане в сентябре. Участие в этих учениях приняли несколько родов войск, включая артиллерию и авиацию. Одновременно в Кыргызстане прошел саммит начальников объединенных штабов ШОС[3].

Министрами обороны стран — членов ШОС в июне 2006 г. было подписано Соглашение между государствами-членами о проведении совместных военных учений, которое после его одобрения и ратификации на соответствующем уровне стало основой для дальнейшей совместной военной деятельности. Одними из самых масштабных были учения 2007 г., прошедшие в Челябинской области, в которых приняли участие более четырех тысяч китайских солдат. В этих учениях были задействованы высокоточное

---

[1] Заявление глав государств — членов ШОС по международной информационной безопасности. URL: http://www.sectsco.org/RU123/show.asp?id=107

[2] Начались учения ШОС. URL: http://www.stoletie.ru/lenta/nachalis_uchenija_shos_925.htm

[3] Учения ШОС "Мирная миссия-2016" пройдут в Кыргызстане. URL: http://www.gazeta.kg/news/kyrgyzstan/policy/55277-ucheniya-shos-mirnaya-missiya-2016-proydut-v-kyrgyzstane.html

оружие и военно-воздушные силы стран-участниц. Учения имели открытый характер для СМИ и общественности, а после их завершения для участия в последующих антитеррористических учениях была приглашена Индия, имевшая тогда статус наблюдателя. В учениях "Мирная миссия — 2010", проведенных в Казахстане в сентябре 2010 г. на полигоне Матыбулак, принимало участие более пяти тысяч военнослужащих из Казахстана, Китая, Кыргызстана, России и Таджикистана. Была проведена совместная разработка военных операций и оперативные маневры [15].

Военное сотрудничество в рамках ШОС дает основу для укрепления общей безопасности стран-участниц на взаимной основе. Например, в ходе учений 2007 г. в России Президент Владимир Путин объявил о возобновлении регулярных полетов российских стратегических бомбардировщиков с целью патрулирования территорий впервые после холодной войны. Он заявил: "Начиная с сегодняшнего дня такие полеты должны будут проводиться регулярно и в стратегическом масштабе... Наши летчики были на земле слишком долго. Они рады начать новую жизнь" [16]. Тогда же стало понятно, что Китай и Россия заинтересованы в том, чтобы Индия и Пакистан стали полноправными членами Шанхайской организации сотрудничества.

Военная составляющая в деятельности ШОС не задает определяющий вектор ее развития, но в то же время очевидно, что клуб ядерных держав, так или иначе входящих в ШОС, не в последнюю очередь рассматривает организацию как структуру, которая способна стать противовесом американскому военному присутствию в данном регионе.

В частности, уже в 2010–2011 гг. во время своего председательства казахстанская сторона как модератор Шанхайской организации сотрудничества обнаружила необходимость решения следующих проблемных вопросов, стоящих на повестке дня ШОС:

- Риски, с которыми может столкнуться ШОС при возникновении конфликтов в своем регионе, связанные с отсутствием четких механизмов реакции на форс-мажорные обстоятельства, а также отсутствие внятной позиции государств-участников по реагированию на чрезвычайные ситуации, возникающие на территории ШОС.
- Проблемы, связанные с расширением организации.

• Наличие конкуренции между Россией и Китаем в определении приоритетов развития ШОС.

Одним из таких вызовов для ШОС стал Афганистан, поскольку там, по большому счету, решалась судьба всей Центральной Азии. Даже после формального окончания там гражданской войны ситуация в стране оставалась крайне нестабильной и требовала присутствия там иностранных войск НАТО[1].

Страны ШОС были и продолжают быть заинтересованными в конструктивном подходе к решению афганской проблемы. Афганистан граничит с Узбекистаном, Таджикистаном, Китаем — членами ШОС, и с Пакистаном и Индией[2] — странами, которые находятся на пути вступления в ШОС в качестве полноправных членов. Поэтому все участники ШОС заинтересованы в том, чтобы Афганистан наконец стал суверенным, мирным и нейтральным государством. После объявления о планах вывода войск международной коалиции из Афганистана в 2014 г. не без основания существовали опасения, что государствам региона придется столкнуться со многими нерешенными афганскими проблемами и взять на себя определенные задачи по восстановлению нормальной жизни в Афганистане.

Одним из особых рисков, который был связан с ситуацией в Афганистане, стала наркотическая угроза, обусловленная ростом производства афганских наркотиков и их трафиком в сопредельные страны. Поэтому важным вкладом председательства Республики Казахстан в создание системы общей безопасности ШОС стало окончательное создание механизма взаимодействия по вопросам борьбы с наркотрафиком. Казахстан внес существенный вклад в разработку Антинаркотической стратегии государств — членов ШОС на 2011–2016 годы[3]. Тогда же было осуществлено подписание Протокола о взаимопонимании между Региональной антитеррористической структурой ШОС (РАТС ШОС) и Централь-

---

[1] США приняли в 2011 году решение о выводе своих войск в 2014 г., но оно так и не было до настоящего времени полностью осуществлено.

[2] Речь идет о границе, проходящей по оспариваемой Индией, Китаем и Пакистаном территории: Джамму и Кашмир.

[3] Антинаркотическая стратегия ШОС на 2011–2016 гг. Принята в Ташкенте 11 июня 2010 г.

ноазиатским региональным информационным координационным центром по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ЦАРИКЦ). Одновременно началась подготовка к подписанию Меморандума о взаимопонимании ШОС с Управлением ООН по наркотикам и преступности[1].

Нужно заметить, что неверно ассоциировать географическое пространство ШОС исключительно с регионом Центральной Азии. ШОС принадлежит и к Азиатско-Тихоокеанскому региону.

В 2004 г. именно ШОС выступила с предложением создать в АТР партнерскую сеть многосторонних организаций и форумов, что было оформлено в виде "Ташкентской инициативы ШОС". За прошедшие с той поры годы Шанхайская организация сотрудничества смогла установить многочисленные партнерские отношения в АТР, доказав таким образом конструктивность модели "сетевой дипломатии" применительно к региональному сотрудничеству.

Очевидно, что для Шанхайской организации сотрудничества АТР является регионом, с которым не только Китай и Россия, но и другие государства-участники имеют прочные связи и значительные взаимные интересы.

Для дальнейшего развития партнерства в АТР на уровне интеграционных объединений перспективным представляется интенсифицировать контакты с АСЕАН как с организацией, которая занимает центральное место в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Официальные отношения с АСЕАН Шанхайская организация сотрудничества установила еще в 2005 г. подписанием генеральным секретарем ШОС Чжан Дэгуаном и генеральным секретарем АСЕАН Онг Кенг Йонгом Меморандума о взаимопонимании между секретариатами двух организаций. В этом документе были определены такие приоритетные направления сотрудничества, как противодействие терроризму и экстремизму, борьба с контрабандой наркотиков и оружия, препятствие отмыванию денег и ограничение незаконной миграции. Одновременно были предложены и другие перспективные сферы сотрудничества в области экономики, финансов, энергетики и гидроэнергетики, туризма, окружающей среды и использова-

[1] В Алматы подписан протокол о сотрудничестве между РАТС ШОС и ЦАРИКЦ. URL: http://www.inform.kz/arb/article/2307356

ния природных ресурсов, а также социального развития. Реализация задач, поставленных в Меморандуме, осуществляется до сих пор в основном посредством коммуникаций и обмена опытом сотрудников секретариатов, что, возможно, является недостаточным. Необходимость практического сотрудничества между ШОС и АСЕАН вызвана высокой волатильностью политических и экономических процессов как в регионе, так и во всем мире и опирается на тот факт, что эти организации придерживаются единых позиций по многим региональным и глобальным проблемам.

По мере укрепления авторитета ШОС на мировой арене растет и интерес к этой структуре как региональных, так и внерегиональных акторов. Не исключено, что отдельными государствами могут быть предприняты попытки сыграть на противоречиях между государствами — членами ШОС с целью ослабления организации. Представляется целесообразным сосредоточить внимание в рамках ШОС на тех вопросах, которые можно определить как проблемные, чтобы заранее выработать стратегию действий в случае возникновения конфликтных ситуаций в зоне своей ответственности.

Шанхайская организация сотрудничества не является военным блоком и не представляет собой замкнутый союз, направленный против других стран или международных организаций. Усилия ШОС по обеспечению безопасности имеют значение не только для региона Центральной Азии, но и для АТР. Шанхайская организация сотрудничества — это открытое объединение, ориентированное на широкие международные контакты и готовое к расширению состава его участников.

Источники и литература

1. Современный мир и геополитика / Под ред. О.П. Иванова, М.А. Кукарцевой, М.А. Неймарка. М.: Канон+, 2015.

2. XXI век: Перекрестки мировой политики / Под ред. О.П. Иванова, М.А. Кукарцевой, М.А. Неймарка. М.: Канон+, 2014.

3. Россия и современный мир / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Канон+, 2016.

4. *Бажанов Е.П.* Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Философские науки. 2015. № 1. С. 12–28.

5. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013.

6. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Невозможность однополюсного мира // Мир и война. Peace and War. М.: Восток — Запад, 2011.

7. *Бажанов Е.П.* О тенденциях международных отношений на пороге XXI столетия. М.: Научная книга, 1999.

8. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Корейские зарисовки. М.: Восток — Запад, 2010.

9. *Байгожина Г.М., Досова Б.А.* Влияние уйгурского сепаратизма на национальную безопасность Республики Казахстан // Вестник КарГУ. Серия История. Философия. 2010. № 3 (59).

10. *Козырев Н.И., Сидоров Д.А.* ШОС: Новые контуры Евразийской интеграции // Россия и мусульманский мир. 2016. № 1 (283). С. 65–77.

11. *Костачев П.Д., Сурма И.В.* Становление многополярного мира и ШОС // ШОС: возможности и перспективы / Сост. и отв. ред. Р.Н. Шангараев. М.: Onebook, 2016.

12. *Назарбаев Н.* ШОС: десять лет истории // Российская газета. 2011. 3 июня. URL: http://www.rg.ru/2011/06/03/nazarbaev.html

13. *Савельева И.Е.* Безопасность личного состава спецподразделений России. М.: Фортотурс, 2006.

14. *Сидоров Д.А., Колтунов К.Е.* ШОС в многополюсном мире // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 2–5. С. 155–158.

15. Военные учения “Мирная миссия — 2010”. URL: http://russian.china.org.cn/china/node_7100361.htm

16. Военная деятельность ШОС. URL: http://infosco.biz/ru/?pageId=425

17. *Сидоров Д.А.* Особенности экономического сотрудничества в ШОС // ШОС: возможности и перспективы / Сост. и отв. ред. Р.Н. Шангараев. М.: Onebook, 2016. С. 101–116.

18. *Шангараев Р.Н.* Стратегические интересы российско-китайского сотрудничества и вопросы национальной безопасности в рамках развития ШОС // ШОС: возможности и перспективы / Сост. и отв. ред. Р.Н. Шангараев. М.: Onebook, 2016. С. 129–140.

19. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Заключена в Шанхае 15.06.2001. URL: https://www.referent.ru/1/10927

20. *Шеретов С.Г.* Новейшая история Казахстана (1985–2002 гг.): Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Алматы: Юрист, 2003.

21. *Bazhanov Ye., Bazhanova N.* Russia and Korea. Seoul: Seoul Sihnmun, 1992.

Д.А. Сидоров[1]

РОЛЬ "СЕТЕВОЙ ДИПЛОМАТИИ" В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация: В статье раскрывается значение термина "сетевая дипломатия". Автор отмечает возрастающую роль неформализованных и полуофициальных связей в международных отношениях. Проводится анализ роли "сетевой дипломатии" в формировании архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР.

Ключевые слова: сетевая дипломатия, архитектура безопасности в АТР, ШОС, АСЕАН, развитие Дальнего Востока.

Еще в начале 2000-х гг. А.Д. Богатуров анализировал опыт Восточной Азии и ставил вопрос о существовании особой восточноазиатской модели стабильности. Автор обращал внимание на существование в регионе механизма неформализованных, полуофициальных политико-дипломатических связей, которые могут быть более гибкими и адекватными региональной обстановке, чем отношения, формализованные по "блоковому принципу" [6, с. 266–267]. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 г. альтернатива блоковому подходу к решению международных проблем, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решений общих задач, определена термином "сетевая дипломатия" [10].

На сегодняшний день существуют различные трактовки термина "сетевая дипломатия". Одни эксперты определяют сетевую дипломатию как попытку "переплести" ряд двусторонних и мно-

[1] Канд. полит. наук, старший научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

госторонних соглашений, при поддержке бизнес-сообщества, академических кругов и гражданского общества [11]. По мнению других специалистов, ведущая роль отводится негосударственным акторам. И сетевая дипломатия представляется как деятельность различных структур, которые обеспечивают возможности формирования влиятельных групп интересов вне пределов государственных границ, поскольку для эффективного взаимодействия на многосторонней основе по актуальным международным проблемам требуется подключение к переговорному процессу экспертов, ученых, представителей бизнеса и культуры. Во многом кадры для этого поставляют международные неправительственные организации (НПО), активно включившиеся в неформальную дипломатию. Речь идет о выходе на международную арену специалистов, способных устанавливать контакты, развивать сотрудничество, вести неформальные переговоры, осуществлять посредничество в урегулировании конфликтов [12].

Азиатско-Тихоокеанский регион превращается во все более важный центр мирового развития. Вместе с тем АТР характеризуется наличием проблем, которые несут в себе вызовы как региональной, так и международной безопасности. К ним относятся многочисленные территориальные споры, угроза распространения оружия массового уничтожения, наращивание отдельными странами обычных вооружений, соперничество между ведущими тихоокеанскими державами и т.д.

При этом в АТР переплетается большое количество механизмов многостороннего сотрудничества, таких как Восточноазиатские саммиты (ВАС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Форум АСЕАН по региональной безопасности (АРФ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), трехстороннее сотрудничество Россия — Индия — Китай (РИК), форум "Азия — Европа" (АСЕМ), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА). Необходимо учитывать и целый ряд двусторонних и многосторонних зон свободной торговли, международные общественные организации, сеть диалоговых партнерств АСЕАН, международные финансовые институты, подразделения ООН в лице ЭСКАТО.

Восточноазиатский саммит неоднократно обозначался как ведущая площадка для стратегического диалога лидеров государств по проблематике региональной безопасности и как ключевой инструмент налаживания партнерских отношений между действующими в АТР региональными структурами. Представляется, что основная задача сетевой дипломатии — скоординировать различные форматы взаимодействия, чтобы обеспечить обмен опытом и информацией между различными организациями и объединениями.

Учитывая наличие большого количества "болевых точек" в АТР необходима выработка общих подходов к обеспечению региональной безопасности. В 2013 г. был дан старт диалогу по согласованию рамочных принципов укрепления сотрудничества в сфере безопасности в АТР на основе Устава ООН, Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г., Декларации 6-го Восточноазиатского саммита о принципах взаимовыгодных отношений и российско-китайской инициативы о безопасности в АТР 2010 г. Это был важный шаг на пути создания в будущем многостороннего юридически обязывающего документа [17]. Подобный документ мог бы юридически закрепить принципы поведения государств региона, что способствовало бы понижению градуса напряженности в АТР и открыло бы перспективу к дальнейшему сотрудничеству по укреплению мер доверия. Однако представляется, что на согласование подобного документа потребуется длительное время. В условиях конфронтации России с Западом, повышения градуса напряженности на Корейском полуострове и вокруг спорных островов в Южно-Китайском море согласование подобного документа в обозримом будущем кажется маловероятным.

При помощи сетевой дипломатии поиск точек соприкосновения можно осуществлять через третью сторону и через взаимодействие негосударственных структур. Целесообразно наращивать сотрудничество по сближению национальных подходов в вопросах обеспечения региональной безопасности в рамках сети партнерских связей между многосторонними организациями и форумами. Взаимный интерес могут представлять такие сферы, как энергетическая и продовольственная безопасность, реагирование на стихийные бедствия, борьба с пиратством, терроризмом и экстремизмом, борьба с преступностью, незаконной миграцией, кон-

трабандой наркотиков и оружия, обеспечение безопасности финансовых систем, кибер-безопасность и т.д.

Учитывая, что своеобразным ядром интеграции не только в Восточной Азии, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе является АСЕАН, формирование архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР во многом будет зависеть от позиции государств, входящих в Ассоциацию. Представляется перспективным развивать сотрудничество по линии ШОС — АСЕАН на основании подписанного в 2005 г. Меморандума о взаимопонимании между секретариатами двух организаций. Сегодня сотрудничество между ШОС и АСЕАН сводится к обмену информацией между секретариатами и взаимным визитам чиновников. Необходимо переходить от обмена информацией к практической реализации положений меморандума. Существуют объективные причины для координации действий между ШОС и АСЕАН как в вопросах обеспечения безопасности, так и в экономике.

Перспективной для сотрудничества в экономической сфере представляется инициатива Президента России, озвученная во время обращения к Федеральному Собранию с ежегодным Посланием 3 декабря 2015 г. Президент предложил вместе с коллегами по Евразийскому экономическому союзу начать консультации с членами ШОС и АСЕАН, а также государствами, которые присоединяются к ШОС, о формировании возможного экономического партнерства [1]. По всей видимости, эта инициатива является определенным ответом на формирующиеся под эгидой США торговые соглашения — Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП). По мнению Президента РФ, приоритетами в этой работе могли бы стать “вопросы защиты капиталовложений, оптимизация процедур движения товаров через границы, совместная выработка технических стандартов для продукции следующего технического поколения, взаимное открытие доступа на рынки услуг и капиталов”. Основой для этой работы должны стать принципы равноправия и учета взаимных интересов.

Для Российской Федерации развитие сотрудничества со странами АТР имеет стратегическое значение. Введенные против России санкции осложнили экономическую ситуацию в стране и продемонстрировали ненадежность европейских партнеров. К тому

же Россия имеет огромную и слабоосвоенную территорию в Азии. Например, Приморский край довольно тяжело переживает экономический кризис. По оценкам экспертов, во Владивостоке самая высокая стоимость потребительской корзины в стране, что ведет к росту социальной напряженности в регионе [7, с. 191–192]. А от социального самочувствия населения зависит и трудовая мотивация людей, и их миграционные настроения [9].

В мае 2014 г. премьер Дмитрий Медведев поставил перед правительством задачу кардинально улучшить условия для отечественных и иностранных инвесторов в Сибири и на Дальнем Востоке, поручил правительству усилить присутствие России на рынках Азиатско-Тихоокеанского региона и сформировать портфель конкретных проектов между Россией и странами АТР [20]. В сентябре 2014 г. в ходе совещания о господдержке инвестпроектов и территорий опережающего развития на Дальнем Востоке Президент РФ Владимир Путин подчеркнул, что развитие дальневосточных территорий — это один из национальных приоритетов России, и в развитии Дальнего Востока Россия будет опираться прежде всего на партнеров Азиатско-Тихоокеанского региона. Министерством по развитию Дальнего Востока к сентябрю 2014 г. было отсмотрено более 380 инвестиционных проектов, проработанных и предполагающих наличие реального инвестора. При этом к реализации были отобраны только 18 проектов, так как критериями финального отбора стали такие параметры, как соотношение государственных и частных инвестиций, увеличение валового регионального продукта и соотношение будущих фискальных платежей к бюджетным инвестициям [21].

Рынок Азиатско-Тихоокеанского региона является перспективным для реализации продукции, произведенной в России и других странах ЕАЭС. Однако для развития экспорта в страны АТР существуют определенные инфраструктурные ограничения. Так, например, несмотря на наличие высокого спроса на зерно в странах Восточной Азии, отсутствие перевалочных мощностей на Дальнем Востоке резко ограничивает доступ отечественного зерна на рынки стран региона [15, с. 7].

В последние годы в России начали реализовываться инициативы, направленные на улучшение инвестиционного климата на Дальнем Востоке и призванные обеспечить приток иностранных

инвестиций в экономику региона. В первую очередь необходимо отметить принятый в декабре 2014 г. закон "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации" (ТОР). На сегодняшний день в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) созданы уже 12 ТОР, две из них расположены в Сахалинской области. В течение 2016 г. планируется создание в ДФО еще трех ТОР: "Курилы" (Сахалинская область), "Амуро-Хинганская" (Еврейская автономная область) и "Свободненская" (Амурская область) [3].

Необходимо отметить принятый в июле 2015 г. Закон "О свободном порте Владивосток", согласно которому в Приморском крае создается территория с особыми режимами таможенного, налогового, инвестиционного и смежного регулирования. Этот режим будет действовать на территории 15 муниципальных образований Приморского края не менее 70 лет. Закон направлен на развитие Приморского края и создание новых рабочих мест. Реализация проекта будет способствовать интеграции России в экономическое пространство государств Азиатско-Тихоокеанского региона. В марте 2016 г. были подписаны первые соглашения об осуществлении деятельности на территории свободного порта Владивосток. Всего на сегодняшний день поступили 54 заявки от потенциальных резидентов свободного порта Владивосток на сумму более 124 млрд руб. [4].

В сентябре 2015 г. во Владивостоке состоялся первый Восточный экономический форум (ВЭФ), в работе которого приняли участие более 3 тыс. официальных лиц, представителей бизнеса и экспертного сообщества из 26 стран Юго-Восточной Азии, Европы и Америки. Итогом ВЭФ стало подписание около 80 крупных контрактов на сумму примерно 1,3 трлн руб. [5]. В период 2–3 сентября 2016 г. на острове Русский проходил второй Восточный экономический форум, по результатам которого было подписано более двухсот соглашений на общую сумму инвестиций 1,85 трлн руб. [2].

Важную роль в развитии ДВО может играть малое и среднее предпринимательство. В этом отношении целесообразно использовать европейский опыт, где для успешного взаимодействия малого и крупного бизнеса осуществляется создание региональных центров поддержки малого бизнеса [13]. Это помогает консолидировать усилия центральных и региональных властей, малых, средних и крупных предприятий.

Для успешной реализации инициатив по развитию Дальнего Востока и интеграции России в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона внешнеполитический курс России "поворот на Восток" не должен означать разворота от Европы и Запада. Целесообразно искать возможности для снижения уровня напряженности в отношениях с западными партнерами. В этом плане стоит выделить три основных момента:

1) отсутствие западных инвесторов существенно снизит окно возможностей по развитию ДФО;

2) полностью компенсировать западные инвестиции за счет партнеров в Азии кажется невозможным. При этом диверсификация инвестиционных потоков в ДФО вполне отвечает национальным интересам России;

3) при дальнейшей эскалации напряженности в отношениях России с Западом некоторые партнеры Москвы в АТР могут подвергаться политическому давлению со стороны США, что не будет способствовать укреплению экономических связей между этими странами и Россией.

В условиях формирования в АТР закрытого торгового объединения под эгидой США в лице ТТП важным представляется консолидировать сторонников принципа открытости в развитии региональных связей. Для решения поставленных задач оптимальным видится использование формирующихся сетевых структур, которые становятся платформами не только для взаимопонимания, но и для согласования интересов. Такие механизмы многостороннего сотрудничества, как АТЭС, ВАС, ШОС, диалоговое партнерство Россия — АСЕАН, различные неправительственные механизмы взаимодействии и экономические форумы, являются удобными площадками для сценирования проектов в различных областях.

Опираясь на опыт Восточной Азии, где обеспечение безопасности осуществляется не попытками устранить "неустранимое", а через постепенное наращивание потенциала позитивных, прагматических, взаимоперекрещивающихся интересов [18, с. 11], необходимо включать в повестку дня саммитов ВАС обозначенные выше торгово-экономические и гуманитарные вопросы. Постепенное наполнение содержанием будущей архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР, таким образом, будет обеспечивать-

ся через принятие решений по тем направлениям, где сторонам удалось достичь консенсуса.

Источники и литература

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/50864

2. На ВЭФ подписали более 200 соглашений на 1,85 трлн руб. // РИА Новости. 2016. 5 сент. URL: https://ria.ru/economy/20160905/1476071172.html

3. Минвостокразвития: ТОР на Курилах могут создать в 2016 году // РИА Новости. 2016. 3 июня. URL: http://ria.ru/society/20160603/1442253481.html

4. Есть пятерка! // Российская газета. 2016. 16 марта. URL: https://rg.ru/2016/03/16/reg-dfo/svobodny-port-vladivostok-rezidenty.html

5. Сигнал для инвестора // Российская газета. 2015. 8 сент. URL: https://rg.ru/2015/09/08/partner.html

6. *Богатуров А.Д.* Среда против лидеров. "Пространственная структура" самоорганизации международных отношений в Восточной Азии // А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.

7. *Мартышенко Н.С.* Оценка социального самочувствия молодежи в Приморском крае // Научный альманах. 2016. № 1-1 (15). С. 189–192.

8. *Санакоева Д.К., Караева Т.А.* Модель экономического развития России // Экономика России в условиях глобализации: вызовы и возможности развития. Материалы международной научной конференции в рамках VI Международного научного студенческого конгресса на тему: "Гражданское общество России: становление и пути развития". Владикавказ: Типография НПКП "МАВР", 2016. С. 67–70.

9. *Мартышенко Н.С.* Оценка перспектив решения проблемы качества жизни Приморского края в студенческой среде // Alma mater. Вестник высшей школы. 2014. № 12. С. 39–44.

10. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

11. Speech by H.E. Mr. Koichiro Gemba, Minister for Foreign Affairs of Japan, on the Occasion of the 18th International Conference on the Future of Asia: Building a "High-Quality Society" through Network Diplomacy. 2012. May 24. URL: http://www.mofa.go.jp/announce/fm/gemba/speech_120524.html

12. *Зонова Т.* Сохранятся ли НПО в будущем? // Российский Совет по международным делам. 2013. 5 нояб. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2628#top

13. *Буньковский Д.В.* Европейский опыт взаимодействия малого, среднего и крупного производственного предпринимательства // Baikal Research Journal. 2011. № 3.

14. *Иванов О.П.* Американская стратегическая культура // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2007. № 1. С. 87–97.

15. *Генералов И.Г., Суслов С.А.* Производство зерна в России и мире // Вестник НГИЭИ. 2014. № 9 (40).

16. *Санакоева Д.К.* Иностранные инвестиции в обеспечении развития региональной промышленности: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. СПб., 2007.

17. Выступление заместителя министра иностранных дел И.В. Моргулова на открытии семинара по формированию архитектуры безопасности в АТР. Москва. 25 апр. 2014 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/63454

18. *Соколов В.Н.* Сетевая дипломатия, политика памяти и научно-техническое сотрудничество: новые тренды регионостроительства Восточной Азии // Известия Восточного института. 2011. № 2.

19. *Иванов О.П.* Военно-политическая стратегия США в АТР // Современный мир и геополитика. М.: Канон+, 2015. С. 309–326.

20. Медведев поручил правительству усилить присутствие России на рынках АТР // Независимая газета. 2014. № 93. URL: http://dlib.eastview.com/browse/doc/40771989

21. Совещание о господдержке инвестпроектов территорий опережающего развития на Дальнем Востоке. 2014. 1 сент. URL: http://www.kremlin.ru/news/46522

Р.Н. Шангараев[1]

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Аннотация: Экономическая интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) находится на пороге глубоких качественных изменений, связанных с формированием основных механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли.

Ключевые слова: Россия. АТР, Сибирь, Дальний Восток, Китай, ШОС, БРИКС, США, АСЕАН.

В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион. Это обстоятельство обусловлено тем, что Россия принадлежит к этому динамично развивающемуся региону мира и заинтересована в использовании возможностей региона при реализации программ социально-экономического развития и подъема Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, существует острая необходимость укрепления регионального сотрудничества в сфере профилактики и противодействия терроризму, обеспечения безопасности налаживания диалога между цивилизациями [7].

Последнюю четверть века международные отношения проходят сложный переходный этап. Особенностью этой трансформации стало системное нарушение ключевых принципов ООН. Это выражается в пренебрежении основополагающими нормами международного права, использовании двойных стандартов, пря-

[1] Канд. экон. наук., научный сотрудник ИАМП Дипломатической академии МИД России.

мом вмешательстве во внутренние дела суверенных государств, в том числе с применением силы [6, с. 2].

Четко и недвусмысленно понять интересы России, равно как ее место и роль в АТР, возможно только в геополитическом контексте [1]. Сегодня как на официальном уровне, так и большинством экспертного сообщества России признается, что российские позиции в АТР во многом предопределяются уровнем и темпами развития ее восточных регионов[1]. Этот тезис имеет принципиальное значение, ведь по логике нельзя развивать отношения между центральной Россией, где сосредоточена большая часть населения и происходит большинство интеграционных и торгово-экономических процессов, тогда как огромное пространство регионов Сибири и Дальнего Востока приходят в упадок. Для стран с развитой рыночной экономикой актуальна задача повышения трудовой мобильности. В этих странах (из их числа нельзя исключать некоторые государства АТР) [17] идет структурная перестройка, что сказывается на высвобождении и межотраслевом перераспределении рабочей силы. Но зависимость между сдвигами в отраслевой структуре основных фондов, капиталовложений и занятости — сложная и многофакторная, не всегда рост производства в определенных отраслях сопровождается ростом численности рабочей силы, и, наоборот, сокращение производства не всегда ведет к освобождению рабочей силы [23, с. 9–10].

Странам АТР, географически расположенным в непосредственной близости от этих российских регионов, куда более интересно сотрудничать с более экономически развитыми соседями. Причем в сопредельных с Россией странах АТР уже несколько десятилетий идет процесс стремительного развития, естественным результатом которого является усиление стран и региона в мировом масштабе.

---

[1] См. подробнее: *Путин В.В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр. С. 1; *Неклесса А.И.* Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5; *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012; *Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А.* Евразия и Россия. М., 2013.

Быстрое и устойчивое развитие Китая с населением 1,3 млрд человек и 2-м в мире ВВП оказывает неоспоримое влияние на соотношение сил в АТР. При этом именно стратегическое партнерство с Китаем является краеугольным камнем современной российской внешней политики в АТР.

В целом на уровне официального подхода России к углублению стратегического партнерства с Китаем признается, что растущий в рамках своей программы мирного поступательного развития Китай вполне соотносится с российскими интересами. По словам В.В. Путина, "процветающий и стабильный Китай нужен России, и, в свою очередь, Китаю, уверен, нужна сильная и успешная Россия"[1].

Программным документом, определяющим развитие между РФ и КНР на современном этапе, служит Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в 2001 г. Именно с началом 2000-х гг. политические отношения между Россией и Китаем получили неординарную интенсивность. Практически ежегодно проходят российско-китайские встречи на высшем уровне. Сформирован механизм регулярных встреч глав правительств обоих государств (т.е. комиссии по их подготовке). В 2012 г. впервые прошли совместные военно-морские маневры.

На саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. было объявлено о перспективе создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ). Интеграционное объединение АТЗСТ, владеющее значительным потенциалом, будет способствовать прежде всего дальнейшему укреплению позиций Китая в регионе. Стоит также отметить, что данный интеграционный проект предусматривает тандем России и Китая, что достаточно важно для обоих государств, взаимодействие между которыми в последнее время существенно укрепилось как в рамках двустороннего сотрудничества путем активизации торгового и инвестиционного взаимодействия, так и в формате многосторонних инициатив, в частности БРИКС.

Китай активно поддерживает участие России в делах АТР. В течение многих лет Китай оказывал поддержку России при вступлении в АТЭС, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатское сообщество (ВАС). Позиции двух

[1] Московские новости. 2012. 27 февр.

стран совпадают или достаточно близки по большому списку как региональных, так и глобальных вопросов в рамках ШОС и БРИКС [18]. В этой связи большинство экспертов выделяют следующие принципиальные объединяющие основы современных российско-китайских отношений:

• Совпадающие интересы на международной арене, стремление к многополярному миру, обоюдное уважительное отношение к территориальной целостности и суверенитету других государств, неприятие гегемонистской политики, активное участие в создании альтернативной финансовой системы, невмешательство во внутренние дела других государств.

• Отстаивание полномочий и статуса Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН, противодействие современным прецедентам кризисного регулирования под эгидой "права на защиту".

• Борьба против терроризма и экстремизма при одновременном противодействии двойным стандартам при интерпретации данных угроз.

• Противодействие американским планам развертывания системы ПРО в Европе и Восточной Азии, призванным нейтрализовать ядерные потенциалы России и Китая.

• Отрицательное отношение к наращиванию военного присутствия США в АТР[1].

Последний тезис приобретает особый смысл с учетом намечающегося водораздела между США и Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выше уже отмечалось, что даже без учета экономической конкуренции двух мировых и региональных гигантов гипотетический военный конфликт между ними может возникнуть вокруг Тайваня. И США, и Китай негласно готовят вооруженные силы к такой вероятности, а в перспективе к соперничеству в региональном и глобальном масштабах. В такой ситуа-

[1] См. подробнее: *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии. К устойчивому развитию и процветанию. М., 2012. С. 31–54; *Фэн Юйцзюнь.* Изменение обстановки в АТР и китайско-российское сотрудничество в регионе // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии. К устойчивому развитию и процветанию. М., 2012. С. 69–73; *Брутенц К.* Великая геополитическая революция. М., 2014. С. 640–641.

ции и для США, равно как и для Китая, принципиально важным становится вопрос: на чьей стороне будет Россия?

Свидетельством заинтересованности Китая в позиции России по проблемам безопасности в АТР стал первый официальный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в марте 2012 г. Примечательно, что целый ряд западных СМИ обратили внимание на тот факт, что на встрече с В. Путиным генсек ЦК КПК особо акцентировал внимание на необходимости укрепления двустороннего стратегического партнерства и усиления координации по международным и региональным проблемам [3].

Пока формально Россия позиционирует себя в АТР, будучи участником различных многосторонних структур в регионе: с 1994 г. она входит в члены регионального форума АСЕАН, с 1998 г. участвует в АТЭС, с 2005 г. — в формате АСЕАН + Россия. Но можно согласиться с тем, что до последнего времени активная роль России в этих структурах не просматривалась [10, с. 335]. Действительно, существует множество фактов, свидетельствующих об утрате позиций России в АТР как важного политического субъекта. Например, сегодня практически сошло на "нет" российское влияние на КНДР. Членство в "шестерке" номинальное — место Москвы заполнил Пекин, куда и возил своего преемника на своеобразные смотрины Ким Чен Ир. Военное присутствие (Камрань) также утрачено. Ситуация усугубляется снижением военно-морского присутствия России в АТР на фоне деградации Тихоокеанского флота, который, в отличие от Северного, до последнего времени финансируется по остаточному принципу [15].

И только в 2012 г. на саммите АТЭС во Владивостоке начала ясно обозначаться политическая инициативность России в АТР, преследующая в первую очередь экономические цели.

Интенсификацию политических отношений России со странами АТР ряд экспертов связывает прежде всего с энергетическим фактором: очевидной переориентацией номенклатуры экспорта энергоносителей.

Россия обладает уникальным экспортным потенциалом, входит число стран с богатейшими запасами нефти.

Основные тенденции развития мировой энергетики составляют тот контекст, в рамках которого следует осуществлять анализ политики энергетической безопасности различных стран, по-

скольку эти тенденции определяют направления, в которых изменяются их императивы, приоритеты и механизмы [5].

Запасы нефти на планете постепенно истощаются, но важнее то, что Россия не оказывает ощутимого влияния на процесс нефтяного ценообразования, что особенно явно видно в свете текущей санкционной политики Запада по отношению к России из-за украинского кризиса. В этой связи ситуация с газом выглядит намного перспективнее: Россия и Иран владеют около 60% мировых запасов газа, объема которого хватит мировому сообществу как минимум до XXII в. При этом, несмотря на привязку цен на газ к ценам на нефть, Россия все же имеет в газовом ценообразовании больше дополнительных рычагов влияния по сравнению с нефтяным рынком [21]. Для России подобная ситуация предоставляет хороший шанс с помощью газового рычага усилить свое влияние как в зоне ЕС, так и в АТР.

Так, начиная с 1997 г., когда состоялись первые переговоры между Россией и Китаем о возможных поставках российского газа на Мировом нефтяном конгрессе в Пекине, на протяжении последующих семнадцати лет шел долгий процесс поиска взаимовыгодного компромисса по газовому контракту между Газпромом и китайской CNPC. Пробуксовки объяснялись тем, что китайцы очень жестко боролись за более выгодную цену: Россия хотела продавать газ в Поднебесную по европейским ценам, китайцы на это не соглашались (выдвигалась цена $60 за тысячу кубометров, что вообще никак не окупало для России себестоимость, транспортировку и многие другие моменты). Но на фоне украинского кризиса в мае 2014 г. долгожданный контракт на поставку российского газа в КНР был подписан, что и стало главным итогом визита Президента В.В. Путина в Китай. По условиям контракта ежегодно в КНР планируется поставлять 38 млрд кубометров газа в год, срок поставок — 30 лет, общая стоимость контракта — $400 млрд. При этом, хотя детали контракта не разглашаются, но по мнению экспертного сообщества, с учетом действующей ныне практики привязки цены газа к цене нефти, цена российских поставок в КНР находится где-то на уровне $350 за тысячу кубометров. Это примерно на $35 ниже той цены, по которой покупают российский газ в Европе [11]. В данном случае России пришлось немного уступить, что объясняется необходимостью страховки на фоне укра-

инского кризиса и возможного сокращения потребления российского газа Европой. При этом модернизация дальневосточных экономических и газодобывающих областей России [22] будет означать передел экономического, геополитического и политического влияния в регионе, передел в пользу России.

Таким образом, подводя промежуточный итог исследования, необходимо сделать следующие выводы:

1. В последние годы в стратегическом видении Россией своих приоритетов все чаще проступает позиционирование себя как евро-тихоокеанской державы, которая имеет законные и растущие интересы в АТР, связанные прежде всего геополитическим положением нашей страны [4].

2. Интересы России состоят в полноценном включении в региональную архитектуру безопасности и региональную экономическую интеграцию в АТР. При этом краеугольным камнем российской внешней политики в АТР продолжает оставаться стратегическое партнерство с Китаем.

При этом развитие экономического сотрудничества России со странами АТР на сегодняшний день является локомотивом усиления политических позиций России в регионе [16].

Для России важно, чтобы стремительно развивающийся в регионе процесс формирования двусторонних и многосторонних преференциальных торговых договоренностей проходил в условиях максимальной прозрачности, чтобы всем были видны как плюсы, так и минусы действующих и создающихся соглашений. В нынешней ситуации взаимодействие происходит уже не между отдельными странами, а на уровне целых интеграционных блоков. Первый положительный опыт, полученный в рамках формирования ЕАЭС, позволяет России включиться в обсуждение многих вопросов на площадке АТЭС не в индивидуальном качестве, а как участнику интеграционной группировки.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П.* Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Философские науки. 2015. № 1. С. 15–28.

2. *Брутенц К.* Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014.

3. Визит Си Цзиньпина в Москву: в центре внимания — прагматическое партнерство // Deusche Welle. 2013. 22 марта.

4. *Звягина Д.А.* Научно-технологическое сотрудничество России и ЕС: проблемы и возможности // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2015. № 3 (8). С. 3–6.

5. *Иванов О.П., Минаев О.С.* Энергетическая безопасность ЕС // Мир и политика. 2012. № 9 (72). URL: https://mir-politika.ru/1318-energeticheskaya-bezopasnost-v-es.html

6. *Козырев Н.И., Сидоров Д.А.* ШОС: Новые контуры Евразийской интеграции // Азия и Африка сегодня. 2015. № 10. С. 2–7.

7. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ea0017

8. *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии. К устойчивому развитию и процветанию. М., 2012. С. 31–54.

9. *Миндагалиева А.Ш.* Приграничный аспект экономического сотрудничества России и Казахстана // Дипломатическая служба. 2012. № 1. С. 38–44.

10. *Морозов Ю.* Перспективы России в Северо-Восточной Азии в XXI в. // Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ, 2014.

11. Москва нашла себе новую Германию // Профиль. Совместно с журналом Der Spiegel. 2014. № 20.

12. *Неклесса А.И.* Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта.

13. *Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А.* Евразия и Россия. М., 2013.

14. *Путин В.В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр.

15. *Салин П.* Россия и Азия или Россия в Азии? // Россия в глобальной политике. 2011. 2 авг. URL: http://globalaffairs.ru/number/Rossiya-i-Aziya-ili-Rossiya-v-Azii-15282

16. *Сидоров Д.А.* Международная конференция “ШОС: возможности и перспективы” // Политика. 2016. № 107. С. 29–33.

17. *Сидоров Д.А.* Роль и место Шанхайской организации сотрудничества в современном мире (политологический анализ):

Дисс. … канд. полит. наук. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2011.

18. *Сидоров Д.А.* "Проблема роста" Шанхайской организации сотрудничества // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 114–117.

19. *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012.

20. *Фэн Юйцзюнь.* Изменение обстановки в АТР и китайско-российское сотрудничество в регионе // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии. К устойчивому развитию и процветанию. М., 2012. С. 69–73.

21. *Шангараев Р.Н.* Кластерные инициативы как основа модернизации промышленности России // Сегодня и завтра Российской экономики. 2011. № 43. С. 96–108.

22. *Шангараев Р.Н.* Формирование кластерных структур в современной экономике // Горизонты экономики. 2011. № 2. С. 71–78.

23. *Яхменев П.А.* Особенности миграционных процессов в регионах российского Севера и их влияние на политику занятости: Автореф. дисс. … канд. экон. наук. М.: РАГС, 2004.

К.П. Курылев[1]

УКРАИНСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕКИНОМ ПРОЕКТА "ШЕЛКОВОГО ПУТИ"

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимодействия Украины и КНР в логистической сфере. Проводится анализ актуальных транспортно-коммуникационных маршрутов, реализуемых КНР, в которые может быть включена Украина. Автор приходит к выводу, что Украина в силу своего уникального политико-географического положения является важным партнером для КНР, использование которого дает возможность китайской стороне диверсифицировать маршруты поставок своих товаров на европейские рынки. Автор заключает, что го-

[1] Докт. ист. наук., доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

сударственный переворот на Украине вовсе не помешал КНР развивать сотрудничество с Украиной в данной сфере. Наоборот, такого рода партнерство лишь активизируется, что представляет выгоду в том числе и для Украины, давая ей основания рассчитывать на столь необходимые внешние инвестиции.

Ключевые слова: Украина, КНР, Великий Шелковый путь, Экономический пояс Шелкового пути, Морской Шелковый путь, мультимодальные маршруты.

Украинский кризис прочно занял ведущие позиции среди проблем, решение которых оказывает непосредственное влияние на европейскую безопасность и всю систему международных отношений. Он не только обнажил целый ряд серьезных противоречий, но и обострил их до крайности. Для Украины события февраля 2014 г. стали переломными как с точки зрения национально-государственного строительства, так и определения внешнеполитических приоритетов. Выбор властей Киева в пользу национально-идентификационного проекта развития привел к краху прежней внешнеполитической концепции и утверждению новой, альтернативной по своей сути. Страна, в течение постсоветского периода балансировавшая между Россией и Западом, резко изменила вектор внешней политики и взяла четкий евро-атлантический курс. Украинский кризис со всей очевидностью вскрыл и несовершенство действующей модели европейской безопасности, основанной на ключевой роли НАТО и периферийности российского фактора.

На этом фоне представляет интерес такой вектор внешней политики Украины, как китайский. Во времена реализации внешнеполитической концепции, основанной на балансировании между интересами России и Запада и игре на противоречиях между ними, китайское направление не представляло собой приоритетного направления во внешнеполитическом курсе Украины. Смогут ли украинские политики, пришедшие к власти в результате государственного переворота, с большей выгодой, нежели их предшественники, использовать “китайский ветер”, направив его в “паруса” украинской экономики, остается пока вопросом. Попробуем разобраться в этом. Тем более что имеется серьезная заинтересованность Китая в развитии отношений с Украиной.

Напомним, что с первых дней обретения Украиной независимости ее отношения с Китаем развивались весьма динамично. Китайская Народная Республика первой из стран своего региона признала Украину независимым государством (27 декабря 1991 г.) и установила с ней дипломатические отношения (4 января 1992 г.).

Какими факторами определяются отношения двух стран. Среди них не последнее место занимает постоянно растущий экономический и политический вес КНР в мире. Важным является и геополитический фактор. Оба государства расположены в евразийском регионе, являются соседями России — крупнейшего государства в мире, на них спроецировано внимание единственной сверхдержавы — США. Подобное положение в значительной мере определяет роль и место Украины и КНР не только в Евразии, но и в более широком, глобальном геополитическом контексте. Еще одним обстоятельством, которое сказывается на отношениях двух стран, является определенная совместимость их экономик и технических стандартов во многих отраслях хозяйствования. Серьезных противоречий между двумя странами не было. Более того, в 1994 г. официальный Пекин после некоторого раздумья присоединился к Бухарестскому меморандуму, став наряду с США, Россией, Великобританией и Францией гарантом безопасности Украины после отказа последней от обладания ядерным оружием.

На сегодняшний день между Украиной и КНР заключено более 70 договоров.

Не является секретом тот факт, что КНР остро нуждается не только в диверсификации маршрутов и источников поставок энергоносителей, но и в альтернативных маршрутах сбыта произведенной продукции. У Пекина есть хорошо отлаженные и обустроенные морские пути, которые соединяют побережье Китая через Малаккский пролив, Индийский океан, Суэцкий канал, Средиземное море, Гибралтарский пролив с Евросоюзом — одним из главных торговых партнеров КНР. Торговля осуществляется через порты Гамбург и Роттердам, которые являются одними из крупнейших портов мира. Что касается ответвления от средиземноморского маршрута в Черное море, то оно проходит через Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы и замыкается на крупнейший по грузообороту украинский порт Одессу.

Однако доставка контейнера из Шанхая в Гамбург или Роттердам морским путем обходится в среднем в $2500–3000 и занимает от 30 до 45 дней. Поставка же по железной дороге, хотя и обходится в $8000–15000, но занимает 7–15 дней, а переплата за скорость может быть оправдана поставками нескольких групп товаров высокой стоимости. При этом большая часть китайской торговли проходит через Южно-Китайское море, где растет напряженность из-за острых территориальных претензий соседних государств. Конечно, Китаю хотелось бы иметь альтернативу на случай негативного развития ситуации. Ключевой задачей является и необходимость дать импульс развитию северо-западных районов КНР [1].

26 августа 2010 г. в ходе украинско-китайского межрегионального форума был представлен проект строительства крупнейшего в Восточной Европе логистического центра, который планируется возвести в Борисполе. Этот центр призван сократить доставку грузов двух крупнейших мировых рынков — азиатского и европейского — с нынешних 42 до 14 дней. В данном контексте китайская сторона заинтересована в создании карго-терминала, реконструкции и строительстве новых пассажирских терминалов аэропорта Борисполь, что позволит не только задействовать инфраструктуру для движения китайской продукции на рынки Евросоюза, но и обеспечит заказами китайские предприятия с использованием кредитов Китая. В подобном же ключе надлежит рассматривать и заинтересованность китайской стороны в реконструкции Одесского морского торгового порта и строительстве новых причалов и терминалов в Днепровско-Бугском лимане. 27 сентября 2010 г. делегация посольства КНР выразила заинтересованность в строительстве в Одесском морском торговом порту комплексов по перевалке железорудного сырья и других грузов, следующих из Юго-Восточной Азии в Европу и в обратном направлении. Делегация во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Чжан Сиюнем выступила за привлечение в порт китайских контейнерных линий [6]. Как показала дальнейшая история, интерес к портовой инфраструктуре Украины со стороны КНР в дальнейшем лишь усилился.

Стратегического уровня двусторонние отношения достигли в президентство В.Ф. Януковича. В ходе визита Председателя КНР

Ху Цзиньтао на Украину 20 июня 2011 г. была подписана Совместная декларация об установлении и развитии отношений стратегического партнерства между Украиной и КНР. Китайская сторона выдвинула четыре предложения:

1) укрепить взаимное доверие и поддержку, упрочить политическую основу китайско-украинских отношений стратегического партнерства;

2) всесторонне содействовать прагматическому сотрудничеству, укреплять материальную основу отношений стратегического партнерства. Расширить и углубить прагматическое сотрудничество в области торговли, экономики, инвестиций, новых высоких технологий, полезных ископаемых, энергетики и сельского хозяйства, всесторонне повышать уровень китайско-украинского делового сотрудничества, сделав приоритетом крупные проекты;

3) расширить гуманитарные обмены, укрепить социальную основу китайско-украинских отношений;

4) активизировать сотрудничество между двумя сторонами в международных и региональных делах, расширить многостороннюю основу китайско-украинских связей [3].

Ряд крупных совместных проектов находились в стадии реализации, когда Украина погрузилась в кризис и гражданскую войну. Среди них:

- строительство железной дороги Киев — международный аэропорт Борисполь для пассажирского сообщения;
- реконструкция Одесского морского торгового порта и строительство новых причалов и терминалов в Днепровско-Бугском лимане;
- строительство новых автомобильных дорог Львов — Краковец и Одесса — Рени, а также большой кольцевой дороги вокруг Киева [5, с. 236].

В декабре 2013 г. состоялся государственный визит в КНР Президента Украины В. Януковича, который был ознаменован подписанием Договора о дружбе и сотрудничестве между Украиной и КНР, Совместной декларации Украины и КНР о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства и Программы развития отношений стратегического партнерства между Украиной и КНР на 2014–2018 гг.

Визит происходил в сложное для украинского главы время, в Киеве шел Евромайдан. Сама по себе организация поездки президента в столь дальнее зарубежье в неблагоприятных внутриполитических условиях выглядела очень странно. Поэтому многих тогда волновал вопрос: зачем Президенту Украины потребовалось посещать Пекин.

Чтобы понять смысл столь странного на первый взгляд шага, напомним, что произошло незадолго до этого визита. Осенью 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии выдвинул инициативу по совместному возрождению "Шелкового пути" в XXI в. Цель инициативы "Один пояс и один путь" — возродить древний "Великий Шелковый путь", установить более тесные связи между странами Азии, Европы и Африки, на новую историческую высоту поднять взаимовыгодное сотрудничество этих стран.

Очевидно, что В. Янукович решил разыграть китайскую карту, рассчитывая на получение кредитов и инвестиций со стороны КНР. В ходе переговоров Президента Украины в Пекине был подписан меморандум, согласно которому Украина предоставляет Китаю значительный участок береговой линии в Крыму на территории Сакского района для строительства глубоководного порта. Отсюда китайские товары по рекам, железным и автомобильным дорогам направлялись бы на рынки Евросоюза, как и европейские товары в Китай. Кроме того, СМИ опубликовали информацию о том, что Украина передает Китаю в долгосрочную аренду для выращивания пшеницы и других сельскохозяйственных культур ряд территорий в Крыму и 100 тыс. га сельскохозяйственных угодий в Днепропетровской области и о дальнейших планах расширения арендованных площадей до 3 млн га в течение 50 лет. Как отмечает О.А. Тимофеев, "проект мог бы стать не только самым крупномасштабным, но и совершенно уникальным как для Украины, так и для Китая. О его значимости говорит тот факт, что в настоящее время общая площадь сельскохозяйственных угодий, арендованных китайскими компаниями за рубежом, составляет около 2 млн га" [9, с. 241].

Однако затем на Украине произошел государственный переворот, вследствие которого Президент В. Янукович был свергнут, покинул страну, а к власти пришли националисты-радикалы.

Крым объявил о своей независимости и, проведя референдум, вошел в состав России, а на востоке Украины началась гражданская война. Таким образом, в результате этих событий под вопросом оказалась реализация многих совместных проектов, а вопрос о строительстве Китаем глубоководного порта в Крыму был закрыт.

Но отношения с Украиной, пусть и без Крыма, сохранили свою актуальность для китайской стороны. Ведь проект "Шелкового пути" является задачей стратегического и долгосрочного масштаба для Китая. В связи с этим 29 декабря 2014 г. в Пекине был зарегистрирован и начал официально действовать Фонд "Шелкового пути". Капитал фонда был выделен из китайских золотовалютных резервов, а также активов Китайской инвестиционной корпорации, экспортно-импортного банка Китая и Китайского банка развития. На строительство инфраструктурных объектов в рамках Фонда развития Шелкового пути выделено $40 млрд. Также Китай планировал внести более $60 млрд в три банка, которые будут оказывать поддержку проекту. Начал работу Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом в $100 млрд. А с учетом частных инвестиций в проект "Один пояс и один путь" будет вложено до $900 млрд [1].

28 марта 2015 г. правительство КНР описало задачи и этапы проекта в документе "Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию "Экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути" XXI в." [7]. В рамках инициативы "Один пояс и один путь" следует построить новый континентальный мост между Европой и Азией и международные коридоры экономического сотрудничества. В их основу должны быть положены крупные маршруты с опорными точками в ключевых городах и площадками для сотрудничества в важных торгово-экономических и производственных зонах. На море будут создаваться безопасные, бесперебойные и высокоэффективные транспортные маршруты с узловыми точками в важнейших портах.

"Экономический пояс Шелкового пути" представляет собой целый набор маршрутов. Это поможет добиться независимости от одного транзитера, увеличить пропускную способность и обеспечить рост сотрудничества со странами прохождения. *Северный коридор* соединит северо-восток КНР с портами Балтии и

Роттердамом. Транзит идет через Казахстан, Россию и Беларусь. *Центральный коридор* — самый протяженный. Он соединит Центральный и Западный Китай через Центральную Азию (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан), Иран и, возможно, Турцию с ЕС (в районе Балкан). Коридор имеет геополитическое значение. Он укрепит связь Китая с Ираном, расширит влияние в Центрально-Азиатском регионе, а также будет содействовать экономическому развитию государств Центральной Азии. Этот коридор будет пересекаться с международным транспортным коридором Европа — Кавказ — Азия TRACECA (Констанца — Варна — Ильичевск — Поти — Батуми — Баку — Ташкент — Алматы — Актогай — Достык — Алашанькоу — Ляньюньган). *Южный коридор* — азиатский. Он может соединить порты Южного Китая и Пакистана (Гвадар).

Украина является одной из многих стран — участниц инициативы "Экономического пояса Шелкового пути". Это было формализовано в 2015 г., когда Министерство экономического развития Украины и Министерство коммерции Китая подписали соответствующие документы. Данный маршрут является альтернативой, которая позволит перенаправить грузопотоки в восточном направлении в обход России.

Он включает паромные переправы Черного и Каспийского морей (Ильичевск — Батуми и Алят — Актау-Порт) и должен стать конкурентным в сравнении с традиционным сухопутным маршрутом.

Что означает взаимодействие Китая и Украины в данной сфере? Контейнеры с грузом из Китая прибывают в Грузию, откуда на Украину они могут попасть только по Черному морю. Значит, на Украине должен появиться морской порт, где китайцы станут перегружать контейнеры с океанских судов на железные и автомобильные дороги и суда класса "река — море". К тому же, если они организуют крупномасштабное производство зерна для снабжения продовольствием собственного населения, им понадобится порт для его отгрузки. И тут возможны только два решения: либо Украина передает Китаю один из своих крупных морских портов (Одессу или Николаев), либо выделяет большой земельный участок на побережье. Так или иначе, порт такой будет, и Китай ста-

новится черноморской державой со всеми вытекающими отсюда последствиями [2].

Преимущество Украины состоит в ее географическом расположении на пересечении транспортных осей Север — Юг и Запад — Восток, а также близость к рынкам ЕС и России. Кроме транзита в ЕС участие в "Шелковом пути" может оживить и двустороннюю торговлю Украины и Китая. Украина обладает большим экспортным аграрным потенциалом, высоким качеством продовольственной продукции, наличием разветвленной инфраструктуры и имеет возможность стать крупнейшим поставщиком продовольственных товаров в Китай.

Стоит отметить, что Украина не впервые взаимодействует с Китаем в подобном формате. Скупые исторические источники домонгольского периода Киевской Руси свидетельствуют о том, что зарождению ее контактов с Китаем существенно способствовал именно "Великий Шелковый путь" из города Чанъань — столицы империи Западная Хань — через Памир, Центральную и Западную Азию в Восточное Средиземноморье.

Важно отметить, что проект "Экономический пояс Шелкового пути" хорошо соотносится с евроинтеграционными устремлениями украинских властей. Так, в начале декабря 2013 г. посол Украины в КНР О. Демин отметил, что: "Китай как абсолютно цивилизованная страна очень спокойно реагирует на решения своих друзей и партнеров... Китай, конечно, заинтересован в том, чтобы Украина была в европейском пространстве, поскольку они видят Украину в таком случае как ворота в Европу" [9, с. 239].

В свою очередь, депутат Верховной Рады Украины, первый заместитель председателя комитета по иностранным делам В. Наливайченко, известный своими антироссийскими взглядами, 29 мая 2013 г. заявил, что "Стремление Украины в Евросоюз может быть использовано в качестве точки опоры для выстраивания полезных связей с Китаем... Мы понимаем, что такое сотрудничество обязательно приведет к развитию экономического потенциала страны, а значит, к усилению экономических аргументов в переговорном процессе с ЕС" [8, с. 24–25].

Важное событие в контексте реализации Китаем его стратегических планов произошло 14 января 2016 г., когда Азербайджан, Казахстан, Грузия и Украина подписали в Баку протокол об уста-

новлении льготных тарифов на грузоперевозки по Транскаспийскому международному транспортному маршруту.

Характеризуя этот шаг, официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин заявила, что Китай поддерживает предложение Украины о создании еще одного трансконтинентального маршрута из Китая в Европу, проходящего через Азербайджан, Казахстан, Грузию и Украину в обход России. Этот маршрут будет создан в дополнение к уже существующему, проходящему через Казахстан, закавказские республики и Турцию [4].

Уже на следующий день 15 января Украина запустила первый экспериментальный рейс контейнерного поезда по маршруту Украина — Грузия — Азербайджан — Казахстан — Китай из морского порта Ильичевск. По планам Киева движение будет осуществляться от станции Изов на границе Украины и Польши до станции Достык на границе Казахстана и Китая. Часть маршрута будет проходить на паромах по Черному и Каспийскому морям.

КНР в последнее время усиливает внимание к Восточной Европе. Подписываются меморандумы о взаимопонимании по продвижению "Нового Шелкового пути". Например, 8 июня 2015 г. такой меморандум подписала Венгрия. Транспортное сообщение с ней, очевидно, Китай планирует пустить через Украину.

Украинский маршрут обладает рядом слабых мест, среди которых можно выделить:

- устаревшее оборудование в портах;
- проволочки с оформлением судовой документации из-за бюрократии;
- Украина не является членом ЕС и это усложняет и удлиняет таможенные процедуры;
- высокая стоимость судозаходов;
- отсутствие качественных дорог для автосообщения с ЕС;
- данный маршрут длиннее того, который пролегает через Россию и Белоруссию и предполагает прохождение двух морей;
- паромный потенциал сейчас ограничен количеством и сроком эксплуатации (с 1970-х гг.);
- неприемлемое состояние трассы "Одесса — Рени", что не позволяет использовать ее в качестве отрезка международного коридора на Балканы [1].

Таким образом, очевидно, что Украина в силу своего крайне удачного геополитического положения представляет огромный интерес не только для соперничавших до сего дня за влияние в ней России, США и ЕС, но и нового актора в лице Китая, который реализовывал свои стратегические планы на Украине как в тот период, когда та балансировала между Россией и Западом, так и сейчас, когда официальный Киев встал на рельсы усиленного сотрудничества с США и ЕС, а Россию записал в угрозу своей безопасности.

Принято считать, что отношения России и Китая являются стратегическими. Так их позиционируют оба государства. И свидетельством этому является взвешенная позиция КНР в ходе украинского кризиса, которая нашла понимание и поддержку у немалого количества государств мира. Это наглядно проявилось 27 марта 2014 г. в ходе принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины. Напомним, что этот документ был принят лишь незначительным большинством: за него проголосовало 100 из 193 государств-членов ООН [10].

С другой стороны, Китай имеет стратегические отношения и с Украиной и не намерен в угоду Москве отказываться от возможностей диверсификации транспортно-коммуникационных маршрутов. Как отмечает д.и.н., профессор, руководитель Школы востоковедения НИУ ВШЭ А.А. Маслов, своими действиями на Украине "Китай как раз четко показывает, что для него все равны, главное дело в выгоде и готовности страны следовать китайским пожеланиям... Китай, очевидно, создает для себя целый ряд микросоюзов... Инвестирование в саму Украину по-прежнему является одной из приоритетных программ китайской стороны... Это создание очередного союза, экономического альянса, который нужен не столько в противовес России, сколько для спасения китайской экономики, которая требует очень быстрых инфраструктурных изменений" [4].

Кризис на Украине лишний раз, таким образом, доказал, что в отношениях со своими партнерами Китай стоит на исключительно прагматичных позициях, реализуя ту политику, которая отвечает его долгосрочным национальным интересам. Нельзя исключать, что подобный прагматизм китайской стороны опи-

рается на неверие в то, что “разворот на Восток”, который сделала Россия в ходе кризиса на Украине и под давлением западной санкционной политики, это разворот не конъюнктурный, а всерьез и надолго.

Источники и литература

1. *Гардус М.* Украина хочет помочь Китаю строить Шелковый путь в обход России: карты и подробности // Минпром — ИА “Агентство промышленных технологий. 2016. 23 янв. URL: http://www.minprom.ua/digest/202357.html

2. Доставка Китай Украина: планы и перспективы для России. URL: http://fedexpres.ru/news/news_post/dostavka-kitay-ukraina-plany-i-persektivy-dlya-rossii

3. Китай и Украина подписали Совместную декларацию об установлении и развитии отношений стратегического партнерства // Синьхуа Новости. 2011. 21 июня. URL: http://russian.news.cn/dossiers/2011-06/21/c_13940422.htm

4. *Легуенко М.* Зачем Китай променял Россию на Украину. URL: https://www.ridus.ru/news/210619.html

5. *Мокрецкий А.Ч.* Китайско-украинские отношения в свете концепции “стратегического равновесия” Украины // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. Вып. № 18.

6. Основные направления китайско-украинского экономического сотрудничества и сопутствующие риски // Analytic Group “Da Vinci AG”. 2011. 4 июля. URL: http://ru.davinci.org.ua/news.php?new=278&offset=6&allev&ev

7. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Генеральное консульство Китайской Народной Республики в г. Хабаровске. 2015. 28 марта. URL: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t1255142.htm

8. Развитие стратегического партнерства между Украиной и Китайской Народной Республикой: результаты, проблемы и перспективы. Материалы украинско-китайской научно-практической экспертной конференции. 29 мая 2013 г. Киев: Дипломатическая академия МИД Украины, 2013.

9. *Тимофеев О.А.* Украинский кризис и его влияние на российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19. Вып. № 19.

10. Территориальная целостность Украины. Резолюция 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН № 68/262. 2014. 27 марта.

Н.И. Маслакова-Клауберг[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТРАН — ЧЛЕНОВ БРИКС И ЕВРОСОЮЗА

Аннотация: В статье рассматривается процесс становления БРИКС и формирования приоритетов деятельности этого объединения. Проводится анализ перспектив развития сотрудничества стран — участниц БРИКС с Европейским союзом.

Ключевые слова: мировая экономическая система, БРИКС, Европейский союз, ЕС

В период происходящей с начала 2000-х гг. трансформации мировой политической и экономической системы отмечается заметное ослабление финансово-экономического преобладания западных государств в мировой экономике. В то же время происходит процесс формирования новых крупных экономических центров в форме союзов, групп и блоков, которые в ближайшем будущем вполне способны уменьшить влияние такого мирового лидера, как Соединенные Штаты Америки. Среди них следует выделить ШОС, БРИКС, ЕАЭС и др. По-прежнему крупнейшим региональным интеграционным объединение остается Европейский союз.

После своего первого саммита в 2009 г. в Екатеринбурге страны БРИКС как союз быстро развивающихся экономик мира (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) сделали заметный рывок в интеграционном сотрудничестве, заявив о себе как о серьезном и перспективном игроке среди других мировых экономических лидеров. В начале формирования БРИКС никто из европейцев не придавал серьезного значения этому новому экономическому со-

[1] Канд. ист. наук, руководитель Центра мировых культур ИАМП Дипломатической академии МИД России.

юзу. В ЕС с большой долей скептицизма относились к его дальнейшей судьбе. И это понятно, поскольку страны БРИКС не связывает общая географическая близость, между ее членами существуют определенные внутренние противоречия и притязания, а также они обладают разными экономическими потенциалами. Однако их объединяет нечто иное — это страны так называемых восходящих экономик мира, ориентированные на свое заметное место в мировой экономике и новой формирующейся мировой политической системе [5].

В начале своего пути страны — члены БРИКС не были нацелены на координацию своих экономических политик и образование некой экономической ассоциации по примеру Евросоюза. Но уже в 2014 г. стало прослеживаться стремление стран этой группы сформировать сильный "экономических союз", который мог бы оказывать заметное геополитическое влияние в мире [3].

2015 г. стал для БРИКС своего рода рубежной чертой. На VII Саммите Организации в российском городе Уфа (Башкортостан) были приняты важные решения, определившие его дальнейшее развитие. Самым важным итогом саммита стало создание нового Банка развития и Пула условных валютных резервов с совокупным капиталом в $200 млрд [1]. В подписанной Уфимской декларации обозначен совместный курс на переход в торговле на национальные валюты, что, безусловно, снизит влияние мировой американской валюты — доллара. Логичным следствием этого станет укрепление роли национальных валют стран БРИКС в международных экономических отношениях. Китай уже заявил об интернационализации юаня и повышении его международного статуса.

Кроме того, до конца 2015 г. должна была быть подготовлена "дорожная карта" с перечнем крупных проектов и запуском "виртуального секретариата". Страны БРИКС выступают также за реформирование Международного валютного фонда (МВФ) как одной из краеугольных основ мировой валютной системы.

Огромный интерес на саммите был проявлен к новой стратегии экономического пояса "Шелкового пути". Страны — участницы БРИКС обсуждали также политические вопросы: ситуацию вокруг ядерной программы Ирана, кризис в Греции, конфликт на востоке Украины, борьбу с международным терроризмом и др.

Для стран Евросоюза и прежде всего США решения саммита прозвучали как некий вызов, устоявшимся в мировой экономике "правилам игры", где доминантой являются США и американский доллар.

Несмотря на существующий после вступления в союз в 2011 г. ЮАР мораторий на расширение членов БРИКС, многие страны уже "примеряют" возможные форматы сотрудничества с Организацией на перспективу. С формальной точки зрения БРИКС не является организацией, поскольку не существует правил, регламентирующих членство в этом союзе, а также устава и структурных органов.

На саммите в Уфе в июле 2015 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что "о расширении БРИКС речи вообще не идет. Это общее решение пяти государств". Он пояснил, что "задача в том, чтобы все это закрепить, поставить на устойчивые рельсы — дальше будет видно" [6].

Помимо лидеров стран — членов БРИКС, на саммите присутствовали также главы 10 государств (Армения, Афганистан, Белоруссия, Иран, Казахстан, Киргизия, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан).

Кроме того, Аргентина и Южная Корея могут рассматриваться в перспективе как кандидаты на вступление в группу БРИКС.

Следует отметить, что на саммите также рассматривались кризисная ситуация в Греции и возможный вариант ее кредитования через БРИКС, что, несомненно, привело бы к конфликту интересов с Евросоюзом.

Все это указывает на то, что БРИКС становится крупным и перспективным политическим и экономическим игроком, с которым приходится считаться многим странам и международным организациям, в том числе такому мощному интеграционному объединению, как Евросоюз.

Российский дипломат (координатор в МИД РФ по работе со странами БРИКС) Вадим Луков отметил, что главными принципами БРИКС являются открытость и партнерство, что создает позитивную и бесконфронтационную основу для сотрудничества. По его мнению, у БРИКС есть реальные шансы стать позитивным центром силы, основанном на равном партнерстве с упором на демократические принципы и верховенство международного права [2].

На сегодняшний день страны группы БРИКС являются самыми быстрорастущими экономиками мира и имеют достаточно внушительный экономический и политический капитал. Так, на их долю приходиться 1/5 часть мировой экономики, 26% территории земли, 43% населения, около 15% мировой торговли, 40% производства пшеницы, 50% производства свинины, 30% производства мяса птицы и говядины, 32% пахотных земель.

Общий объем экономики БРИКС в 2013 г. превысил $30,1 трлн (у группы G7 — $33,2 трлн). Экономики стран — членов БРИКС выросли за последние 10 лет более чем в 4 раза, а развитых стран — лишь на 60%. Китай и Индия входят в число крупнейших импортеров энергоносителей, Бразилия и Россия остаются ведущими нетто-экспортерами.

Кроме того, два члена БРИКС являются постоянными членами Совета Безопасности ООН — Россия и Китай. При этом Россия, Китай и Индия входят в число стран так называемого ядерного клуба, т.е. в число стран, обладающих ядерным оружием. Поэтому, не следует недооценивать формирующееся экономическое и политическое влияние стран БРИКС в мире.

К 2030 г., по прогнозам МВФ, темпы экономического роста стран БРИКС будут выше, чем у развитых стран. БРИКС обладает огромным рыночным потенциалом и большими экономическими возможностями, что делает его привлекательным для сотрудничества со странами Европы и международными организациями.

Если БРИКС как новый экономический союз находится на восходящей линии своего экономического развития, то Евросоюз, наоборот, сталкивается с внешними и внутренними кризисами, которые ставят под вопрос его дальнейшую стабильность и жизнеспособность. Кризис на Украине, антироссийские санкции, а также миграционные волны из стран Ближнего Востока и Северной Африки стали серьезной проверкой для ЕС на прочность и стабильность. Однако по многим международным проблемам в ЕС отсутствует единство мнений, что фактически раскалывает его на отдельные группы. В связи с событиями в Греции летом 2015 г. Евросоюз стоял почти на грани своего распада.

Современное экономическое положение ЕС находится далеко не в лучшем состоянии. Ситуация расшатывается также внутренними противоречиями среди ее членов. В Великобритании

состоялся референдум по вопросу о выходе страны из ЕС, на котором жители проголосовали за выход из Евросоюза. Существующие территориальные проблемы у некоторых ее членов (Испании — Каталония, Великобритания — Шотландия), а также украинский кризис — все это нанесло значительный удар по политическому авторитету ЕС.

БРИКС не ставит себе задачу конкуренции или политики конфронтации с Евросоюзом. Скорее наоборот, ищет новые пути экономического сотрудничества с различными международными организациями, в частности ЕАЭС и ШОС, а в будущем, вполне вероятно, и с ЕС. Ведь процветание развивающихся экономик дает другим странам новые экономические возможности.

Евросоюзу следует рассматривать БРИКС как молодого и перспективного партнера, который становится неформальным игроком среди институтов глобального управления — G8 и G20.

Безусловно, становление диалогового формата ЕС — БРИКС станет вызовом для Соединенных Штатов, которые окажутся фактически вне разворачивающегося экономического торга. В таких условиях США будут вынуждены противодействовать укреплению позиций БРИКС, формируя и поддерживая подконтрольные им экономические центры. Смогут ли они помешать консолидации стран "восходящих экономик" и какая им будет от этого экономическая выгода — покажет время. Свой представившийся шанс страны БРИКС, скорее всего, не упустят.

Сегодня тема взаимодействия Евросоюза с БРИКС не стоит в повестках дня двух союзов. Однако по мере укрепления политического и экономического веса БРИКС этот вопрос будет приобретать все большую актуальность. Кроме того, сотрудничество по линии ЕС — БРИКС имеет вполне реальные шансы, поскольку энергозависимая Европа будет искать новые и надежные источники энергоснабжения. А богатые на энергоресурсы страны развивающихся экономик будут готовы оказать ей в этом вопросе помощь. В результате такого сотрудничества страны БРИКС получат долгожданный политический авторитет, отмежевавшись от статуса "стран сырьевого придатка", а ЕС — надежного энергопартнера.

Нет ничего удивительного, что страны ЕС не входят в список кандидатов на вступление в БРИКС. Это обусловлено прежде всего их разными представлениями о будущем мировой политиче-

ской системы. Если страны БРИКС стремятся к трансформации международной системы в сторону большего полицентризма, то страны ЕС ориентированы на дальнейшую экономическую консолидацию с США.

США, обеспокоенные "возвышением" БРИКС, начиная с 2010 г. проводили переговоры с рядом стран о подписании Соглашения о торговле услугами (TiSA) в рамках Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Страны БРИКС не были приглашены к участию в переговорах по TiSA. У многих экономистов возникло подозрение, что одной из целей этого Соглашения является оказание давления на страны БРИКС, в главное — создание серьезного экономического противовеса этой группе стран. Реакция США вполне понятна, поскольку БРИКС фактически формирует альтернативный полюс экономического развития. Это настораживает США и страны Евросоюза [7]. Идеи стран БРИКС о создании региональных валют и центрах силы раздражают бенефициаров печатного станка в США.

5 октября 2015 г. в Атланте (США) было подписано Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве между 12 странами: США, Япония, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили и Перу. Это Соглашение является подтверждением политики США по сохранению контроля над Тихоокеанским регионом. Истинной же целью Транстихоокеанского партнерства является создание экономического блока для противостояния растущему влиянию Китая и России, а прежде всего БРИКС [4].

Ориентированная на евро-атлантическое партнерство Европа может вскоре столкнуться с серьезными экономическими проблемами. По мнению многих экономистов, если ЕС заключит с США Соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), то ему не избежать больших экономических потерь. В частности, около 600 тыс. европейцев потеряют свои рабочие места, европейские товары не пробьются на американский рынок, упадет экспорт и доходы в государственные бюджеты. Все это приведет к падению ВВП, а экономике стран ЕС будет нанесен значительный удар. Однако столь негативный прогноз не воспринимается всерьез европейскими политиками, которые ради Евро-Атлантического партнерства готовы пожертвовать своими

национальными интересами. Ситуация с антироссийскими санкциями ярко продемонстрировала слабость стран Евросоюза в отстаивании своих экономических интересов.

ЕС и БРИКС занимают отличные друг от друга позиции по ряду международных проблем. Так, в частности, БРИКС неизменно подчеркивает свою приверженность ООН как основному многостороннему институту мирорегулирования. ЕС, в свою очередь, являясь наблюдателем в ООН, не относит взаимодействие с этой Организацией к приоритетным направлениям своей деятельности. Несмотря на то, что два члена ЕС — Франция и Великобритания — являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, среди членов Евросоюза нет единства позиций по актуальным международным вопросам.

У стран ЕС и БРИКС существуют также разные представления о реформировании мировой финансовой системы. БРИКС выступает за передачу большего числа голосов в МВФ странам с развивающейся экономикой, а также за их большую представленность на высших постах Фонда. Их позиция "идет вразрез" с устоявшейся практикой назначения на руководящие должности представителей только стран Западной Европы, т.е. стран Евросоюза. Поэтому будущая политика стран БРИКС будет направлена на уменьшение европейского и американского влияния в МВФ.

США и ЕС предпочитали ограничиться лишь незначительным обновлением функций Всемирного банка и МВФ, а также увеличением средств, предоставляемых в их распоряжение. В целом США и ЕС встревожены появлением на мировой политической карте такого крупного экономического игрока, как группа стран БРИКС. Вполне реально у них возрастает риск потерять контроль за мировыми финансовыми потоками, а значит — экономическую власть.

Несомненно, в 2015 г. страны БРИКС сделали своего рода прорыв в этом вопросе, представив свой новый проект — создание Банка развития и Пула условных валютных резервов, что фактически предусматривается как своего рода альтернатива МВФ.

Однако следует учитывать возможные риски и негативные сценарии развития сотрудничества ЕС и БРИКС. Речь идет о том, что в перспективе ЕС может рассматривать БРИКС как одного из своих конкурентов. В итоге консолидация западного мира и так

называемых восходящих держав может привести к столкновению двух групп в форме традиционного вооруженного конфликта либо торгово-валютных войн. Такая ситуация может привести к непредсказуемым последствиям.

Одним из важных направлений для стран БРИКС являются вопросы международной торговли и проблемы продовольственной безопасности. Члены группы БРИКС обратились с призывом к странам ЕС о снижении субсидии для своих производителей сельскохозяйственной продукции, а также открытию продовольственных рынков для товаров из развивающихся стран. Однако это не нашло отклика в Европе, поскольку такие инициативы стран БРИКС противоречат принципам общей сельскохозяйственной политики ЕС. Партнерства так и не получилось [5].

Вопросы энергетической безопасности являются одним из приоритетных направлений в деятельности БРИКС. Индия и Китай — крупнейшие импортеры энергоресурсов, а Бразилия и Россия — ведущие поставщики. Следует отметить, что, несмотря на разницу в положениях на энергетическом рынке, никто из стран — участниц БРИКС так и не поддержал Договор к Энергетической хартии, который ЕС рассматривает в качестве основы мирового регулирования в энергетической сфере. Кроме того, страны БРИКС обсуждают идею создания собственного Энергического союза, а также аналога международной системы передачи финансовой информации SWIFT. Все это заставляет ЕС более внимательно присмотреться к такому партнеру, как страны БРИКС.

Принципиальную позицию участники Группы заняли в отношении "политики минимального вмешательства во внутренние дела государств", а также глобального лидерства одного из государств в условиях полицентричной системы международных отношений. Политика вмешательства во внутренние дела стран Ближнего Востока и Северной Африки привела к катастрофическим последствиям. Страны БРИКС едины во мнении, что политика "экспорта демократии" и "смены режимов" идет в разрез в нормами международного права. Единственным средством мирного урегулирования являются переговоры, которые должны проводиться на основе мандата ООН и с ее участием. Неуправляемые миграционные потоки в Европу из Сирии, стран Ближнего Востока и Северной Африки стали следствием неправильной полити-

ки стран ЕС, которые вместе с США участвовали в военных операциях в этих регионах, стремясь переформатировать ситуацию в этих странах в соответствии со своими интересами.

Перспективы сотрудничества ЕС и БРИКС пока четко не определены. Во многом стратегию их партнерства определит будущее. Тем не менее ЕС и БРИКС как глобальные центры силы могут вполне быть партнерами в рамках международной повестки дня по таким направлениям, как противодействие международному терроризму, вопросы развития и борьбы с бедностью, изменение климата, экологическая проблематика, миграционные проблемы и др.

Построение новой мировой политической системы требует разделения ответственности в вопросах мирорегулирования между ведущими игроками как развитого, так и развивающегося мира.

Поле для сотрудничества между БРИКС и ЕС, безусловно, существует, но требует от обеих сторон компромиссных подходов на взаимовыгодных условиях. Наверное, лишь время "политических и экономических перемен" покажет — что будет связывать в будущем крупнейшее региональное интеграционное объединение ЕС с Группой быстроразвивающихся стран БРИКС.

Источники и литература

1. Другая "восьмерка". В столице Башкирии завершились саммиты БРИКС и ШОС // Российская газета. 2015. 12 июля. URL: http://www.rg.ru/2015/07/13/putin.html

2. ЕС — Россия — БРИКС — будущее партнерство // Информационный портал Фонда "Русский мир". 2011. 25 мая. URL: http://www.russkiymir.ru/news/94266/

3. *Истомин И., Энтин М.* Взаимодействие восходящих центров силы: перспективы отношений БРИКС и ЕС [Электронный ресурс]. Вся Европа. 2011. № 7–8 (57). URL: http://alleuropalux.org/?p=1191

4. Россия, БРИКС и противоречивая глобализация // Комментарии о государстве и бизнесе / НИУ "Высшая школа экономики", Институт "Центр развития". 2015. № 102. 23 сент. — 15 окт. URL: http://dcenter.hse.ru/data/2015/10/16/1076651640/rs_15-22.pdf

5. *Сачко Г.В., Ткаченко А.В.* ЕС — БРИКС: Проблемы на пути к партнерству // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343).

6. *Сидоркова И.* О расширении БРИКС речи вообще не идет [Электронный ресурс] "Коммерсант.ru". 2015. 17 сент. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2764316

7. Торговые соглашения США и ЕС прямо направлены против БРИКС // Взгляд. 2015. 4 июня. URL: http://www.vz.ru/economy/2015/6/4/749081.html

Раздел II. СЕССИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Г.И. Ганьшина[1]

ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ТАЙВАНЕ

Аннотация: В статье исследуется политика продвижения русского языка на Тайване. Несмотря на отсутствие официальных отношений между Россией и Тайванем, двусторонние связи между Москвой и Тайбэем развиваются в различных сферах, в первую очередь экономической и культурной. Интерес к русскому языку у тайваньцев находится на высоком уровне. На базе трех факультетов иностранных языков на острове открыты секции русского языка. Интерес к гуманитарному сотрудничеству у России и Тайваня ежегодно возрастает в связи с тем, что увеличивается число граждан, изучающих русский язык, а также заметен рост туристического обмена.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, русский язык на Тайване, российско-тайваньские неофициальные отношения.

В настоящее время независимость Тайваня — Китайской Республики (КР) признают 22 государства. Несмотря на тот факт, что КР была одной из стран — основательниц Организации Объединенных Наций, после принятия в 1971 г. под давлением Китайской Народной Республикой резолюции ООН о “Праве представительства Китая” Китайская Республика была вынуждена покинуть ряды этой важнейшей международной Организации. Однако КР не смирилась с вынужденным выходом из рядов чле-

[1] Аспирант, Российский университет дружбы народов.

нов ООН и с 1993 г. проводит ежегодные кампании и акции за возвращение в Организацию.

В 1949 г. дипломатические отношения между Китайской Республикой и предшественником Российской Федерации — Советским Союзом — были прерваны, и на протяжении почти пятидесяти лет между странами практически не было никаких контактов. На международной арене Советский Союз неизменно поддерживал или был близок к позиции властей коммунистического Китая. Впоследствии, после прихода к власти М.С. Горбачева, в Советском Союзе начала осуществляться политика внешней открытости, и в 1990 г. Правительство КР объявило о разрешении на прямую торговлю с СССР.

В отношениях с Тайванем Российская Федерация исходит из того, что существует только один Китай, и Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, поэтому Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Именно поэтому Российская Федерация не поддерживает с Тайванем официальных межгосударственных отношений [11, с. 55].

Принципиальная позиция России по Тайваню получила международно-правовое оформление в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (ст. 5) [4], подписанном 16 июля 2001 г., и подтверждена в Совместной декларации РФ и КНР 2 декабря 2002 г. [9].

12 июля 1993 г. в соответствии с двусторонним соглашением, Китайская Республика открыла свое Представительство в России, официальное название которого "Представительство в Москве Тайбэйско-Московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству" (ТМК)[1]. В декабре 1996 г. Россия открыла в Тайбэе Московско-Тайбэйскую координационную комиссию по экономическому и культурному сотрудничеству (МТК), действующую в соответствии с Указом Президента РФ от 12 сентября 1992 г. № 1072 "Об отношениях меж-

[1] Представительство в Москве Тайбэйско-Московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству. URL: http://www.tmeccc.org/ru_ru/index.html

ду Российской Федерацией и Тайванем" [10], занимающуюся содействием развитию торгово-экономических и культурных связей между двумя странами. Вместе с тем 22 августа того же года города Тайбэй и Улан-Удэ стали городами-побратимами. С этого времени гуманитарный и культурный обмен между этими городами приобрел постоянный характер.

В "Белой книге" МИД Китайской Республики по внешней политике (2008) Россия отнесена к странам и регионам мира, требующим приоритетного внимания. На практике в 2008–2011 гг. Тайвань заметно усилил внимание к развитию связей с регионами РФ (Томск, Самара, Нижний Новгород, Казань и др.) при сохранении курса на "расширение и углубление" уже сложившихся контактов [7].

Стоит подчеркнуть значимые события в истории российско-тайваньских отношений: подписание в Москве соглашения о сотрудничестве в области гражданской авиации (12 декабря 1993 г.), начало публикации журнала "Свободный Китай" и начало вещания радиостанции "Голоса свободного Китая" (в настоящее время Международное радио Тайваня) на русском языке (1994 г.) и др. [6, с. 231].

Несмотря на отсутствие официальных отношений между Россией и Тайванем, интерес у тайваньцев к России, в частности к русскому языку и культуре, неизменно сохраняется на довольно высоком уровне.

На сегодняшний день русский язык как иностранный преподается в трех ведущих и наиболее авторитетных вузах острова: на факультете славянских языков университета Чжэнчжи (Государственный политический университет) и на факультетах русского языка двух частных университетов — Вэньхуа (Университет китайской культуры) и Даньцзян (Тамканский университет). В значительно меньших масштабах русский язык изучается на факультете иностранных языков Тайваньского государственного университета, в университетах Наньхуа и имени Сунь Ятсена, военно-политической академии Фусинган.

В учебных заведениях острова работают 12 преподавателей из России. Общее количество изучающих русский язык в тайваньских вузах по подсчетам Представительства Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству в Тайбэе в среднем составляет око-

ло 500 человек[1]. При этом за последние годы в этом направлении наметилась положительная динамика, что в том числе связано с проведением в нашей стране в последнее время крупных экономических, культурных, образовательных и спортивных мероприятий и форумов.

Многие тайваньские учебные заведения предоставляют возможность местным студентам учиться в России. В 2013 г. на годовую стажировку в Россию по программе обменов между вузами выехало около 160 тайваньских студентов. Наибольшей популярностью традиционно пользуются МГУ, СПбГУ, РУДН, Дальневосточный федеральный университет, Томский государственный университет — российские вузы, у которых подписаны соглашения о студенческих обменах с тайваньскими университетами.

Немаловажными факторами, способствующими углублению изучения русского языка, также являются тесные контакты россиян, прибывших на языковую стажировку в тайваньские университеты, с местными студентами, изучающими русский язык.

Выпускники факультетов русского языка тайваньских университетов работают в местном МИД, министерствах культуры и образования, экономики и финансов, обороны и внутренних дел; преподают в тайваньских учебных заведениях, работают в местных туристических и переводческих агентствах, издательствах, а также производственных, логистических и торговых компаниях, которые имеют подразделения, ориентированные на экспорт в Россию [3, с. 165]. Многие тайваньские студенты вливаются в ряды бизнесменов, непосредственно участвующих в осуществлении практического двустороннего сотрудничества в торгово-экономический сфере между Россией и Тайванем.

Наиболее крупные факультеты русского языка в университетах Чжэнчжи, Вэньхуа и Даньцзян служат площадкой для проведения регулярных конференций и семинаров, посвященных различным аспектам преподавания русского как иностранного языка, а также культурных мероприятий, конкурсов студенческой

[1] Представительство Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству в Тайбэе. URL: http://mtc.org.tw/russian/index.html

художественной самодеятельности, "русских вечеров" и т.д. Выпускается соответствующая научная литература, посвященная изучению русского языка [8].

Особо стоит отметить Тамканский университет, русский факультет которого в 2013 г. отметил 20-летие торжественной церемонией и выступлением студентов, что привлекло внимание местных СМИ, научных и деловых кругов. Кроме того, в данном университете проходят традиционные студенческие конкурсы русской песни и спектакли по мотивам произведений классиков отечественной литературы, которые также организуются и в других университетах — Чжэнчжи и Вэньхуа.

Важную роль в продвижении русского языка и культуры нашей страны на острове играет недавно созданное тайваньским переводчиком Цю Гуаном издательство "Вишневый сад", которое регулярно выпускает на острове переводы на китайский язык произведений классиков русской литературы. Уже опубликованы переводы некоторых произведений Чехова, Тургенева, Лермонтова. Издательство принимало участие в Тайбэйской международной книжной выставке, прошедшей в начале 2013 г., наряду с 700 издателями из 70 стран.

Значимым событием в распространении русского языка на Тайване стало открытие в 2013 г. в университете Чжэнчжи Русского центра по линии фонда "Русский мир" при поддержке Представительства МТК в Тайбэе[1]. Его появление позволяет расширять научно-образовательные связи между российскими и тайваньскими вузами, способствует дальнейшему повышению интереса тайваньцев к русскому языку, а также предоставляет дополнительные возможности студентам-русистам.

Русский центр доступен для студентов и преподавателей не только университета Чжэнчжи, но и других тайваньских университетов. Кроме того, в университете Вэньхуа открылся "кабинет Русского мира", что станет дополнительным стимулом для привлечения внимания широкой общественности к русскому языку как национальному достоянию России и важному элементу мировой культуры [5].

---

[1] Русский центр Государственного университета Чжэнчжи (о. Тайвань). URL: http://www.russiancenter.nccu.edu.tw

При содействии Представительства продолжает свою работу объединение русскоговорящих соотечественников "Русский клуб, Тайвань"[1], которое участвует в акциях культурного, образовательного и просветительского характера, пропагандирующих русский язык и культуру.

Стоит отметить, что с ростом российской диаспоры на Тайване и рождением детей в семьях россиян и от смешанных браков возникает проблема организации обучения детей русскому языку. Частично ее решает созданный силами россиян, проживающих в основном в Тайбэе, Русский детский культурный центр "Анабель"", в котором детей обучают русскому языку и литературе, истории культуры нашей страны, а также основам русского народного мастерства и народным танцам.

Вклад в продвижение русского языка на Тайване вносят также русская служба "Международного радио Тайваня"[2], доступная на коротких волнах и в Интернете, а также выходящий на русском языке журнал "Тайваньская панорама"[3], выпускаемый раз в два месяца и бесплатно распространяемый на факультетах русского языка тайваньских вузов, факультетах китайского языка в России, в представительствах МТК в Тайбэе и ТМК в Москве. Представительство оказывает активную поддержку данным информационным ресурсам, предоставляя соответствующие печатные и фотоматериалы.

Популярность изучения русского языка в Тайване возрастает в связи с непрерывным увеличением товарооборота с Россией, который в 2014 г. составил $4,7 млрд [1] — рекордный показатель за всю историю взаимных торгово-экономических связей (прирост 21% по сравнению с предшествующим годом) и, соответственно, растущей потребностью в специалистах, владеющих русским языком [2, с. 43].

В этой связи Представительство намерено и впредь поощрять интерес тайваньцев к России и русскому языку, привлекать их к мероприятиям, организуемым при нашем содействии. Это будет

---

[1] Русский клуб, Тайвань. URL: http://russiaclub.tw

[2] Международное радио Тайваня. URL: http://russian.rti.org.tw

[3] Тайваньская панорама. URL: http://taipanorama.nat.gov.tw/mp.asp?mp=1

способствовать закреплению на острове положительного имиджа нашей страны, внося вклад в развитие экономических и культурных связей между Россией и Тайванем.

Несмотря на положительную динамику развития отношений между Москвой и Тайбэем, существует ряд проблем не только в продвижении российского образования на острове, но и в целом в двусторонних отношениях. Одним из слабых мест остается правовое обеспечение сотрудничества, пока отсутствуют базовые соглашения, такие, например, как договоры об избежании двойного налогообложения. Между тем и Россия, и Тайвань с оптимизмом смотрят в будущее. Стоит отметить, что власти острова взяли курс на диверсификацию своего экономического сотрудничества и рассматривают Россию в качестве одного из перспективных партнеров.

Источники и литература

1. Аналитическая справка о российско-китайском торговом сотрудничестве в 2015 году / Министерство экономического развития Российской Федерации // Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/

2. *Ганьшин И.Н.* Инновационная политика Китая // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: Экономика. № 1. Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2012.

3. *Ганьшина Е.И.* Роль организационных структур Российской Федерации в продвижении русского языка в Китае // Проблемы Дальнего Востока. РАН. 2015. № 1.

4. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: http://archive.kremlin.ru/events/articles/2001/07/142467/142465.shtml

5. Жители Тайваня активно учат русский язык // Информационный портал “Русский мир”. 2015. 24 июля. URL: http://www.russkiymir.ru/news/193424/?sphrase_id=210688

6. *Ларин А.Г.* Тайвань в российско-китайских отношениях // Российско-китайские отношения: состояние и перспективы. М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2005.

7. *Лю В.* Российско-тайваньские отношения в 1991–2011: ретроспективы и перспективы (II) // Тайваньская панорама. 2011. 6 янв. URL: http://taipanorama.nat.gov.tw/mp.asp?mp=1

8. О сотрудничестве с Тайванем в области культуры, искусства, науки, спорта, туризма и образования (Справка). Материалы Представительства Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству в Тайбэе, 2012 г. URL: http://mtc.org.tw/media/info/Russian-Taiwan%202012.pdf

9. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 2 декабря 2002 г. URL: http://www.russia.org.cn/rus/2839/31292770.html

10. Указ Президента РФ от 15 сентября 1992 г. № 1072 "Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем".

11. *Цвык А.В.* Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1.

Д.А. Кудряшова[1]

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА АРХИТЕКТУРУ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

Аннотация: В статье рассматриваются приоритеты внешней политики США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Проводится анализ влияния китайско-американских отношений на архитектуру безопасности в АТР.

Ключевые слова: Китай, США, китайско-американские отношения, архитектура безопасности в АТР.

Ключевыми и системообразующими игроками в АТР являются КНР и США. Данный регион обладает важным стратегическим значением для обоих государств, в связи с этим и Китай, и Соединенные Штаты укрепляют свои "дипломатические инвестиции" в регион [1]. В последнее время, а именно с 2009 г., многие иссле-

[1] 4-й курс, бакалавриат, Дипломатическая Академия МИД России.

дователи, занимающиеся изучением Азиатско-Тихоокеанского региона (Е.П. Бажанов, В.Я. Портяков, М.Л. Титаренко, Г.М. Локшин, С.Г. Лузянин, С.Л. Тихвинский, В.В. Сумский, Е.А. Канаев, Шэнь Хонфан, Тайер и др.), отмечают обострение ситуации вокруг спорных территорий в АТР, а вместе с тем и осложнение отношений между государствами на фоне развития ситуации в регионе.

В начале XXI века важнейшим содержанием внешней политики Китая, с одной стороны, является вопрос о том, каким образом строить отношения с США, а с другой — как строить отношения с азиатскими соседями. Азиатско-Тихоокеанский регион всегда являлся приоритетным направлением дипломатии Китая с сопредельными государствами. Стоит отметить, что в отношениях Китая с соседями присутствует такой чрезвычайно важный фактор, как США [2]. Рассматривая ситуацию соперничества Китая и Америки за влияние в АТР, можно сделать вывод, что это противоборство в большой степени связано с вопросами развития отношений с сопредельными Китаю государствами и спорыми акваториями, прилегающими к ним (главным образом, это Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря).

Говоря об общей ситуации в регионе, следует отметить, что в настоящее время КНР и США прилагают усилия для расширения своего международного влияния в Юго-Восточной Азии (ЮВА). В целом с экономической точки зрения в регионе преобладает влияние Китая, однако с точки зрения безопасности превалирует влияние США. Очевидно, что укрепление позиций США в регионе в определенной степени отразится на состоянии отношений Китая со странами АСЕАН, а также окажет давление на стратегическое пространство Китая в регионе.

Однако необходимо отметить, в каких плоскостях могут произойти изменения с расстановкой сил. В данной связи следует раскрыть позицию стран ЮВА и их место в китайско-американских отношениях.

В течение долгого времени страны Юго-Восточной Азии придерживаются стратегии баланса между крупными государствами [3], основная идея которой заключается в сохранении военного присутствия США и укреплении сотрудничества в военной сфере со Штатами, повышении влияния Японии в регионе с целью сбалансировать “возвышение” Китая, при этом страны ре-

гиона стремятся расширять сотрудничество с Китаем в экономической сфере с целью сокращения степени экономической зависимости от Америки и Японии [3]. Так, доцент Института международных отношений КНР У Сюэ в своей статье "Сравнительный анализ влияния КНР и США в регионе ЮВА с приходом Обамы к власти" среди факторов влияния КНР и США в регионе выделяет следующие: реальную мощь государства и изменение расстановки сил, внешнюю политику Китая и Штатов в отношении ЮВА, подход и позицию стран ЮВА по отношению к Китаю и Америке [3, с. 52].

Начало нового этапа в китайско-американских отношениях связывают с американским политическим курсом "возвращения США в Азию", о котором в ходе своего визита в страны Юго-Восточной Азии зимой 2009 г. объявила Госсекретарь Хилари Клинтон. Однако, по мнению китайской стороны, США никогда и не уходили из Азии, активизация же политики США на азиатском направлении обусловлена прежде всего их опасениями в связи с быстрым возвышением Китая и ростом его мощи. Чтобы обеспечить собственные интересы и "лидерство" в ЮВА, Америка предпринимает различные попытки для сдерживания и противостояния Китаю [4].

В 2012 г. Президентом США Бараком Обамой вновь был подтвержден тезис о том, что АТР является сферой особых интересов США. Так, в январе 2012 г. он объявил о том, что утвержденная десятилетняя военная стратегия Пентагона "Укрепление глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке" — предусматривает переориентацию действий американских вооруженных сил на сдерживание угроз международной безопасности в АТР и особенно в Восточной Азии [5]. Администрацией Обамы был также введен в политический дискурс такой термин, как "перебалансировка" (англ. rebalance) для характеристики нынешней американской стратегии в АТР. Таким образом, в результате реализации запланированных мер США должны сохранить военно-стратегическое доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе [6]. В настоящее время их текущей задачей является смещение акцентов в район Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей с учетом постоянно возрастающей активности Китая.

Политический курс США в АТР реализуется с опорой на традиционные военно-политические инструменты Америки по ряду направлений:

1) сохраняются старые альянсы с рядом стран региона (Япония, Филиппины, Австралия, Республика Корея);

2) расширяется американское военное присутствие в Юго-Восточной Азии, происходит развертывание политического диалога со странами данного субрегиона, которые в настоящее время наиболее обеспокоены жесткой позицией Китая по вопросу спорных территорий в Южно-Китайском море;

3) развивается торгово-экономическое сотрудничество в рамках Транстихоокеанского партнерства;

4) активизируется сотрудничество по различным направлениям с АСЕАН.

Очевидно, что главной целью стратегии США в АТР является попытка максимально ограничивать и сдерживать КНР.

В марте 2014 г. Министерством обороны США был опубликован обзор, в котором говорилось о том, что Соединенные Штаты — это преимущественно тихоокеанская держава, поэтому регион жизненно важен для них, а главной угрозой его безопасности является быстрый рост военных возможностей Китая при отсутствии прозрачности в двусторонних отношениях [7].

Таким образом начиная с 2009 г. изменилась сама риторика отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно ярко это проявилось в ситуации вокруг территориального спора в Южно-Китайском море. Так, если раньше это был спор только между напрямую вовлеченными в него сторонами, которые заявили о своих суверенных претензиях на те или иные территории, то с 2009 г. данный спор превратился в площадку для геополитической борьбы между КНР и США. Как отмечают некоторые исследователи, например Патрик Кронин и Роберт Каплан, развитие ситуации в Южно-Китайском море "станет индикатором, определяющим будущее лидерство США в АТР" [8].

На сегодняшний день, по мнению американских специалистов, территориальные споры с участием КНР являются наиболее опасными, это связано прежде всего с "настойчивой политикой" китайского руководства и его готовностью применить силу для разрешения этих споров в случае прямой угрозы националь-

ным интересам КНР [9]. В действительности США обеспокоены не столько возможными вооруженными столкновениями, а в большей степени — экономической и дипломатической активностью Китая и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и во всем мире. По мере развития Китая, возрастает его политический вес на международной арене, что влечет за собой изменение регионального баланса сил.

По мнению американского руководства, "экспансионистская" политика Китая в АТР препятствует "свободному и справедливому экономическому развитию" в регионе, увеличивает риски, связанные с добычей рыбы, ограничивает перспективы освоения природных ресурсов и "откровенно угрожает американским нефтяным компаниям, работающим в Южно-Китайском море" [10]. По их мнению, именно США являются той единственной мировой державой, которая способна в полной мере ответить на агрессивные действия Китая в регионе и развертывание им своей "экспансионистской политики". Однако, что касается вопроса о том, каким будет американский "ответ", варианты расходятся от всестороннего и всевозможного укрепления военно-морских сил, расширения круга региональных союзников до политики нейтралитета в вопросах территориальных споров в АТР, которой в настоящее время официально придерживаются США. В качестве одного из средств предотвращения конфликта Вашингтон видит создание многосторонней архитектуры безопасности на основе механизмов АСЕАН с привлечением таких стран, как Япония, Республика Корея, Индонезия, Австралия и Индия. Немаловажно, что при этом всем нынешним и потенциальным союзникам США в случае угрозы их безопасности обещано предоставление военной помощи [12].

В августе 2015 г. Соединенные Штаты приняли новую Стратегию Морской безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [13], целью которой является "защита свободы навигации и принципов и стандартов международного морского права", что вновь подтвердило, что АТР находится в центре интересов морской безопасности США. По оценке китайских аналитиков, на сегодняшний день не существует причин, которые позволяли бы говорить о том, что меры, осуществляемые США — державой, которая превосходит Китай в военном отношении, не направлены против Ки-

тая, в связи с этим он вынужден в качестве ответной меры повышать возможности своих вооруженных сил [11, с. 9].

Очевидно, что стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам, связанным с военной безопасностью в регионе, встречает противодействие в виде американской политики "сдерживания" Китая. Как уже отмечалось ранее, США видят в усилении Китая потенциальную угрозу своей безопасности и экономике, что, в свою очередь, встречает решительное неприятие со стороны Китая, который утверждает, что его военная модернизация служит объективным потребностям национальной безопасности и развития страны, является позитивным фактором поддержания мира и стабильности в регионе и в конечном счете отвечает интересам мирового сообщества, в чем должны быть заинтересованы и США [11, с. 9]. Негативную реакцию Китая вызвало также и включение в одобренный конгрессом США Закон о национальной самообороне на 2013 год положений, касающихся Тайваня и островов Дяоюйдао, что было воспринято китайской стороной как вмешательство Америки во внутренние дела Китая [18].

Любые действия Китая, направленные на усиление своего влияния в регионе, подвергаются жесткой критике со стороны США, при этом число сторонников проведения более жесткой политики в отношении КНР становится все больше. В этой связи следует также отметить и тот факт, что если ранее МИД КНР достаточно сдержанно реагировал на критику проводимой внешней политики со стороны США, то с приходом нового руководства в лице Си Цзиньпина в 2013 г. Китай гораздо решительнее отстаивает избранный им внешнеполитический курс. Борьба между сторонами за информационное пространство уже стала одним из главных методов, и Китай, и Америка прилагают большие усилия для того, чтобы преподнести и отстоять свое видение ситуации. Это касается не только освещения каких-либо инцидентов, но и интерпретации позиций сторон и официальных заявлений.

В настоящее время Китай проводит эффективную реформу армии, связанную с ее модернизацией, и активное наращивание военно-морских сил, которое считается беспрецедентным с момента окончания "холодной войны". Так, на XVIII съезде был озвучен тезис о необходимости превращения Китая в "могущественную морскую державу", что может говорить о желании КНР уси-

лить военно-морскую составляющую оборонной доктрины страны. В итоговых документах также говорится о том, что китайская армия должна учиться побеждать в "локальных войнах", продолжить техническое перевооружение и готовиться действовать в условиях информатизации боевых действий [19]. Такого рода заявления лидеров страны свидетельствуют о серьезном настрое китайского руководства относительно вопроса территориальных споров и способов их разрешения.

Что касается основной позиции КНР по территориальным спорам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, то она вообще исключает какое-либо участие США в обсуждении или разрешении территориальных споров [14]. Так, например, по мнению китайского руководства, привлечение другими государствами третьей стороны в лице США для регулирования вопросов, связанных с ситуацией в Южно-Китайском море, напрямую влечет ухудшение и усложнение ситуации в регионе [15]. Так как американская сторона наибольшее внимание в регионе уделяет свободе мореплавания и воздушного пространства, для нее очень важно продолжать сохранять свое военное присутствие. Таким образом, по мнению китайцев, нестабильная и напряженная обстановка напрямую отвечает интересам Америки [15].

Несмотря на все существующие противоречия в китайско-американских отношениях, на сегодняшний день взаимозависимость государств чрезвычайно высока, поэтому обе стороны не заинтересованы в эскалации конфликтов и превращения их в открытые вооруженные столкновения. В этой связи китайская сторона предлагает свою концепцию стратегической стабильности между Китаем и Америкой, это так называемые китайско-американские отношения нового типа между крупными государствами. Данная концепция была выдвинута в 2012 г. во время четвертого раунда китайско-американского стратегического и экономического диалога, проходившего в Пекине, затем развита и утверждена на XVIII съезде в октябре 2012 г. Она предполагает реализацию принципов не конфликтности и не противостояния, а взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества в китайско-американских отношениях. По мнению Председателя КНР Си Цзиньпина, "содержание китайско-американских отношений нового типа между крупными государствами отвечает коренным интересам наро-

дов двух стран, а также является благоприятным для мира, стабильности и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире" [16].

Как отмечает в своей статье для журнала The National Interest научный сотрудник отделения теории международных отношений и дипломатии Классического университета Центрального Китая в Ухане Райан Пикрелл, "принятие новой модели отношений создаст благоприятную международную среду для развития Китая, что позволит ему стать доминирующей силой в Азии без конфликта между ним и США" [17]. Однако автор также подчеркивает, что "США, в свою очередь, полагают, что данная модель отношений не отвечает американским национальным интересам. Согласиться на предлагаемые стратегическим противником геополитические ограничения для США как для гегемона означает пожертвовать частью своей силы и влияния" [17].

Говоря о перспективах стратегического соперничества КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и его влияния на архитектуру безопасности в регионе, можно говорить о том, что ситуация не может быть разрешена таким образом, чтобы не были ущемлены интересы какой-либо из сторон. Это объясняется тем, что для Китая на кону стоят потенциальные сферы его влияния, а для Соединенных Штатов — либеральный порядок и их гегемония.

Источники и литература

1. 吴雪. 奥巴马执政以来中美在东南亚地区影响力比较分析. "中国与国际关系学刊", 2015年第2期. 第67页

2. 时殷弘. 美国与中国：在东亚的不定的竞争. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/207440/Dynamics_of_A_Volatile_Competition_sc.pdf

3. 吴雪. 奥巴马执政以来中美在东南亚地区影响力比较分析. "中国与国际关系学刊", 2015年第2期. 第65页

4. 南海局势9年未稳定. 媒体称周边各国应摒弃私心. 人民日报海外版. URL: http://world.huanqiu.com/roll/2011-07/1846503.html

5. Sustaining U.S Global Leadership: Priorities For 21st Century Defense. U.S. Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/news/ Defense_Strategic_Guidance.pdf

6. *Pellerin C*. Budget constraints won't halt Asia-Pacific rebalance, work says. U.S. Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=123308

7. Quadrennial Defense Review 2014. U.S. Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf

8. *Cronin P.M., Caplan R.D*. Cooperation from Strength: U.S. Strategy and the South China Sea. 2012. January. URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin_1.pdf

9. 《中国的军事战略》白皮书。中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/gfbps/Document/1435341/1435341.htm

10. Press Releases. 2009. July 15. URL: http://webb.senate.gov/newsroom/record.cfm?id=315847

11. *Jones William*. China slams defense plan as "Groundless" // Executive Intelligence Review (EIR). 2012. Jan. 20.

12. Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony, U.S. Military Academy-West Point, West Point. The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/ 2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony

13. Asia-Pacific Maritime Security Strategy. The US Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_SecuritY_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF

14. 中国在南海问题上的基本立场及解决南沙争端的政策主张. 中华人民共和国外交部. URL: http://china.huanqiu.com/roll/2010-08/1025575.html

15. 南海局势9年未稳定. 媒体称周边各国应摒弃私心. 人民日报海外版. URL: http://world.huanqiu.com/roll/2011-07/1846503.html

16. 习近平强调从6个重点方向推进中美新型大国关系建设. 新华网. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/12/c_1113220972.htm

17. The Tipping Point: Has the U.S.-China Relationship Passed the Point of No Return? The National Interest. URL: http://nationalinterest.org/feature/the-tipping-point-has-the-us-china-relationship-passed-the-14168

18. МИД КНР решительно против включения в закон США о национальной обороне на 2013 год положений, касающихся Китая. Центр военно-политических исследований. МГИМО. URL: www.eurasian-defence.ru/node/2734

19. *Ху Цзиньтао*. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 8 ноября 2012 г. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm

К.Е. Колтунов[1]

ШОС КАК ЦЕНТР СИЛЫ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЮСНОМ МИРЕ

Аннотация: В статье рассматриваются интересы России и Китая в ШОС, раскрывается история вопроса о расширении организации, проводится анализ проблем и перспектив дальнейшего укрепления организации на международной арене в качестве центра силы формирующегося многополюсного мира.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, многополюсный мир, Россия, Китай, Индия, Иран, Центральная Азия.

После краха биполярной системы международных отношений в конце XX столетия заметно интенсифицировался процесс глобализации. Он сопровождался "стремительным усилением взаимозависимости национальных государств в экономической, социальной, политической, идеологической и культурной областях" [3, с. 8]. Перед мировым сообществом встал вопрос, на каких принципах будут строиться отношения между всеми государствами в будущем и как будет выглядеть новый мировой порядок. Концепция так называемого Pax Americana ("Американского мира") предполагала доминирование в международных делах только одного центра силы. Эти идеи наиболее ярко были выражены в работе американского политолога Ф. Фукуямы "Конец истории и последний человек" [14]. Однако все большую поддержку мировой общественности находила концепция многополярного мироустройства. Против "Pax Americana" вы-

[1] 4-й курс, бакалавриат, Дипломатическая академия МИД России.

ступали десятки государств, политических, религиозных, общественных, экономических движений, организаций и различных объединений [1, с. 21]. В международных отношениях никогда не утверждалась однополюсность, хотя попытки ее достичь предпринимались довольно часто [2, с. 19].

На рубеже XX и XXI вв. в международных отношениях начался сложный переходный этап, отличительными чертами которого стали системное нарушение ключевых принципов ООН, пренебрежение основополагающими нормами международного права, использование двойных стандартов, прямое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, в том числе с применением силы [4, с. 1–2]. Отечественная дипломатия последовательно отстаивает принцип коллективного метода решения международных проблем при опоре на международное право, выступает за центральную координирующую роль ООН и партнерское взаимодействие основных центров силы на мировой арене.

На Евразийском пространстве интересы многих региональных и внешних акторов пересеклись в Центральной Азии. В этой связи особый интерес представляет созданная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), объединившая Россию, Китай и четыре из пяти государств Центральной Азии: Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. Первоначально она возникла для урегулирования вопросов в районе бывшей советско-китайской границы, но довольно скоро стала инструментом взаимодействия между всеми участниками по широкому кругу проблем — от торгово-экономических связей до противодействия терроризму и другим новым угрозам, от весьма непростых усилий по региональной интеграции до не менее сложных проблем взаимодействия с внешними акторами [10, с. 132]. Еще в 2001 г. в Шанхайской конвенции были зафиксированы согласованные определения таких терминов, как терроризм, сепаратизм и экстремизм, что крайне важно, так как отсутствие консенсуса в определениях часто является препятствием для международного сотрудничества в борьбе с этими явлениями [12, с. 142].

По мере становления ШОС в качестве полноценной международной региональной организации в экспертном сообществе поднимался вопрос о перспективах дальнейшего расширения ШОС. В связи с наличием внутренних противоречий относительно во-

проса о принятии в организацию новых членов, так и под влиянием внешних факторов в 2006 г. в ШОС был введен мораторий на расширение [8, с. 149]. Потенциальными кандидатами на вступление в ШОС являлись государства, имеющие на тот момент статус наблюдателей при организации. Среди первых заявки на полноправное членство в ШОС подали Индия, Иран и Пакистан. Расширению ШОС препятствовали как нерешенные вопросы по границе между Индией и Китаем, так и напряженные отношения Индии с Пакистаном, которые порой перерастали в открытые вооруженные столкновения в приграничных районах [9, с. 115]. Разработка Ираном своей ядерной программы и последующее введение международных санкций в отношении Тегерана также ставили под вопрос целесообразность полноправного участия Ирана в ШОС. К тому же в организации отсутствовала необходимая для принятия новых членов правовая база.

На сегодняшний день на Евразийском пространстве существует большое количество механизмов многостороннего сотрудничества. Но именно подобные ШОС гибкие сетевые форматы, ориентированные на продвижение совпадающих интересов стран-участниц, становятся все более востребованными. За последние 10 лет в организации была подготовлена необходимая для принятия новых членов правовая база и на саммите ШОС в Уфе в июле 2015 г. было принято историческое решение о начале процедуры принятия в ШОС в качестве полноправных членов Индии и Пакистана. Организация выходит на новый уровень своего развития. Многопрофильное сотрудничество в рамках ШОС "стержневых держав" континента — России, Индии и Китая — заметно сузит возможности внерегиональных сил играть на противоречиях между ними, придаст импульс к разрешению застарелых территориальных проблем, позволит обратить ресурсы, растрачиваемые на конкурентную борьбу за влияние в регионе, на решение общих проблем безопасности и реализацию масштабных энергетических и транспортных проектов [6, с. 81–82].

Достижение договоренностей с "шестеркой" по иранской ядерной проблеме открывает новые возможности для сотрудничества с этой страной. С отменой санкции Совбеза ООН открываются перспективы принятия Ирана в ШОС в качестве полноправного участника. Иран способен внести ощутимый вклад

в укрепление стабильности и безопасности в Евразии, в том числе оказывать содействие в вопросе урегулирования ситуации в Афганистане. Тегеран де-факто занял одно из центральных мест в подъеме афганской экономики, направляя средства на восстановление наземных путей сообщения и в важнейшие для Афганистана области: сельское хозяйство и энергетику [11, с. 132]. Обладая значительными запасами энергоресурсов и транзитным потенциалом, Иран может сыграть важную роль в функционировании Энергетического клуба ШОС и в развитии крупных инфраструктурных проектов [5, с. 6].

В последние годы в геополитическом пространстве произошли глубинные разломы, возникли дополнительные разграничительные линии между Западом и Россией [13, с. 8]. При этом США продвигают проекты создания закрытых экономических объединений, охватывающих Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион: Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП).

Особую значимость приобретает развитие торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС, которое на сегодняшний день развивается недостаточно эффективно [7, с. 110]. Во время обращения к Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. Президент России предложил совместно с партнерами по ЕАЭС начать консультации с членами ШОС и АСЕАН о формировании возможного экономического партнерства. В ШОС торгово-экономическое, инвестиционное, транспортное сотрудничество реализуется преимущественно на двусторонней основе. Назрела необходимость перехода от двустороннего к многостороннему формату. В ШОС отсутствуют механизмы финансирования совместных многосторонних проектов, поскольку стороны не смогли достичь консенсуса относительно модели их формирования.

ШОС вполне может стать значимой частью формирующегося многополюсного мира, притягательной и для других потенциальных кандидатов, следящих за деятельностью организации и разделяющих ее принципы. Однако все это возможно только в том случае, если все созданные в рамках ШОС механизмы — экономические, политические, антитеррористические — заработают в полную силу. Раскрытие потенциала экономического сотрудничества в рамках ШОС во многом будет определять роль и место

этой организации в формирующемся многополюсном мире. Реализация многосторонних экономических программ в рамках ШОС сделает ее более привлекательной для тех государств, которые сегодня являются в ШОС наблюдателями и партнерами по диалогу.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Многополюсный мир. М.: Восток — Запад, 2010.

2. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Невозможность однополюсного мира // Мир и война. Peace and War. М.: Восток — Запад, 2011.

3. *Бажанов Е.П.* Современный мир. Избранные труды. М.: Известия, 2004.

4. Выступление и ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы студентов и слушателей Дипломатической академии МИД России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2015. № 1–2 (136–137). С. 1–7.

5. *Козырев Н.И., Сидоров Д.А.* ШОС: Новые контуры Евразийской интеграции // Азия и Африка сегодня. 2015. № 10. С. 2–7.

6. *Лицкай Д.* Шанхайская организация сотрудничества на пороге расширения // Международная жизнь. 2015. № 4. С. 76–82.

7. *Сидоров Д.А.* Особенности экономического сотрудничества в ШОС // ШОС: возможности и перспективы. Материалы международной конференции "ШОС: возможности и перспективы", 2016. С. 101–116.

8. *Сидоров Д.А.* Нужно ли ШОС расширение? // Слов'янский Вісник. Збірник наукових праць. Вип. 9. Серія "Історичні та політичні науки". Рівне, 2010. С. 148–152.

9. *Сидоров Д.А.* "Проблема роста" Шанхайской организации сотрудничества // Мир и политика. 2010. № 6 (45). С. 114–117.

10. *Сидоров Д.А.* Роль и место Шанхайской организации сотрудничества в современном мире (политологический анализ): Дисс. ... канд. полит. наук. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2011.

11. *Сидоров Д.А.* Роль ШОС в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России "АТР". М., 2010. С. 127–140.

12. *Сидоров Д.А.* Шанхайская организация сотрудничества: как все начиналось // Международные отношения в начале XXI в. Материалы ежегодной конференции молодых ученых / Под ред. Н.П. Сидоровой. М.: Восток — Запад, 2011. С. 142–150.

13. Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Канон+ РООИ "Реабилитация", 2015.

14. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

А.Б. Лукин[1]

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. РОССИЯ — США — КИТАЙ: КТО ВЫИГРАЕТ "БИТВУ ЗА ВЬЕТНАМ"?

Аннотация: В данной работе рассматривается проблема взаимоотношений между странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В центре внимания находится Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ), за которую сегодня ведется геополитическая и экономическая борьба между Россией, Китаем, США и другими странами АТР. Цель данной работы — рассмотреть и проанализировать их позиции на этом стратегически важном пространстве.

Ключевые слова: Вьетнам, страны АТР, геополитическое и экономическое противостояние, торгово-экономические связи, военно-политическое сотрудничество.

Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой зону высокой конкуренции. Данный регион привлекает к себе все большее внимание. Страны АТР начинают играть значительную роль в системе международных отношений.

При рассмотрении российско-вьетнамских отношений хотелось бы остановиться на их документальной базе. В 1994 г. в Москве лидеры РФ и СРВ выступили за развитие традиционных дружественных отношений, укрепление взаимного доверия и разностороннего сотрудничества между народами двух стран; был подписан Договор об основах дружественных отношений [4]. Затем в

[1] 2-й курс, бакалавриат, Дипломатическая академия МИД России.

ходе визита Президента РФ В.В. Путина была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между странами, что, в свою очередь, продвинуло отношения на качественно новый уровень [2]. Главы государств довольно часто (раз в 3–4 года) совершают официальные визиты и проводят переговоры, обсуждая международные проблемы.

Например, последний визит Д.А. Медведева во Вьетнам состоялся 5 марта 2015 г., после которого в одном из интервью он заявил: "За последние годы мы действительно в значительной степени переориентировались на активное сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. К числу активных шагов относятся наши договоренности, участие в различного рода мероприятиях, саммитах по той же самой линии государств АСЕАН и целый ряд других практических шагов. То есть я рассматриваю здесь весь набор наших возможностей и наших действий, начиная от контактов на высшем и высоком уровне и заканчивая обычными межчеловеческими отношениями, включая отношения между представителями бизнеса" [3].

Торгово-экономическое сотрудничество

Сейчас торгово-экономические связи России и Вьетнама являются одной из перспективных областей двусторонних отношений. Было достигнуто продвижение по многим направлениям взаимодействия. Активно функционирует Российско-Вьетнамская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. 25 ноября 2014 было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о стратегическом партнерстве в области образования, науки и технологий.

Данные статистики товарооборота между двумя странами за 2014 г. отражают устойчивый тренд к росту объемов российско-вьетнамской торговли. В 2014 г. он составил $3,72 млрд. Основными статьями российского экспорта во Вьетнам были: минеральное топливо, нефть и нефтепродукты, удобрения, электрические машины и оборудование, черные металлы и изделия из них, реакторы и ядерные котлы. В товарной структуре вьетнамского импорта в Россию преобладали электрические машины и оборудо-

вание, ядерные реакторы и котлы, обувь и продукция из текстиля, существенный объем составили продовольственные группы товаров (рыба и ракообразные, фрукты и орехи, кофе, чай, злаки, продукты переработки овощей) [6].

Кроме того, Д.А. Медведев заявил: "В настоящий момент у нас есть целый ряд идей, планов, каким образом нам продвинуть отношения с нашим стратегическим партнером Вьетнамом на новый уровень. Одна из таких идей — это соглашение о зоне свободной торговли. Причем это, скорее всего, будет первое соглашение, которое будет заключаться между Евразийским экономическим союзом, с одной стороны, и отдельной страной — с другой. Тем самым, по сути, Вьетнам получит доступ на рынок, который включает не только население Российской Федерации, но и наших партнеров, а это практически на 40 миллионов человек больше" [3].

Во Вьетнаме реализуются 93 российских инвестиционных проекта общей стоимостью более $1 млрд. Вьетнам же, со своей стороны, участвует в 16 российских проектах с общим объемом инвестиций более $2 млрд.

Важным направлением сотрудничества является энергетика. Стороны успешно сотрудничают в сфере мирного использования атомной энергии. Это сотрудничество осуществляется на базе подписанного соглашения о строительстве атомной электростанции "Ниньтуан-1" мощностью 1200 МВт. Запуск двух ее энергоагрегатов планируется осуществить в 2023–2024 гг. Стоимость проекта составляет порядка $5,6 млрд. Вьетнамская АЭС станет первым такого рода объектом, построенным по российской технологии в Юго-Восточной Азии [5].

Военно-техническое сотрудничество

За последние десять лет вьетнамские военные заключили несколько контрактов с российскими производителями военной техники и оружия общим объемом в $2 687 млн [7].

В соответствии с соглашением между Россией и Вьетнамом (подписанного в 2009 г.), российская сторона должна осуществить поставку шести подводных лодок военно-морским силам Вьетнама. В ноябре 2013 г. военными ведомствами двух стран было подписано межправительственное соглашение, предусматривающее

содействие России в подготовке кадров для армии и флота Вьетнама. Кроме того, стороны намерены продолжать работу по расширению поставок для вьетнамских вооруженных сил российской продукции военного назначения. Одна из самых прибыльных для России статей сотрудничества с Вьетнамом — поставка боевых самолетов.

Одним из главных мотивов для усиления армии Вьетнама является сложная ситуация вокруг нескольких островов в Южно-Китайском море. Эти участки суши являются предметом территориальных споров между Вьетнамом, Китаем и Филиппинами. По всей видимости, Вьетнам ожидает от России более активного участия в решении региональных проблем в области безопасности. Бесспорно, российское присутствие в регионе способно оказать положительное влияние на стратегическую обстановку в нем. Таким образом, сотрудничая с Вьетнамом, Россия получает выгодного экономического партнера и надежного союзника в Юго-Восточной Азии.

Перспективы развития российско-вьетнамских отношений

Еще в конце 1990-х гг. отношения двух стран продвинулись в сферах торговли, инвестирования и других областях, однако этот прогресс не в полной мере реализовал их потенциал. Есть основания полагать, что по мере развития российской экономики и усиления тенденции к внешнеполитическому обновлению во Вьетнаме двустороннее сотрудничество будет расширяться и становиться более тесным в последующие годы.

Следующим шагом в продвижении двусторонних отношений было бы заключение соглашения о создании зоны свободной торговли между Таможенным союзом в рамках ЕАЭС и Вьетнамом. Для достижения целей всеобъемлющего стратегического партнерства важно и дальше активизировать сотрудничество между странами, в первую очередь в передовых для России областях — атомной энергетике, электроэнергетике, освоении природных ресурсов, авиастроении и автомобилестроении. Приоритет экономических связей — энергетическая сфера, подразумевающая не только добычу энергоресурсов, но и их переработку, логистику и реализацию [5]. На передний план выходят совершенствование стратегического управления экспортом товаров

на государственном уровне и развитие сравнительных экономических преимуществ. Необходимо, чтобы Вьетнам и в дальнейшем оставался для России надежным стратегическим партнером, а экономическое взаимодействие между двумя странами как можно скорее вышло на новый уровень.

Влияние США во Вьетнаме

Американское влияние во Вьетнаме масштабно. Во внешнеполитических документах США усиление взаимодействия с Вьетнамом обозначено как одно из приоритетных направлений деятельности. Кроме того, они склонны всеми средствами сдерживать влияние КНР в регионе. Чтобы достичь поставленной цели, США прибегают как к экономическим рычагам воздействия, так и к использованию "мягкой силы", столь эффективно применяемой во Вьетнаме. Культурные и политические центры США в СРВ пытаются пропагандировать демократические ценности и свободы. Также ведется работа над созданием положительного отношения к США во вьетнамском обществе.

В июле 2013 г. странами было подписано соглашение о всеобъемлющем партнерстве для развития двусторонних отношений. Можно предположить, что американским дипломатам удалось официально закрепить свое влияние в стране, так как оно устанавливает механизм взаимодействия в различных областях, включая политические и дипломатические отношения, торгово-экономические связи, науку и технику, образование и подготовку кадров для охраны окружающей среды и для здравоохранения. США взяли на себя обязательство решить проблемы последствий войны, проблемы обороны и безопасности, культуры, спорта и туризма, защиты прав человека. США и Вьетнам подписали соглашение о совместной борьбе с оборотом наркотиков.

Что касается торгово-экономических связей, в 2014 г. товарооборот между Вьетнамом и США достиг $34,94 млрд, что почти в 10 раз больше российско-вьетнамского товарооборота (в 2014 г. он составил $3,75 млрд). Такой темп роста экономических связей в будущем может привести к ощутимому усилению зависимости экономики Вьетнама от США. Таким образом, США будет иметь

возможность влиять на экспортную политику Вьетнама, например, при помощи санкции или эмбарго.

Для США и для СРВ значимым моментом в 2015 г. было заключение Транстихоокеанского партнерства. Соглашение позволит США, Вьетнаму и другим государствам-членам на равных условиях конкурировать на рынке.

Сотрудничество Китая и Вьетнама

В целом отношения между Вьетнамом и Китаем нельзя считать однозначными. Их взгляды на международные проблемы во многом схожи, но в то же время они имеют друг к другу ряд серьезных территориальных претензий. Китай жестко отстаивает свои интересы в вопросе о суверенитете островов в Южно-Китайском море. Между тем, многие отмечают, что целью Китая является не разжигание конфликта в ЮКМ, а лишь противодействие влиянию США на данном пространстве [1].

С другой стороны, в экономическом плане КНР занимает лидирующее положение на вьетнамском рынке. По результатам 2015 года товарооборот Вьетнама с КНР составляет $50 млрд. Вьетнам экспортирует в Китай нефть, уголь, кофе и продукты питания. Экспорт Китая во Вьетнам составляют фармацевтика, автомобили, нефть, удобрения и автомобильные запчасти.

Также нельзя не отметить два важных фактора: многовековое межкультурное общение и идеологическое сходство. Они создают крепкий фундамент для дальнейшего взаимопонимания и сотрудничества во многих региональных и международных делах. Межпартийные и межправительственные контакты осуществляются регулярно и на разных уровнях.

Приоритеты внешней политики Вьетнама

Проанализировав взаимоотношения США, Китая и России с Вьетнамом, можно сделать вывод о том, что доминирующую роль для Вьетнама всегда играл и играет Китай. На нынешнем сложном историческом этапе Ханой придает огромное значение развитию отношений именно с Пекином. С одной стороны, это наиболее близкий идеологический союзник, а с другой — наиболее вероятный в будущем военный противник.

Что касается США, то Ханой настойчиво демонстрирует желание забыть прошлое и начать историю двусторонних отношений с чистого листа. США эффективно используют экономические рычаги, чтобы повлиять на поведение Вьетнама. Подписав договор ТТП, Вьетнам еще более сблизился с США, хотя американо-вьетнамский товарооборот все еще меньше, чем товарооборот Китая с Вьетнамом.

Будучи одной из ключевых фигур в АТР, США очень часто пытаются навязывать другим государствам свою волю. В марте 2015 г. США не понравился тот факт, что российские ВВС получили возможность использовать авиабазу в Камрани для полетов самолетов-заправщиков, обеспечивающих вылеты стратегических бомбардировщиков над Тихим океаном. Дипломатическое представительство США потребовало от Вьетнама закрыть базу, однако вьетнамское правительство сумело расставить приоритеты во внешней политике в пользу России и в жесткой форме отказало США.

Россия находится на периферии геополитического противостояния Китая и США, однако, как отмечают вьетнамские эксперты, значимость России во внешней политике Вьетнама велика. Успешными сферами российско-вьетнамского сотрудничества можно считать военно-техническую сферу и энергетику. Хотя российские позиции во Вьетнаме были утеряны с распадом СССР, во втором десятилетии XXI в. российским руководством были предприняты существенные шаги для улучшения двусторонних связей с Вьетнамом.

Во внешнеполитических документах Вьетнама в четкой последовательности располагаются государства, с которыми он стремится развивать отношения сотрудничества. На первых местах Лаос, Камбоджа и Китай. Далее идут Япония, страны Европейского союза (ЕС), США, Индия, Россия и другие государства СНГ. Между тем Ханой придерживается позиции сотрудничества со всеми странами АТР на уважительной основе. Россия пытается в некотором плане поддерживать и оказывать помощь Вьетнаму на международной арене, так как их объединяет общее стремление к сохранению безопасности и стабильности в регионе, а также большие перспективы тесного сотрудничества.

Источники и литература

1. *Глебов Г.И., Милаева О.В.* Современные международные отношения: Учебное пособие (Внешняя политика Китайской Народной Республики). Пенза, 2010. URL: http://uchebnik-online.com/131/2250.html

2. Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 01.03.2001 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3283

3. *Дмитрий Медведев*. По линии ЕАЭС готовится соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом // ТАСС. 2015. 5 апр. URL: http://tass.ru/politika/1880227

4. Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 16.06.1994 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-308/48253

5. *Кобелев Е.В.* Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон. М.: ИДВ РАН, 2013.

6. Обзор торговых отношений России и Вьетнама в 2014 г. // Единый информационный портал "Экспортеры России". 2015. 24 июля. URL: http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2511/

7. Сотрудничество с Вьетнамом. Деньги и политика // Новости Военно-промышленного комплекса России и других стран мира — ВПК.name. 2013. 21 авг. URL: https://vpk.name/news/95288_sotrudnichestvo_s_vetnamom_dengi_i_politika.html

8. Чего хочет Китай и чего боится? // Time. 2007. 17 янв.

А.И. Дьяченко[1]

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация: В статье рассмотрены различные аспекты отношений Японии и США в АТР. Дана авторская оценка проекту Транстихоокеанского партнерства (ТТП) — соглашению о создании региональной зоны

[1] 4-й курс, бакалавриат, Дипломатическая академия МИД России.

свободной торговли. Проанализировано активное сотрудничество Японии и США, которое ведет к существенной трансформации военной и оборонной политики Японии.

Ключевые слова: международные отношения, японо-американские отношения, международная безопасность, региональная безопасность, Транстихоокеанское партнерство.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) по глубине геополитических процессов, по своей международно-политической мощи постепенно выходит на первое место в мире. В XXI в. именно тут будут решаться судьбы мира. На первый план выходят отношения между странами региона. Вместе с тем серьезные политические противоречия в двусторонних отношениях между государствами АТР не создают сегодня условий для усиления роли региона в мировой политике.

Глубокие геополитические трансформации в АТР, существование взаимоисключающей тенденции к формированию многополярного мира и к установлению мирового доминирования одного государства сделали данный регион одним из самых сложных для понимания и выработки оптимальной стратегии продвижения.

Актуальность анализа геополитических процессов в разрезе японо-американских отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их влияния на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации обусловлена возрастанием роли АТР, усилением влияния региональных геополитических процессов на изменение геополитической обстановки в мире. АТР по многим показателям вышел на передовые позиции в мире. Азиатско-Тихоокеанский регион — это 60% мирового промышленного производства, почти 60% мировой торговли, 40% реализации мирового экспорта, стабильно высокие темпы роста ВВП, почти 40% населения Земли, три крупнейшие ядерные державы из пяти. Для России такие тенденции предполагают, что новые геополитические вызовы ей следует ожидать от АТР, и необходимо налаживать более тесное и многостороннее взаимодействие со странами региона. Все это ставит новые задачи в сфере обеспечения международной безопасности.

Экономика

США и Япония по-прежнему остаются крупнейшими торговыми партнерами с огромным объемом взаимных инвестиций, который будет иметь тенденцию к увеличению после вступления в действие положений ТТП. Относительное статистическое падение данных в торговле и инвестициях между двумя странами в XXI в. связано с тем, что часть как японских, так и американских производств были вынесены в третьи страны, в первую очередь в Китай. В связи с этим данные товарные и финансовые потоки не учитываются в статистике двух стран.

ТТП — принципиально новый вид экономического партнерства, который станет существенным импульсом развития двусторонних отношений и взаимных инвестиций. Возможный успех нового объединения приведет к существенному снижению роли ВТО во всемирной торговле, на смену которой может прийти Транстихоокеанское партнерство, уже подписанное и ожидающее ратификации, и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, находящееся в активной переговорной фазе. Данные объединения в известной степени будут находиться под огромным влиянием США и американских компаний. Япония в этой ситуации будет оставаться их крупнейшим партнером как в экономической, так и политической областях. Нельзя не отметить, что создание как ТТП, так и ТТИП с параллельным снижением роли ВТО может представлять серьезную угрозу российским экономическим интересам.

Надо отметить, что уже сейчас США и Япония создали достаточно эффективный инструментарий для разрешения торговых и финансовых противоречий, что показывает высочайший уровень взаимозависимости двух экономик и потенциал к его дальнейшему развитию. Огромное значение для дальнейшего развития двустороннего экономического сотрудничества имеет научный и инновационный потенциал двух стран.

Транстихоокеанское партнерство — соглашение о создании региональной зоны свободной торговли. Изначально была создана зона свободной торговли между Сингапуром, Новой Зеландией, Чили и Брунеем. Затем к переговорам подключились США, Австралия, Канада, Япония, Мексика, Перу, Малайзия и Вьетнам. После нескольких раундов переговоров стороны разработали все-

объемлющее соглашение по либерализации торговли, покрывающее широкий спектр аспектов торговли и инициатив, связанных с торговлей. Партнеры рассматривают ТТП как пример организации XXI в., которая позволит осуществлять торговлю в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона и реагировать на задачи, которые актуальны сейчас и будут актуальны в будущем. К таким задачам относятся согласованное регулирование, развитие конкуренции и условий для бизнеса, развитие межгосударственной торговли и региональных производственных цепочек, череда вопросов, связанных с мелким и средним бизнесом, а также деятельность государственных корпораций [5].

Участие Японии в ТТП было предметом широких дебатов среди и японского руководства, и других заинтересованных сторон. Еще 15 марта 2013 г. премьер-министр Абэ заявил, что Япония намерена принять участие в переговорах по созданию ТТП. Принимая это решение, ему пришлось противостоять довольно серьезному давлению внутри страны. Среди сторон, выступающих против соглашения, находились представители японского сельского хозяйства, особенно производители риса. Они утверждали, что японское сельское хозяйство сильно пострадает из-за иностранной конкуренции, а японскому руководству придется задним числом договариваться о введении тарифов и пошлин на импорт сельскохозяйственной продукции. Некоторые японские поставщики медицинских услуг утверждали, что ТТП окажет негативное влияние на национальную систему здравоохранения, вынуждая японцев приобретать фармацевтическую продукцию и медицинскую технику иностранного производства. В одном из своих заявлений премьер-министр Абэ признал наличие внутренних разногласий, но настоял, что Японии было необходимо воспользоваться этим "последним удобным моментом" и присоединиться к переговорам, если Япония заинтересована в дальнейшем экономическом росте. Другие японские деловые круги, включая производителей, активно поддерживали присоединение к ТТП.

Безопасность

Военный альянс США и Японии, первоначально созданный во время американской оккупации Японии, по-прежнему обеспе-

чивает доминирующее военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В рамках Договора о сотрудничестве и безопасности около 53 тыс. американских военнослужащих размещены на территории Японии, обеспечивая ключевые базы США в регионе. В исключительном ведении США находятся 85 объектов на японских островах, 37 из которых — на острове Окинава. Сам военный альянс первоначально был выстроен фундаментально асимметрично [1, с. 55]. Япония соглашалась на размещение на своей территории военных баз США взамен на гарантию безопасности со стороны американцев. Однако со временем союз постепенно видоизменялся и переходил к большему вовлечению Японии в решение вопросов безопасности как на двустороннем уровне, так и на уровне коллективной безопасности союзников США [2].

Исходя из ключевого стратегического местоположения острова, Окинава принимает на себя непропорционально большую долю американских вооруженных сил. Около 25% всех объектов, находящихся в пользовании армии США, и почти половина контингента расположены именно в этой префектуре, которая занимает всего 1% от общей территории Японии. Большинство жителей Окинавы выступают против военного присутствия США на острове, хотя некоторые специалисты считают сложившуюся ситуацию ошибкой Токио, который не смог объяснить жителям Окинавы плюсы военного сотрудничества со Штатами, хотя Окинава получила миллиарды долларов субсидий от Правительства, чтобы сгладить “бремя” размещения американских войск.

В 2006 г. в рамках масштабной реорганизации войск США в Японии две страны договорились о передислокации базы Футэмма в менее населенную часть Окинавы, а также о переводе 8000 морских пехотинцев на базу США на острове Гуам. На пути осуществления плана по перемещению Футэммы стоит еще множество препятствий. Большинство жителей Окинавы выступают против строительства новой базы по ряду политических, экологических и прочих причин. Гражданские объединения, выступающие против размещения баз, заявляют о готовности пойти на крайние меры. Любые непродуманные действия Токио или Вашингтона могут привести к росту оппозиционных настроений, которые могут вылиться в широкие протесты на Окинаве и по всей Японии.

Надо отметить, что военный союз между двумя странами пережил несколько геополитических переходов — временами процветая, временами находясь в упадке. После краха Советского Союза и окончания "холодной войны" сторонам пришлось приспосабливать военное сотрудничество к новым реалиям. Террористические атаки в сентябре 2001 г. возвестили новый этап, этап омоложения в военных связях двух стран, связанный с растущими ожиданиями, что Япония станет играть более активную роль и отойдет от пацифистских ограничений, которые были установлены самими же Соединенными Штатами в рамках Конституции Японии [3, с. 250–252].

Японо-американский военный союз продолжает не только существовать, но и постоянно развиваться. Серьезные изменения в нем произошли как во второй половине 1990-х гг. после крушения Советского Союза, так и в 2015 г. в рамках создания новой архитектуры военного сотрудничества в азиатском регионе. Все в большей мере военное сотрудничество между двумя странами теряет присущую ему асимметричность и вовлекает Японию в более полномасштабное военное участие в потенциальных военных конфликтах в качестве ключевого союзника США в АТР.

Все более активное сотрудничество в военной области с США ведет к постепенному размыванию ограничений на создание вооруженных сил в Японии, установленных после Второй мировой войны, и последовательной подготовке к пересмотру Конституции Японии, которая запрещает Японии иметь как собственные полномасштабные вооруженные силы, так и право участвовать напрямую в вооруженных конфликтах. Вопрос изменения Конституции станет основной темой внутриполитической повестки дня на ближайшие годы в Японии. США, которые были основными инициаторами конституционных ограничений в отношении Японии в послевоенные годы, будут поддерживать новые изменения, фактически их отменяющие в рамках своей новой стратегии "поворота в Азию".

Япония как стратегический союзник США в Восточной Азии вынуждена следовать американской политике в отношении Китая. Эта политика характеризуется намеренной двусмысленностью, переходами от "сдерживания" к "вовлечению", провокационными

действиями, тактикой кнута и пряника. Поскольку ожесточенные конфликты между Японией и Китаем в ближайшие 10 лет маловероятны, единственной причиной их вооруженного столкновения может быть Тайвань или ситуация на Корейском полуострове. Развитие того или иного конфликта будет зависеть во многом от позиции США, так как США, в отличие от политики "вовлечения" в экономических и дипломатических делах, в военном отношении применяет к Китаю тактику сдерживания.

Страны, обеспокоенные растущей мощью Китая, проявляют интерес к созданию новых структур региональной безопасности. В качестве членов такой потенциальной архитектуры безопасности рассматриваются Япония, Индия, Австралия и США. Токио, Канберра и Нью-Дели провели первые трехсторонние переговоры на уровне заместителей министров в июне 2015 г. премьер-министр Абэ стал одним из главных сторонников создания так называемого "Ромба Безопасности" [4], включающего в себя четыре страны, разделяющие общие демократические ценности и приверженность сохранению свободы мореплавания в регионе. Критики таких образований заявляют, что подобные намерения могут быть расценены как попытка сдерживания Китая, что, в свою очередь, может спровоцировать ответные шаги Пекина.

Источники и литература

1. *Иногути Т.* Японская внешняя политика в условиях американской однополюсности. М.: Полиграф, 2001.

2. *Каширина Т.В.* Американская концепция "современного миропорядка" и американо-российские отношения на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия "История и политические науки". 2010. № 2. С. 18–23.

3. *Устинова Т.Н.* Политика США и Японии в АТР и проблемы безопасности. М.: Европеум-Пресс, 2001.

4. *Abe S.* Asia's Democratic Security Diamond // Project Syndicate. 2012. Dec. 27.

5. *Ian F. Fergusson, Mark A. McMinimy, Brock R.* Williams. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief. 9.02.2016. URL: http://fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf.

Линь Цай[1]

ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы гармонизации проектов "Евразийский союз" (ЕАС) и "Экономический пояс Шелкового пути" (ЭПШП). Проводится анализ сходств и различий между проектами ЕАС и ЭПШП. Автор приходит к выводу, что между двумя проектами существуют пересечения в географической зоне и сходства по некоторым экономическим функциям. В то же время проекты ЕАС и ЭПШП имеют различные теоретические основы, собственные конечные цели, разные маршруты создания и модели системы. Автор заключает, что между двумя проектами существует определенная степень конкуренции. Исходя из текущей международной ситуации, ЕАС и ЭПШП имеют благоприятные условия для развития сотрудничества.

Ключевые слова: Евразийский союз, ЕАС, Экономический пояс Шелкового пути, ЭПШП, РФ, КНР, сходства, пункты различия, сотрудничество, конкуренция.

Сотрудничество по сопряжению строительства ЕАС и ЭПШП является одной из горячих тем в научных кругах. Два проекта представляют собой важные стратегии для достижения возрождения РФ и КНР. Многие эксперты в области международных отношений считают, что существует тенденция соперничества между Китаем и Россией в области Центральной Азии. В то же время Россия, Китай и центрально-азиатские государства разделяют общее фундаментальное представление о том, какой должна быть региональная стабильность и как ее обеспечить. Пересечение национальных интересов этих стран практически урегулирует возникающие разногласия и гарантирует, что эти разногласия не приведут к обострению конфликтов.

[1] 2-й курс, магистратура, Российский университет дружбы народов; Институт политологии и государственного управления, Шаньдунский университет (КНР, Цзинань).

Сходства проектов ЕАС и ЭПШП

Проект ЕАС — важная стратегия на новый срок Президента В.В. Путина. Она является краеугольным камнем подъема России. Для Китая ЭПШП представляет собой национальные стратегические задачи, поставленные Комитетом по развитию и реформам и Министерством иностранных дел. В стратегии по отношению к Евразии неизбежно существуют сходства между ЕАС и ЭПШП. Многие ученые считают, что как в ЕАС, так и в ЭПШП принимают участие одни и те же страны и это приводит к конкуренции этих двух проектов.

С одной стороны, между ЕАС и ЭПШП существует географическое пересечение. В 2011 г., будучи премьер-министром РФ, В.В. Путин предложил проект Евразийского союза (ЕАС). Этот проект принимает СНГ в качестве платформы и "евразийство" как идеологическую основу, т.е. проект направлен в первую очередь на интеграцию районов бывшего СССР. Хотя В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что ЕАС должен представлять открытую систему с возможностью привлечения в будущем большего количества стран Евразии и в перспективе даже превратиться в систему "Большой Европы". Но на данном этапе планировалось участие в ЕАС только России, Белоруссии, Казахстана и некоторых других бывших советских республик. После Украинского кризиса для Евразийского интеграционного проекта более важную роль стали играть страны Центральной Азии.

Как считают некоторые исследователи, проект ЭПШП во многом может опираться на структуру Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), поскольку в ЭПШП планируется включить все страны — участницы ШОС (Китай, Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан, Индию), государства-наблюдатели (Иран, Афганистан, Монголию и Белоруссию), а также партнеров ШОС по диалогу (Азербайджан, Армению, Камбоджу, Непал, Турцию, Шри-Ланку). Резюмируя вышесказанное, в географическом плане ЕАС, ЭПШП и ШОС во многом пересекаются по составу участников.

Экономические функции ЕАС и ЭПШП тоже пересекаются. Но это обстоятельство не обязательно приведет к конкуренции между двумя проектами. Представляется необходимым допол-

нительно проанализировать функциональные отношения между ЕАС и ЭПШП.

В.В. Путин в своей статье "Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня" подчеркнул, что Евразийский союз должен эффективно играть роль в качестве моста между Европой и Азиатско-Тихоокеанском регионом [1]. В то же время он разработал четыре этапа строительства ЕАС: Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Евразийский союз (ЕАС). При этом экономической интеграции в рамках ЕАЭС отводится важная роль по созданию единого экономического пространства, либерализации торговли в регионе, формированию общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы, созданию общего энергетического рынка и наднационального органа для регулирования экономики. Предполагалось, что следующим этапом станет политическая интеграция и сближение в сфере культуры и военных дел. В конце концов ЕАС может стать самостоятельным центром силы в многополюсной системе международных отношений.

Экономическая составляющая проекта ЭПШП предполагает строительство транспортной сети из Балтийского моря к Тихому океану, устранение препятствий в торговле, сокращение времени перевозки товаров, переход к расчетам в национальных валютах, а также укрепление межправительственных связей, содействие культурному обмену. В итоге предполагается достичь цели "пять приоритетов", предлагаемой Председателем КНР Си Цзиньпином: политическая координация, взаимосвязанность инфраструктуры, свобода торговли, сотрудничество в сфере финансов, гуманитарные обмены.

ЕАС и ЭПШП пересекаются по составу стран-участниц. В части экономических функций между ними существуют совпадения и ставятся общие цели. При этом проект ЕАС в основном ограничивается пределами постсоветского пространства, в чем некоторые исследователи видят геополитические амбиции России по укреплению своего влияния в регионе. Для того чтобы определить, может ли строительство ЭПШП препятствовать или задерживать развитие ЕАС, необходимымо подробнее рассмотреть отличительные черты двух проектов.

Различия проектов ЕАС и ЭПШП

Обе эти стратегии обладают собственной уникальностью и имеют существенные отличия.

Во-первых, теоретическая основа двух проектов является различной. Руководящая идеология Евразийского союза восходит к дипломатической мысли России "Евразийство". Евразийцы подчеркивают центральное положение России и уникальность российской цивилизации, находящейся в Евразии. В дипломатии евразийцы следуют прагматичному принципу "геополитические связи важнее, чем кровное родство", обращают большое внимание на сотрудничество с соседними странами. Таким образом, Россия выступает за усиление процесса интеграции с соседними странами, надеется создать Евразийский союз на идеологической основе "Евразийство".

В отличие от ЕАС, идеологическая основа ЭПШП — это взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации, уважение различных цивилизаций и поиск путей общего развития. В качестве основы для построения такой системы принимаются "пять принципов мирного сосуществования", где равные права дают дополнительные преимущества каждому субъекту в системе, чтобы осуществить взаимное благоприятствование и выгоду, гармоничное развитие и взаимовыгодное сотрудничество на платформе ЭПШП.

Во-вторых, из-за различной теоретической основы ЕАС и ЭПШП имеют и различные конечные цели. Представляется, что в российском руководстве воспринимают проект ЕАС как важный шаг для возрождения великодержавия России. И речь идет не только об экономической интеграции в евразийском регионе, но и политической, в то время как в рамках ЭПШП провозглашается дух "мира и сотрудничества, открытость и терпимость, взаимное обучение, взаимная выгода и взаимный выигрыш", акцент делается на торговле и инвестициях, энергетическом и культурном сотрудничестве.

В-третьих, на основе различных целей ЕАС и ЭПШП имеют различные маршруты создания и модели системы. Для достижения высокой интеграции и установления тесных отношений сотрудничества в евразийском регионе модель созда-

ния ЕАС является классической международной организацией, охватывающей экономическую, политическую, военную и культурную сферы деятельности путем разработки обязательных для всех правил. В условиях конфронтации России и США проект ЕАС может восприниматься как модель создания антизападного союза.

Модель создания ЭПШП выглядит иначе. Она ориентирована на сбор информации, выяснение потребностей стран-участников, уменьшение неопределенности в отношениях между партнерами, заключение эффективных соглашений для стабильного сотрудничества [2, с. 166–169]. Таким образом, ЭПШП имеет целью координацию в рамках действующих международных режимов, стремится создать более свободную и всеобъемлющую международную систему с помощью прагматичных и гибких двусторонних и многосторонних отношений.

В-четвертых, по сравнению с ЕАС, ЭПШП более инклюзивен. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве берут начало в 1990-х гг., и представляется, что ЕАС имеет определенные элементы конструкции Советского Союза. Из-за нарастающего геополитического соперничества с США в Центральной Азии строительство ЕАС вызывает в руководстве некоторых стран обеспокоенность. Узбекистан наиболее негативно относится к ЕАС, он вышел из Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в 2008 г. Туркменистан вышел из СНГ в 2005 г., а Грузия в 2008 г. Эти политические шаги показали, что эти страны не поддерживают строительство ЕАС. Украинский кризис в 2014 г. не только привел к разрыву отношений между Россией и Украиной, осложнению отношений между Россией и Европой, но и увеличил сопротивление в создании ЕАС. В настоящее время только Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Кыргызстан фактически принимают участие в строительстве ЕАС.

Проект ЭПШП за довольно короткий период получил большую поддержку как в Центральной Азии, так и в Европе. Международная обстановка благоприятствует строительству ЭПШП. После тяжелого экономического кризиса Европе необходимо укрепить экономические отношения с АТР. В то же время из-за кризиса на Украине геополитическое преимущество России в осуществлении связей между Востоком и Западом сокращается. В этом кон-

тексте Китай выдвинул проект ЭПШП для удовлетворения потребностей сторон. Китай последовательно придерживается дипломатического принципа "невмешательства во внутреннюю политику других стран" и устанавливает общее политическое взаимодоверие со странами. Кроме того, ЭПШП обладает более гибкой конструкцией системы, этому проекту легче получать поддержку сторон.

Перспективы развития ЕАС и ЭПШП

В последние годы некоторые ученые уделяют большое внимание нагроможденным международным организациям в Евразии и отношениям между ними [3]. В политических кругах комментарии о том, что пересекающиеся механизмы в Евразийском регионе неэффективны, впервые появились в китайско-российском совместном заявлении в 2012 г [4]. В 2014 г. в китайско-российском совместном заявлении было упомянуто о проектах ЕАС и ЭПШП [5]. Это показывает, что правительства КНР и РФ начали обращать внимание на отношения между двумя проектами.

В ЕАС и ЭПШП входят общие страны-участницы, в связи с этим существует определенная степень конкуренции между ними. Если рассуждать о сценариях развития отношений между ЕАС и ЭПШП в будущем, то можно было бы выделить три основных:

- один проект получает более активное развитие, а второй — остается на периферии;
- один проект поглощает другой;
- два проекта объединяются и формируют новую организацию.

В долгосрочной перспективе КНР и РФ как ведущие страны будут стремиться избежать первого и второго сценариев, потому что эти два сценария могут нанести серьезный ущерб их репутации. Третий сценарий может быть реализован, только если КНР и РФ будут проводить консультации и развивать сотрудничество в тех областях, где сегодня наблюдается конкуренция. Начавшееся налаживание отношений между двумя проектами указывает на конструктивный диалог и консультации в экономической сфере, чтобы избежать конкуренции.

Заключение

Представляется, что существуют три основных фактора, которые могут создавать благоприятные условия для сотрудничества между двумя проектами:

- тесные партнерские отношения между Китаем и Россией;
- стратегическое давление США на Китай и Россию в евразийском регионе;
- объективная необходимость к региональной интеграции.

Среди этих факторов тесные партнерские отношения между Китаем и Россией будут играть решающую роль в установлении сотрудничества между двумя организациями. В случае если отношения между Китаем и Россией ухудшатся, то возможности сотрудничества между двумя проектами будут сильно ограничены [6]. Давление США на Китай и Россию в евразийском регионе будет и дальше содействовать укреплению отношений между Москвой и Пекином. Задача, которую предстоит решить в рамках региональной интеграции между двумя проектами, — это помочь им найти общие сферы интересов и выработать модель сотрудничества.

В настоящее время ЕАС и ЭПШП имеют благоприятные условия для развития сотрудничества. На уровне руководства двух стран уже начали вести формальный диалог и координацию, чтобы найти наилучший способ сосуществования. Представляется, что на нынешнем этапе отношений между двумя проектами сотрудничество преобладает над конкуренцией.

В мае 2015 г. Китай и Россия достигли консенсуса по вопросам совместного сотрудничества ЕАС и ЭПШП. В совместном заявлении двух стран говорится о том, что российская сторона "поддерживает строительство Экономического пояса Шелкового пути и готова к тесному взаимодействию с китайской стороной в продвижении этой инициативы". Равно как и китайская сторона "поддерживает активные усилия российской стороны по продвижению интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и начнет переговоры о заключении с ним соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве" [7]. Выражая готовность к сотрудничеству, стороны сделали акцент на тор-

говле, инвестициях, транспортной инфраструктуре, производственной кооперации и др. Кроме того, Россия и Китай запустили механизм диалога и создали соответствующую рабочую группу.

Источники и литература

1. *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт. URL: http://izvestia.ru/news/502761.

2. 苏长和：《全球公共问题与国际合作：一种制度的分析》，上海人民出版社 2009 年版 (Су Чанхэ. Глобальные проблемы и международное сотрудничество: анализ системы. Шанхай.: Шанхайское Народное издательство, 2009.)

3. 郭晓琼:《竞争与合作:对欧亚联盟与上海合作组织关系的思考》,《俄罗斯东欧中亚研究》2013年第3期。(Го Сяоцин. Конкуренция и сотрудничество: размышление об отношениях между Шанхайской организацией сотрудничества и Евразийским союзом // Россия, Восточная Европа и Центральная Азия. 2013. № 3.)

4. 《关于进一步深化平等信任的中俄全面战略协作伙伴关系的联合声明》,《人民日报》2012年6月7日。(Совместное заявление КНР и РФ о дальнейшем углублении китайско-российских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия // Жэньминь жибао. 2012. 7 июня).

5. 《关于全面战略协作伙伴关系新阶段的联合声明》,《人民日报》2014年5月21曰。 (Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Жэньминь жибао. 2014. 21 мая.)

6. *Лузянин С.* Россия и Китай: новый контекст отношений // Глобальный конфликт [сайт]. 2014. 14 янв. URL: http://globalconflict.ru/analytics/91802-rossiya -i-kitaj-novyj-kontekst-otnoshenij

7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4971

Ван Ин[1]

ПОДХОДЫ США И РОССИИ К ПРОЕКТУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Аннотация: В статье рассматривается влияние РФ и США на строительство проекта "Экономического пояса Шелкового пути" (ЭПШП). Проводится анализ стратегий и интересов России и США в Центральной Азии. Автор приходит к выводу, что стратегические интересы мировых держав сосредоточились в этом регионе и "большая игра" развернется за влияние на ЭПШП. Две державы могут и способствовать и препятствовать строительству проекта. Внимание должно быть уделено китайско-российским и китайско-американским отношениям в ходе создания ЭПШП.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, ЭПШП, Китай, РФ, США, Центральная Азия.

Более 2100 лет назад в эпоху китайской династии Хань путешественник и дипломат Чжан Цянь дважды посещал с миссией мира и дружбы Западные земли, т.е. нынешнюю Центральную и Южную Азию, положив начало дружественному взаимодействию между Китаем и странами этого региона. Этот торговый путь прошел испытание временем, постоянно расширяясь, и в конце концов превратился в Великий Шелковый путь, протянувшийся на тысячи километров по территории Евразии.

7 сентября 2013 г. во время своего зарубежного визита в Казахстан Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью в Назарбаев Университете, в котором впервые была выдвинута идея о совместном построении Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). ЭПШП — это огромная зона экономического сотрудничества, берущая свое начало в Китае и достигающая Европы. Зона, в которой проживают около 3 млрд жителей планеты. Данная инициатива получила активные отклики в странах и районах с тесной взаимосвязью и вызвала большой резонанс в международном сообществе.

После того как была выдвинута инициатива ЭПШП, уровень сотрудничества между Китаем и Центральной Азией стремитель-

[1] 2-й курс, магистратура, Российский университет дружбы народов.

но повышается. Что касается интересов РФ и США в Центральной Азии, то "большая игра" в этом регионе вступает в новый период.

После "холодной войны" Центральная Азия вновь приобретает большое стратегическое значение. Многие государства определили свои собственные интересы, охватывающие Центральную Азию (см. таблицу).

Стратегия разных стран в Центральной Азии

Страна	Название проекта	Когда был выдвинут
США	Партнерство во имя мира	Январь 1994 г.
	Большая Центральная Азия	Август 2005 г.
	Новый Шелковый путь	2011 г.
	Восстановление стратегического баланса (rebalance) в Азиатско-Тихоокеанском регионе	3 июня 2012 г.
РФ	Шелковый путь — 2009	2009 г.
	Евразийский экономический союз	2011 г.
КНР	Экономический пояс Шелкового пути	Сентябрь 2013 г.
Япония	Дипломатия Шелкового пути	Январь 1998 г.
Казахстан	Новый Шелковый путь	2012 г.

Любые события, происходящие в Центральной Азии, не только будут оказывать влияние на развитие региона, но и могут изменить геополитический баланс сил в Евразии. Поэтому, чтобы КНР и Россия не обладали монополией в этом регионе, США, единственная мировая супердержава вне Евразийского континента, также вошла сюда. В результате несколько стратегических сил мира сосредоточились в одном месте.

США не граничат с Центральной Азией в географическом расположении и мало чем связаны с регионом в историческом плане. После распада СССР возник "геополитический вакуум власти" в Центральной Азии. США с целью уменьшения военной связи Центральной Азии с Россией, военной зависимости, предотвращения политической интеграции стран с Россией начали укреплять военное сотрудничество со странами этого региона, создавая здесь свои военные базы. После нефтяного бума Каспийского моря в се-

редине 1990-х гг., событий "11 сентября", международных действий по борьбе с терроризмом 2001 г., цветной революции в Центральной Азии (ЦА) 2005 г. обозначились интересы США в этом регионе, постепенно трансформируясь в зону собственных энергетических потребностей, международной безопасности и демократии. Суть заключается в том, что внешняя политика США направлена на защиту своих национальных интересов, на поддерживание мировой гегемонии. В XXI в. Центральная Азия стала важным стратегическим районом, куда США вложили много средств.

В 2008 г. в мире начался финансово-экономический кризис, берущий свое начало в США. В это время наблюдается падение основных экономических показателей в большинстве стран с развитой экономикой, но остается стабильным экономическое развитие в Китае. Азиатско-Тихоокеанский регион постепенно становится экономическим центром мира. Понимая, что статус гегемона пошатнулся, США начали менять свою глобальную стратегию — сначала важное место в их внешней политике занимала Европа, теперь такое же внимание направлено на Азию, что может значительно повысить ее статус. США "возвращаются" в Азиатско-Тихоокеанский регион в целях создания баланса сил. Центральная Азия стала важной стратегической поддержкой США. С проекта "Большой Центральной Азии" 2005 г. до стратегии "Новый Шелковый путь" 2011 г. США пытались создать выгодную им систему регионального сотрудничества, для того чтобы сдерживать рост Китая на востоке, бороться с исламскими экстремистами на юге, откликаться на расширение НАТО на востоке и на западе, сокращать стратегическое пространство России.

Экономическая стратегия проекта "Большая Центральная Азия" действительно содействовала развитию регионального сотрудничества в ЦА, укрепила международные связи рынка Центральной Азии с международным рынком, в результате чего получила положительный отклик со стороны стран ЦА и значительно повысила международный имидж и региональное влияние Соединенных Штатов.

В настоящее время китайская инициатива ЭПШП неизбежно сталкивается с интересами США в Центральной Азии, и обостряет конкуренцию между крупными державами [9, с. 175]. При этом отмечается резко негативная реакция Белого дома именно на

российский проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и нейтральное отношение к китайским инициативам экономической интеграции региона на фоне роста напряженности между Китаем и союзниками США Японией, Филиппинами и Вьетнамом за ресурсы Южно-Китайского моря. Согласно прогнозам сотрудников американского Центра национальных интересов, доминирование Китая в этом регионе станет залогом усиления Китая в Центральной Азии. На этом фоне представляется, что, с одной стороны, Вашингтон стремится не допустить усиления сотрудничества по оси Пекин — Москва, одним из императивов кооперации которых в регионе выступает именно противодействие Соединенным Штатам, а с другой — через союзников прилагает усилия по ослаблению позиций Китая в Тихоокеанском регионе для предотвращения его доминирования в Центральной Азии [10].

В отношении энергетического сотрудничества в рамках инициативы ЭПШП речь идет об "усилении сотрудничества по разведке и разработке угля, нефти, газа, металлических руд и других традиционных энергетических ресурсов". По сути дела США в Центральной Азии рассчитывают не только на геостратегическое влияние, но и на объективные потребности, в том числе доступ к энергоносителям. В некоторой степени энергетические цели КНР и США в Центральной Азии сталкиваются. Соединенные Штаты надеются, что этот регион может обеспечить их энергией, что они будут контролировать его. Китай, как и США, являясь основным потребителем энергии, также рассматривает Центральную Азию в качестве важного энергетического поставщика в будущем, поэтому трения в отношении экономических интересов между обеими сторонами в этом регионе могут усилиться.

Инициативы "Северная распределительная сеть", "Новый Шелковый путь" и "Инициатива по борьбе с наркотиками в Центральной Азии" составляют три опоры важного содержания будущего новой стратегии США в Центральной Азии [6]. "Новый Шелковый путь" американской версии представляет собой продолжение проекта "Большая Центральная Азия". Обе идеи по своей сути пытаются объединить Центральную Азию, Афганистан и Южную Азию в единое целое, для того чтобы осуществить геостратегические цели в Центральной и Южной Азии после полного вывода американских войск из Афганистана. Для реализации этих целей, США, по всей

видимости, будут пытаться сделать Шанхайскую организацию сотрудничества дискретной, а также расширять свою политическую и экономическую "глубину" с Южной Азии до Центральной Азии, обеспечивая свое присутствие и влияние в евразийском регионе и повышая конкурентоспособность в новой структуре.

В строительстве проекта ЭПШП Центральной Азии отводится важное место. Несомненно, это приведет к созданию препятствий со стороны Соединенных Штатов при борьбе с терроризмом. Терроризм представляет собой опасность для человечества. Китай, как и США, столкнулся с террористической угрозой, но США ведут политику попустительства перед "тремя силами зла", которые наносят вред Китаю. Существует мнение, что на самом деле США, пользуясь "тремя силами зла", пытаются сдержать развитие отношений Китая со странами Центральной Азии, что, по сути, является грубым вмешательством во внутренние дела Китая.

Существуют противоречия между США и Пекином и в вопросах построения финансовой системы. Так, создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в качестве финансового сопровождения ЭПШП было негативно воспринято в Соединенных Штатах. США не приняли участия в создании банка, выражали настороженность, что АБИИ может оказать негативное влияние на существующие финансовые системы. В последние годы Фонд Шелкового пути и АБИИ активно работают со многими странами для скорейшего укрепления новых финансовых институтов в целях предоставления новых каналов финансирования развивающимся странам как альтернативы Всемирного банка, Азиатского банка развития и МВФ. Несомненно, это влияет на международную финансовую систему, возглавляемую США.

В процессе строительства ЭПШП в Центральной Азии важным фактором является Россия. Россия имеет свое традиционное доминирование в Центральной Азии, хотя отношение к России там двоякое: с одной стороны, государства ЦА не хотят доминирования России, с другой — они все еще возлагают на Россию надежду. Поэтому построение ЭПШП в Центральной Азии невозможно без поддержки и понимания России. На самом деле Россия всегда видит Центральную Азию своим собственным "задним двором" и даже "сферой влияния". Однако расширение НАТО на восток, кризис на Украине, падение цен на нефть, санкции Запада, нали-

чие структурных проблем в экономике и другие факторы привели к значительному сокращению экономики России.

Таким образом, Россия сама нуждается в создании стабильной стратегической базы на юге в Центральной Азии, а также будущей необходимой буферной зоны при восстановлении. Поэтому действия другой страны, направленные на усиление своего влияния в центрально-азиатском регионе, Россия будет воспринимать настороженно [4]. Но в результате кризиса на Украине Россия идет на большее сближение с Китаем и укрепляет сотрудничество между двумя странами. Москва была вынуждена отреагировать на западные санкции. Россия в целом не против ЭПШП, однако в политических кругах до сих пор существуют сомнения, поскольку Россия не хотела бы видеть быстрое укрепление Китая в Центральной Азии.

Во-первых, представляется, что Россия заботится о своем доминирующем положении в Центральной Азии и не хочет ослабления собственного влияния. Из-за российско-грузинского конфликта страны Центральной Азии относятся с подозрением к применению силы Россией в отношении "защиты граждан". Более того, в результате низких темпов экономического роста в России сотрудничество со странами ЦА развивается медленно. В сравнении с Россией Китай уже стал первым основным торговым партнером Центральной Азии, и взаимодействие стран друг с другом расширяется [7].

По официальной статистике, в 1992 г., после того как были установлены дипломатические отношения между Китаем и пятью странами Центральной Азии, совокупный товарооборот Китая с этим регионом составлял лишь $460 млн. В 2012 г. этот показатель достиг почти $46 млрд, увеличившись в 100 раз [5].

Озабоченность России, связанная со строительством нового Шелкового пути, заключается в том, что создание ЭПШП должно существенно увеличить экономическое и геополитическое влияние КНР в регионе, тогда как относительное влияние России при этом неизбежно будет сокращаться [8]. Центральная Азия является традиционной сферой влияния России и стратегически оказывает воздействие на укрепление ее статуса великой державы. Евразия является приоритетным направлением внешней политики Российской Федерации, следовательно, Россия не позволяет внешним силам вторгаться в этот чувствительный для себя район [1]. Китай в последние годы усилил торгово-экономическое

сотрудничество со странами СНГ, что вызвало настороженность российской стороны. Особенно в процессе создания ЭПШП, где Центральная Азия считается ключевым регионом.

Несомненно, влияние Китая в регионе будет и дальше расширяться, что нелегко принять России, которая исторически доминирует в Центральной Азии. На самом деле, как уже было изложено выше, действуют некоторые механизмы экономического и политического сотрудничества между Россией и пятью странами Центральной Азии, такие как Таможенный союз, ЕАЭС, СНГ и т.п. Отметим, что в 2011 г. Путин предложил идею "Евразийский союз", направленный на создание в рамках СНГ интеграционного объединения по принципу Европейского союза. Эта идея имеет экономическое и политическое направление. Хотя в ЕАЭС отсутствует политическое намерение сдерживания Китая, все же интересы двух идей будут сталкиваться [1, с. 8].

Во-вторых, в финансовой сфере, имеющей высшее стратегическое значение, становится все более заметной конкуренция юаня и рубля в Центральной Азии. Центральная Азия богата энергетическими ресурсами, представляет собой важный регион, где Китай будет активно содействовать интернационализации юаня. Что касается России, он также продвигает валютную интеграцию в рамках ЕАЭС. Как заявил директор бюро по фискальной политики Евразийской экономической комиссии, комиссия пытается произвести расчет между Россией, Белоруссией и Казахстаном абсолютными национальными валютами, в том числе предлагается использование соотношения валюты в размере 50% рублей, 40% долларов, 8–9% евро и 1% в других валютах [2]. На этом фоне по мере строительства ЭПШП постепенно увеличиваются инвестиции Китая в инфраструктуру, ресурсы и энергетику в Центрально-Азиатском регионе. На этом фоне влияние юаня в Центральной Азии будет расширяться, что еще раз затронет интересы России.

Международная обстановка в Центральной Азии для создания ЭПШП довольно сложна. Китай должен обратить внимание на сотрудничество с США и РФ в Центральной Азии, стремиться к взаимодоверию и взаимной поддержке.

Со стороны США в рамках ЭПШП, во-первых, нужно отметить, что это региональное, независимое, открытое и добровольное сотрудничество, характеризующееся равноправным и взаимовы-

годным партнерством, служащим диалогом по обширным вопросам и общему развитию в политических, социально-экономических и культурных областях. Китай должен уважать интересы США как мировой державы в этом регионе, что является основой для установки новых отношений между крупными державами. На самом деле США в текущее время остаются основным поставщиком международных и региональных общественных благ, поэтому не нужно видеть угрозу во влиянии США в ЦА, следует относиться к этому как к движущему фактору в построении ЭПШП. Во-вторых, Китай должен обращать внимание на то, что США используют против него негативную пропаганду. С помощью местных средств массовой информации идет распространение слухов о "китайской угрозе", с помощью союзников и через международные организации — о враждебности КНР и РФ, происходит вмешательство во внутренние дела стран ЦА через влияние на инвестиции чиновников и олигархов, поддержку их детей за рубежом. В целом китайская сторона должна контролировать и решать возникающие противоречия, чтобы обеспечить стабильность в китайско-американских отношениях.

Что касается России: так как РФ имеет большее влияния и прочную историческую основу в Центральной Азии, Китаю необходимо обратить внимание на стратегические интересы России и на двусторонние отношения в построении ЭПШП в ЦА.

Китай должен в полной мере уважать интересы России в Центральной Азии, в особенности понимать региональные политические и экономические механизмы российской стороны, центр которых представляет собой Евразийский экономический союз. ЭПШП выступает как "инновационная модель сотрудничества", которая "не содержит в себе интеграционных интенций", не преследует целей создания формального сообщества и направлена исключительно на улучшение многостороннего сотрудничества, налаживание эффективных партнерских отношений. Формирование ЭПШП не нацелено на изменение традиционной структуры власти в регионе, т.е. сотрудничество со странами Центральной Азии не означает ослабления традиционного влияния России. КНР и РФ — это два крупнейших государства, живущих в тесном соседстве. За последние десятилетия проделана большая совместная работа, и сегодня можно с уверенностью утверждать, что наши связи являются наилучшими за всю их историю [3]. Если бы отно-

шения между всеми странами напоминали российско-китайские отношения, то была бы сформирована справедливая полицентричная система глобального управления.

Что касается отношений между проектами ЕАЭС И ЭПШП, некоторые эксперты считают, что стратегия ЭПШП выступает в качестве конкурента ЕАЭС, а потому основным вопросом является реализация этой стратегии, не вступая в противоречия с Россией и не разрушая российско-китайских отношений. Это означает, что Китаю нужно будет договариваться о разделе сфер влияния и интересов. Договариваться со всеми заинтересованными игроками, прежде всего с Россией, которая по-прежнему рассматривает Центральную Азию как "зону привилегированных интересов". Основная цель — создать условия для того, чтобы два проекта ЭПШП и ЕАЭС не выступали в качестве конкурирующих, а дополняли друг друга. Достигнута принципиальная договоренность о сопряжении интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза с китайской инициативой "Экономического пояса Шелкового пути".

В целом идеология сопряжения ЕАЭС и ЭПШП носит долгосрочный стратегический характер: нынешние совместные двусторонние проекты рассматриваются как отправная точка в общем стремлении России и Китая к "координации долгосрочных интересов", к строительству "единого экономического пространства". Речь может идти о создании общей зоны свободной торговли, правда, в неопределенном будущем, поскольку еще в Хартии ШОС говорилось о "постепенном осуществлении свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий". Однако на практике эти положения реализованы не были. Такая перспектива дает новое видение двусторонних проектов в их совокупности, создает стимул для их координации.

Руководители КНР подчеркивают, что концепция основана на принципе "общего выигрыша" самого Китая и его партнеров. По большому счету это действительно так, поскольку интересы Китая и многих других стран на современном этапе развития мировой экономики в значительной мере совпадают. Китайские инвестиции нужны всем, а для стран Центральной Азии сотрудничество с КНР означает не только оживление экономики, но и расширение выхода на международные рынки [8].

Нужно сосредоточиться на китайско-российских отношениях, искать общие интересы, проводить активный диалог по вопросам политики, усиливать поддержку политического диалога, добиваться понимания в постановке стратегических задач, потому что мир, стабильность, процветание и развитие в Центральной Азии соответствуют общим интересам Китая и России. КНР и РФ нужно прийти к консенсусу о развитии экономического сотрудничества в ЦА, углублять взаимное сотрудничество в разных областях, расширять масштабы торгово-экономической деятельности в ЦА, чтобы достичь беспроигрышного результата в Центральной Азии.

Таким образом, на данном этапе темпы Китая по строительству "Экономического пояса Шелкового пути" не должны быть слишком быстрыми, политика по строительству проекта должна реализовываться шаг за шагом. В последние годы меняется как международная, так и региональная обстановка вокруг Центральной Азии, что оказывает большое влияние на политику, безопасность, экономику и дипломатию стран региона. Перед инициативой создания ЭПШП стоят различного рода риски, а именно связанные с обеспечением безопасности, экономические проблемы. Также меняются отношения между США и РФ и их подходы к политике в ЦА.

Согласно анализу, можно прийти к выводу, что в нынешнее время эти риски еще в контролируемом диапазоне и не могут разрушить программу, но это не значит, что они не будут мешать. Когда анализируются последствия рисков, они оказывают негативное влияние не только на строительство ЭПШП, но и на развитие стран ЦА. Таким образом, чтобы снижать риски, нужно укрепить взаимодоверие и усилить сотрудничество в этом регионе. Подходы Китая в отношениях с РФ и США разные. Пекин и Москва должны активно реализовать достигнутые главами двух государств договоренности по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС. Пекин и Вашингтон должны контролировать и решать возникающие противоречия, чтобы обеспечить стабильные китайско-американские отношения. Другими словами, возможностей для углубления сотрудничества между КНР и РФ в Центральной Азии больше, чем возможностей по линии КНР — США.

Источники и литература

1. *Ван Шучунь, Вань Цинсун.* Проекты "Экономический пояс Шелкового пути" и ЕАЭС: конкуренты или партнеры? // Обозреватель. 2014. № 10.

2. Евразийский экономический союз, как ожидается, будет иметь единую валюту. URL: http://www.chinanews.com/gj/2014/08-04/6456893.shtml,2014-8-23

3. Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова итальянскому журналу "Лимес", опубликованное 4 февраля 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2055307

4. *Кондратенко Г.В.* Россия и Китай в современном мире // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 2 (39). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-v-sovremennom-mire

5. Концепция создания "экономического коридора вдоль Великого Шелкового пути" послужит движущей силой для комплексного сотрудничества в Евразии — эксперты // Синьхуа Новости. 2013. 13 сент. URL: http://russian.news.cn/dossiers/2013-09/13/c_132719285.htm

6. *Кузнецов Н.А.* Присутствие США в АТР на примере Китая // Вестник науки и образования. 2015. № 4 (6). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/prisutstvie-ssha-v-atr-na-primere-kitaya

7. *Ларин А.Г.* Возрождение Китая и некоторые вопросы Российско-китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. № 20. С. 37–56.

8. *Ларин А.Г.* Сопряжение Евразийского союза с "Новым Шелковым путем": шансы и вызовы для России // Жэньминь жибао. 2015. 9 окт. URL: http://russian.people.com.cn//n/2015/1009/c95181-8959722.html

9. *Лян Чао.* Игра в Центральной Азии / Кит. Акад. Наук, 2011.

10. *Таткало Н.* Сравнительный анализ геополитических проектов США, России и КНР по интеграции центральной Азии // Время Востока. 2014. 27 авг. URL: http://www.easttime.ru/analytics/tsentralnaya-aziya/sravnitelnyi-analiz-geopoliticheskikh-proektov-ssha-rossii-i-knr/8045

А.К. Галимзянова[1]

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Аннотация: В данной статье исследуется взаимодействие регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири с Китайской Народной Республикой. Отмечено, что развитие приграничных территорий занимает одно из важнейших мест в Азиатско-Тихоокеанской стратегии России. Дана оценка выдвинутой Китаем программы "Один пояс — один путь". Выявлена степень эффективности реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.).

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Дальний Восток, Восточная Сибирь, Северо-Восток Китая, территория опережающего развития.

На современном этапе российско-китайские отношения оказывают влияние на развитие мировой политической системы. В условиях всеобщей глобализации и региональной интеграции Россия и Китай прилагают усилия по укреплению сотрудничества в приграничных районах. В этой связи особое значение приобретает взаимодействие Дальнего Востока и Восточной Сибири с Северо-Востоком Китая.

Сотрудничество России и Китая в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, который превращается в центр мировой политической и экономической активности, дает новые возможности и перспективы отношениям двух стран. Развивая сотрудничество между приграничными территориями, страны продолжают углублять отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. "Нынешняя ситуация в целом благоприятствует нашим интересам: в АТР нет блоков или стран, которые демонстрировали бы в отношении России враждебность и агрессивность; мы напрямую не втянуты в локальные конфлик-

[1] Аспирант, Дипломатическая академия МИД России.

ты; присутствует предрасположенность к экономическому и политическому сотрудничеству с нами" [1].

Одно из важнейших мест в Азиатско-Тихоокеанской стратегии России занимает развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. Президент России Владимир Путин подчеркнул, что "развитие на восток ... это возможность занять достойное место в АТР — самом энергично и динамично развивающемся регионе мира" [3], указав тем самым на огромный потенциал Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Отправной точкой сотрудничества между российским Дальним Востоком и Северо-Восточными территориями Китая стала прошедшая в марте 2007 г. встреча Президента России Владимира Путина и пребывающего в то время на посту Председателя КНР Ху Цзиньтао. Тогда впервые был поднят вопрос о необходимости "совместных усилий по углублению координации в процессе осуществления стратегий развития районов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири и возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая" [8]. Главы двух стран достигли важных договоренностей по углублению двустороннего регионального сотрудничества, основные положения которых были закреплены в подписанной после встречи глав двух стран совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Дальний Восток России и Северо-Восток Китая придерживаются политического взаимодоверия и стремятся к достижению совместного процветания в регионе. Поэтому регионы обладают крепким фундаментом для сотрудничества, охватывающего различные сферы, такие как инвестиционное сотрудничество, инвестиционные проекты в области энергетики, транспортная инфраструктура и высокоскоростное железнодорожное сообщение, горнодобывающая и деревообрабатывающая промышленность. Кроме того, на Российском Дальнем Востоке сконцентрировано колоссальное количество природных ресурсов. Там добывается 98% российских алмазов, 80% олова, 50% золота, 40% рыбных ресурсов, а также есть крупные месторождения угля.

С 2015 г. на Дальнем Востоке начали создавать так называемые территории опережающего развития (ТОР), об образовании которых впервые заявил Президент РФ Владимир Путин в ежегодном

посланию Федеральному Собранию РФ в декабре 2013 г., предложив "создать на Дальнем Востоке и в Сибири сеть специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для формирования несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт" [4]. На данный момент таких территорий девять: "Хабаровск" (587 га) и "Комсомольск" (210 га) в Хабаровском крае, "Надеждинская" (806 га) — в Приморском, "Белогорск" (702 га) и "Приамурская" (857 га) в Амурской области, "Михайловская" (3,15 тыс. га) в Приморском крае, "Беринговский" (6 млн га) в Чукотском автономном округе и Индустриальный парк "Кангалассы" (17 га) в Якутии, а также "Камчатка" (2,2 тыс. га) в Камчатском крае [6]. Предполагается, что на всех территориях будет действовать режим свободной таможенной зоны.

На Восточном экономическом форуме, прошедшем в сентябре 2015 г. во Владивостоке, обсудили создание свободного порта "Владивосток", в строительстве которого участвуют китайские предприятия. Правительство будет предоставлять льготы на территории свободного порта, что поспособствует развитию логистики, и если китайские товары пойдут из порта на экспорт, их цена будет отвечать запросам потребителей. Обсуждалось также строительство международных транспортных коридоров "Приморье-1" (Харбин — Гродеково — Владивосток / Находка / Восточный — порты АТР) и "Приморье-2" (Хуньчунь — Краскино — Посьет / Зарубино — порты АТР) [9]. Предполагается, что благодаря транспортным коридорам можно будет в кратчайшие сроки доставлять грузы из Китая в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и из северо-восточных в юго-восточные провинции Китая.

В рамках выдвинутой Китаем программы "Один пояс, один путь", которая состоит из двух масштабных проектов "Экономический пояс Шелкового пути" и "Морской Шелковый путь 21-го века", идет работа над проектами по прокладке морских и сухопутных путей между Европой и Китаем. Планируется, что данный проект затронет 65 стран. Россия всячески поддерживает данную инициативу КНР и готова содействовать ее продвижению. По мнению президента Академии общественных наук КНР Ли Пэйлиня, "стороны могут в рамках программы "Один пояс, один путь", опираясь на крупные города на китайско-российской границе, и дальше повышать уровень транспортно-коммуникационных возмож-

ностей региона и создавать больше удобств для инвестирования и торговли в целях строительства сообщества с общими интересами и сообщества с единой судьбой" [2].

Для реализации стратегии "Один пояс, один путь" провинции Северо-Востока Китая предлагают свои инициативы по двустороннему взаимодействию в приграничных регионах, так как российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая обладают всеми условиями для расширения взаимовыгодного сотрудничества. В целом же идея реализации данных проектов заключается в том, что "Китай готов усиливать экономическое сотрудничество со странами на основе принципа поиска общих точек соприкосновения путем повышения темпа и качества регионального экономического круговорота достичь взаимной выгоды, что также позволит сбалансировать политику сдерживания Китая, проводимую США и Японией" [10].

Большое значение для стратегического взаимодействия между приграничными регионами России и Китая имеет Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.), утвержденная Президентом РФ и Председателем КНР 23 сентября 2009 г. Ее целью является реализация программ "Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья" и "Возрождение районов Северо-Востока Китая". Программа по сотрудничеству включает следующие направления: "обустройство пунктов пропуска, строительство и реконструкция приграничной инфраструктуры; сотрудничество в сфере транспорта; развитие зон сотрудничества; укрепление российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой деятельности; сотрудничество в сфере туризма; ключевые проекты регионального сотрудничества; сотрудничество в гуманитарной сфере; межрегиональное сотрудничество в области охраны окружающей среды" [5].

На сегодняшний день проекты по Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.) реализуются с разной степенью эффективности. Это обусловлено введением Западом антироссийских санкций и падением курса рубля. Однако определенные успехи все же наблюдаются. Так, в приграничных районах оборудуются пункты

пропусков автомобильного и железнодорожного транспорта, обновляется транспортная инфраструктура.

Хорошими темпами реализуются проекты в области международного туризма и в гуманитарной сфере. Осуществляется развитие туристической инфраструктуры, прокладываются новые маршруты, туристические поездки становятся безвизовыми. Проводится большое количество различных двусторонних мероприятий, таких как международные выставки, форумы и фестивали. Осуществляется взаимодействие в области образования и науки, увеличивается количество молодежных обменов.

Организуются мероприятия по охране окружающей среды, включающие в себя проекты по охране трансграничных вод, модернизации технического мониторинга окружающей среды, охране биологического многообразия приграничных территорий, проводятся работы по экологическому просвещению населения.

Реализация инвестиционных проектов на российской территории по-прежнему ведется с недостаточной эффективностью. Это обусловлено низким интересом китайских инвесторов к большинству из действующих проектов, а доля китайского капитала составляет примерно одну четвертую часть. Более того, большинство проектов связано с добычей и обработкой природных ресурсов на российской территории, а это не отвечает интересам России по расширению производства на Дальнем Востоке.

Большинство проектов так и не реализуются из-за того, что российские бизнесмены и госструктуры не стремятся вкладывать свои средства в развитие отраслей экономики, направленных на обработку ресурсов, однако китайский опыт показывает, что необходимо вкладывать собственные инвестиции в проекты для привлечения иностранных инвестиций.

Представляется, что для более эффективной реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.) необходимы следующие действия:

• Наращивать темпы строительства приграничной инфраструктуры, включая оборудование контрольно-пропускных пунктов на российско-китайской границе в рамках Федеральной целевой программы "Государственная граница Российской Федерации".

• Для возведения объектов дорожной и энергетической инфраструктуры в районах периферии необходимо разрабатывать систему партнерства государства и частного сектора с участием федеральных и региональных органов власти и бизнеса. Это необходимо для того, чтобы не затягивались сроки реализации проектов и не происходило их подорожание из-за того, что инвестиционные проекты по разработке полезных ископаемых находятся на большом удалении от транспортных маршрутов.

• Активизировать инвестиционное сотрудничество, расширять ассортимент российской продукции, осваивать новые виды производства для повышения их эффективности, увеличивать количество готовой к реализации продукции, поставки электроэнергии и нефтепродуктов на экспорт.

• Расширить экспорт наукоемкой продукции авиастроения, увеличить масштабы сотрудничества в сфере логистики, активизировать молодежные обмены в образовательной сфере, а также осуществлять взаимодействие в области экологии.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П.* Значение Дальнего Востока в евразийской геополитике России. Интервью. Persona Grata // Евразийский юридический журнал. 2013. № 1 (56). URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?catid=336:-1-56-2013&id=3915:2013-02-13-07-22-33&Itemid=577&option=com_content&view=article

2. Годовой обзор: широки перспективы экономического сотрудничества между российским ДФО и Северо-Востоком Китая // Синьхуа Новости. 2015. 24 дек. URL: http://russian.news.cn/2015-12/24/c_134949079.htm

3. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118

4. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825

5. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.). URL: www.kp.ru/f/13/attached_file/91/92/559291.doc

6. Территории опережающего развития: 9 особых зон в ДФО // ТАСС. 2015. 27 авг. URL: http://tass.ru/info/2215388

7. Транспортные коридоры // Российско-китайский информационный портал. URL: http://russiachina-eastcargo.com/ru/transport-corridors

8. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики 26 марта 2007 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3744

9. Транспортные коридоры // Российско-китайский информационный портал. URL: http://russiachina-eastcargo.com/ru/transport-corridors

10. *Чен Хунцзе*. Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь 21-го века. С точки зрения экспертов КНР. URL: http://oaji.net/articles/2015/245-1439538260.pdf

Е.Г. Кожин[1]

ТРАНСТИХООКЕАНСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И АЗИАТСКИЙ БАНК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ США И КНР

Аннотация: Соперничество между США и КНР за влияние на политические и экономические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сопровождается активным созданием и развитием институтов интеграции. Для привлечения новых сторонников в свои проекты они стремятся обеспечить и внедрить собственное видение базового инструмента интеграции — свободной торговли. КНР стремится подойти к этому вопросу гибко и сосредоточить свое внимание на том, какие инструменты позволят наиболее эффективно внедрять его инфраструктурные проекты, для чего существует Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). США же с помощью Транстихоокеанского партнерства (ТТП) формулирует свой подход напрямую, расширяя традиционные модели свободной торговли. Таким образом, оба государства стре-

[1] Аспирант, Московский государственный институт международных отношений МГИМО (У) МИД России.

мятся ввести новую практику торговли XXI в., и России жизненно важно, чтобы в ней были отражены ее интересы.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регионализм, АТР, ТТП, АБИИ, региональная интеграция.

2015 г. для Азиатско-Тихоокеанского региона отмечен интенсивными интеграционными процессами, направленными на институциональное обеспечение интересов двух региональных центров притяжения — Вашингтона и Пекина. США и КНР стремятся привлечь к собственным проектам институционального строительства как можно больше государств региона, и для достижения успеха в приобретении их внешнеполитической и экономической поддержки ведущие акторы направляют ресурсы на разработку конкурентоспособных моделей развития торговли. Как будет показано ниже, оба региональных лидера отдают себе отчет в том, что их дальнейшая состоятельность в данной роли зависит от способности разработать и внедрить новую практику свободной торговли.

Модернизация практики международной торговли — это цель, имеющая стратегическое значение, поэтому оба государства, преследуя более частные экономические задачи, по-разному обеспечивают ее достижение. В тактическом же отношении Китаю и США приходится ориентироваться на возможности, определенные весом их позиций в отдельных уже существующих институтах. Так, например, они находятся в состоянии паритета при переговорах вокруг наиболее крупной региональной инициативы — Зона свободной торговли для Азиатско-Тихоокеанского региона (ЗСТАТР, FTAAP — Free Trade Area of the Asia-Pacific) [33]. Эти переговоры начались в 2006 г. и далеки от завершения, так как в них вовлечены все экономики Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), каждая из которых имеет собственную позицию по базовым пунктам соглашения. Иными словами, зона свободной торговли, объединяющая и КНР, и США, требует наличия такой экономической модели, которая обладала бы компромиссным характером по отношению к их интересам.

Между тем очертания и конфигурация будущей модели свободной торговли в ЗСТАТР (FTAAP) и составят концепцию той самой торговой практики XXI в., на которую региональные и нере-

гиональные акторы возлагают большие надежды как на источник справедливых правил, способных стать новой основой деятельности глобальных торговых институтов — таких, как Всемирная торговая организация (ВТО) и Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Нахождение подходящей модели также важно для воплощения зоны свободной торговли между Евросоюзом и КНР, потенциально способной произвести революцию в глобальном экономическом укладе. Зная об этом, США заинтересованы в привлечении европейских стран к собственному видению такой модели, в том числе посредством Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) [20], "европейского аналога" Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Китай избирает путь, альтернативный попыткам США структурировать два макрорегиональных пространства путем институтов свободной торговли как таковой. Его замысел состоит в том, чтобы интегрировать свои восточное и западное направления, т.е. привести к общему началу интеграционные механизмы в АТР и Евразии. Под этим общим началом понимается инфраструктура [29]. В самом деле, представляется логичным, что облегчение торговли между Восточной Азией и Европой с помощью развития морских и сухопутных транспортных узлов привлечет инвестирование, а следом за ним вызовет спрос на облегчение тарифных режимов. Для этого КНР выдвигает в качестве ключевого проекта инициативу "Один пояс, один путь", который стал развитием идей "Экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути XXI века". Таким образом, интересы в максимизации выгоды от развития инфраструктуры дают ключ к пониманию того, каким образом Пекин позиционирует себя в региональном институциональном строительстве. Тем не менее важно понимать, что с помощью этого инструмента китайская политика, следуя своему классическому пути реализации реформ, постепенно испытывает и внедряет свое видение "справедливой свободной торговли".

Как активное стремление США предложить готовые решения для модели свободной торговли XXI в., так и планомерная и мягкая экономическая экспансия Китая таят как вызовы, так и угрозы для положения России в будущей конфигурации экономических и политических отношений, что требует от нее активного включения в происходящие процессы. Поскольку ТТП и АБИИ воплощают раз-

ные подходы к тому, как региональные лидеры укрепляют свои позиции в интеграционных процессах, в формировании собственной политики России необходимо учитывать особенности каждого из этих институтов. Разрабатывая и воплощая свои стратегии, Соединенные Штаты и Китай доносят идеальное видение того, каким путем должен идти Азиатско-Тихоокеанский регионализм, и в любой подобной модели конкурентные преимущества неизбежно сосуществуют со слабыми сторонами. Наиболее эффективную политику в терминах максимизации выгоды от обоих интеграционных проектов можно разработать, корректно подойдя к их выявлению.

Транстихоокеанское партнерство: как США видят свободную торговлю в XXI веке

ТТП объединяет 12 стран, представляющих 36% мирового ВВП и более четверти мирового торгового оборота [28]. Процесс ратификации Соглашения о ТТП может занять до двух лет, причем для начала деятельности института данный документ должен получить одобрение в половине стран, а реализация всех его положений займет вплоть до десятилетия. Институт создан не только для либерализации торговли путем снижения тарифных барьеров, но также для формирования общих правовых рамок защиты интеллектуальной собственности и общих стандартов экологического и трудового законодательства [34]. Наиболее противоречивой частью Соглашения считается механизм урегулирования споров между государствами и инвесторами, облегчающий способность частного сектора вовлекать государства в судебные разбирательства и добиваться компенсаций, если их экономические интересы ущемлены [38]. Тем не менее в этом отношении важно понимать, что уже к концу 2015 г. существовало около 3000 международных договоров, предполагающих наличие такого инструмента, в том числе с участием Китая, поэтому внедрение его в общепринятую торговую практику можно считать состоявшимся [21].

С точки зрения Банка Китая (Bank of China), принадлежащего правительству КНР, отличительные особенности ТТП таковы [17]:

- включение в переговорный процесс либерализации торговли не только товарами, но и услугами, технологиями, а также механизмов инвестирования;

• регулирование не только тарифных, но и нетарифных барьеров, а также мер, относящихся сугубо к компетенции внутренней политики;

• наличие вопросов трудового и экологического законодательства, положения малого и среднего бизнеса, а также государственных предприятий, обеспечения транспарентности.

ТТП отражает важную особенность интеграционных процессов в АТР, отличающих Азиатско-Тихоокеанский регионализм от других: наличие среди участников Соглашения стран, уже имеющих режим свободной торговли либо с США, либо друг с другом без участия США (возможно также сочетание обоих вариантов) [36]. Этот факт демонстрирует высокую интенсивность процессов институционального строительства, что, в свою очередь, отражает релевантность интеграции в АТР позициям вовлеченных в нее государств. При этом существуют сомнения в том, действительно ли появление нового института свободной торговли способно повлиять на региональный баланс сил [37]. К примеру, появление зоны свободной торговли между США и Южной Кореей не изменило региональные позиции этих государств, в отличие от политических договоренностей между этими странами в свете северокорейской ядерной и ракетной программ. Этот факт заставляет многих исследователей сомневаться в том, что гипотетическая неудача в ратификации Соглашения, например, в Японии серьезно подорвет японо-американский союз.

США не только в ТТП, но и в других институтах свободной торговли уделяют особое внимание следующим отраслям: сельское хозяйство, инвестирование, сфера услуг, интеллектуальная собственность [14]. Важно отметить тот факт, что проект подвергается критике внутри Соединенных Штатов. Политические оппоненты администрации Президента Обамы утверждают, что зарубежным инвесторам будет проще устанавливать финансовый контроль над землей, частными компаниями, природными ресурсами и объектами инфраструктуры, а еще большее количество рабочих мест окажется перенесено за границу [9]. В ответ на это сторонники соглашения замечают, что эти издержки соответствуют Шумпетерову “созидательному разрушению”, необходимому для того, чтобы освобождалось место для более эффективных экономических агентов, выводящих условия торговли на более высокий уровень [12].

К вышеупомянутой критике стоит добавить, что, как и в прочих проектах свободной торговли, выгода от участия в ТТП разнится от страны к стране и целиком зависит, во-первых, от уровня ее экономического развития, во-вторых, от структуры экономики. Свободная торговля лучше сочетается с одними видами деятельности (например, информационные технологии) и практически не уживается с другими. В частности, сельское хозяйство, для которого характерны убывающая отдача и совершенная конкуренция, даже в экономически развитых странах нуждается в тарифной защите [18]. Что же касается экономической структуры, то свободная торговля способна усилить социально-экономическое неравенство за счет сокращения предприятий и снижения зарплат их сотрудников, если из-за введения свободной торговли их конкурентоспособность оказывается ниже аналогичных в других странах. Таким образом, для того чтобы сформировать новую торговую практику, ТТП должно подтвердить, что участие в нем на деле не ухудшает экологические и трудовые условия вовлеченных в него стран.

Китай признает ключевое значение ТТП для продвижения повестки западной модели международной торговли во введении новых правил торговли [17], что повлечет за собой формирование нового экономического порядка. Эти нововведения сводятся к следующим характеристикам:

- Существенное углубление и расширение существующих моделей свободной торговли, принятых ВТО и реализованных в большинстве соответствующих региональных институтов.
- Необходимость всем государствам, участвующим в ТТП, сблизить и стандартизировать свои торговые механизмы и инструменты, которые могут стать препятствием свободной и справедливой торговле и спровоцировать международные споры.
- Скрупулезное внимание к нормам экологического и трудового законодательства, что отражено в дополнительных документах и обычно не затрагивается в большинстве соглашений о свободной торговле.
- Наличие механизма урегулирования споров между государством и инвестором, обеспечивающего неукоснительное следование положениям ТТП и позволяющего экономическому агенту, чьи права нарушены, добиваться компенсаций от того или ино-

го государства без привлечения его судебной системы к рассмотрению дела.

Стратегическая цель Транстихоокеанского партнерства для США состоит в создании и закреплении правил торговли, которые выгодны Соединенным Штатам в том смысле, что странам, принявшим их, станет удобнее всего налаживать и развивать торговые отношения с Вашингтоном. С помощью ТТП США стремятся проверить свою способность лидировать в региональных делах [15]. При этом одни исследователи считают, что ТТП является противовесом растущему экономическому и политическому влиянию Китая в регионе [32], а другие — что данный институт дополняет другие интеграционные инициативы и не исключает участия КНР [22]. Будучи успешно апробированным в АТР, этот проект также найдет воплощение в виде Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, нового института, призванного создать дополнительную выгоду от режимов свободной торговли с европейскими странами [27]. Помимо прочего, эта инициатива показывает, что уже не только европейские институты становятся прообразом для интеграционной практики в других регионах, но и опыт институционального строительства в АТР переносится практически на европейскую почву. Успех в этом отношении существенно приблизит тот момент, когда накопленный опыт пополнит практику функционирования глобальных институтов.

Сложившаяся ситуация предполагает наличие определенных внешнеполитических возможностей для России. Следует вспомнить, как в 2015 г. Китай, перехватив интеграционную инициативу, выдвинул в качестве альтернативы своему прежнему проекту EAFTA[1] и конкурировавшему с ним CEPEA[2] новый формат ВРЭП (RCEP)[3], призванный облегчить интеграционные возмож-

---

[1] Предложенный КНР проект зоны свободной торговли между странами АСЕАН и Китаем, Японией, Южной Кореей (формат АСЕАН+3).

[2] Предложенный Японией в ответ на китайскую инициативу проект зоны свободной торговли между странами АСЕАН и Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией, Новой Зеландией (формат АСЕАН+6 / Восточноазиатский саммит).

[3] Предложенный КНР в ответ на японскую контриниициативу проект всеобъемлющего партнерства, который объединяет в себе принципы зоны свободной торговли EAFTA и некоторые идеи CEPEA. В переговорные процессы проводятся на базе АСЕАН+6.

ности для реализации морской части проекта “Один пояс, один путь” [7]. Аналогичным образом Россия способна инициировать переговорные процессы по созданию нового формата сотрудничества на основе ТТП с другими странами региона, не вовлеченными в данный институт. При этом переговорный процесс может вестись как на уровне “ТТП — Россия” (ТТП+1), так и в многостороннем формате (например, ТТП+3 в составе России, КНР и Индии: участие последней способствует улучшению возможностей переговорного процесса из-за ее традиционно положительных отношений с США, Японией и Новой Зеландией).

Путем таких переговорных процессов Россия и другие страны смогут предложить странам — участникам ТТП новую, более выгодную и облегченную форму сотрудничества. Самое главное, что этот институт уже включает в себя достаточно большое количество стран, что исключает возможность для США отговорить их всех от участия в подобном переговорном процессе с минимальными издержками для собственных региональных позиций. Смысл состоит даже не в том, чтобы эти переговоры завершились успехом, а в том, что полное игнорирование ТТП способно нанести России больший ущерб, чем попытки каким-либо образом трансформировать этот проект — особенно до тех пор, пока Соглашение о ТТП не вступило в силу.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: как Китай мотивирует регион к более активной торговле

Банк был создан в очень сжатые сроки: предложение сформулировано в 2013 г., меморандум выпушен 22 странами-основательницами в октябре 2014 г., а в декабре 2015 г. институт уже был учрежден. В качестве его экономических целей постулируются: увеличение инвестиций в инфраструктурные проекты; мобилизация средств частного сектора; поддержка региональной интеграции; улучшение региональной инвестиционной среды; создание новых рабочих мест [16]. АБИИ позиционируется как инструмент открытого регионализма: вопреки распространенному мнению, Китай не против участия США в Банке [10], а участие в нем Тайваня (под названием Китайский Тайбэй) и перспектива вступления Гонконга показывают, что в этом отношении

КНР опирается на практику АТЭС. Устав Банка содержит следующие важные отличительные особенности данного института [11]:

- предусмотрено сотрудничество Банка с международными организациями;
- только экономические, а не политические обстоятельства могут оказывать влияние на процесс принятия решений;
- вес голоса складывается из трех факторов: базовый голос, наличие государства среди основателей Банка; размер вклада в фонд;
- голос Китая имеет наибольший вес, что теоретически дает ему право вето;
- кадровая политика, ориентированная на подотчетность: сотрудники Банка работают на основе трехлетнего контракта, который не продлевается, если их показатели падают.

В выступлении президента банка Цзинь Личуня на пресс-конференции в Тбилиси высказаны приоритеты в деятельности Банка [30]:

1) создание институциональной культуры, основанной на транспарентности, целостности и подотчетности;

2) обеспечение клиентов Банка услугами исходя из соображений устойчивого развития.

Банк предполагает не только финансирование как таковое, но и мониторинг инвестиционных проектов таким образом, чтобы они не шли вразрез с интересами оптимального использования технических, финансовых, экономических, социальных и экологических ресурсов. Иными словами, АБИИ — инструмент не только предоставления финансов, но и управления ими. Во-первых, это подчеркивает значение, которое придает КНР банку для использования его ресурсов в достижении своих инфраструктурных целей. Во-вторых, это демонстрирует, что данный механизм — своего рода китайское видение инструмента урегулирования споров между государством и инвестором, как в ТТП.

По разным оценкам Азиатского банка развития (АБР), инфраструктура стран Азии нуждается в инвестировании от $320 [19] до $800 млрд [24] к 2020 г., причем эта сумма должна инвестироваться каждый год. При этом KPMG, состоящая в Большой четверке аудиторских компаний, оценивает появление АБИИ как катализатор привлечения частных средств, что позволит сократить разрыв между частным и государственным секторами [8].

Для сопоставления масштабов возможностей государственного и частного инвестирования можно привести пример роботизации промышленно-логистического комплекса в провинции Гуандун, КНР [23]: согласно трехлетнему плану действий, принятому властями провинции, к 2017 г. планируется привлечь на реализацию этих целей частное инвестирование в размере $146 млрд, предоставленное 20 000 компаний. При этом в настоящий момент для выполнения этой задачи не хватает 800 000 работников — несмотря на то, что избыток трудовых ресурсов всегда считался конкурентным преимуществом Китая [13].

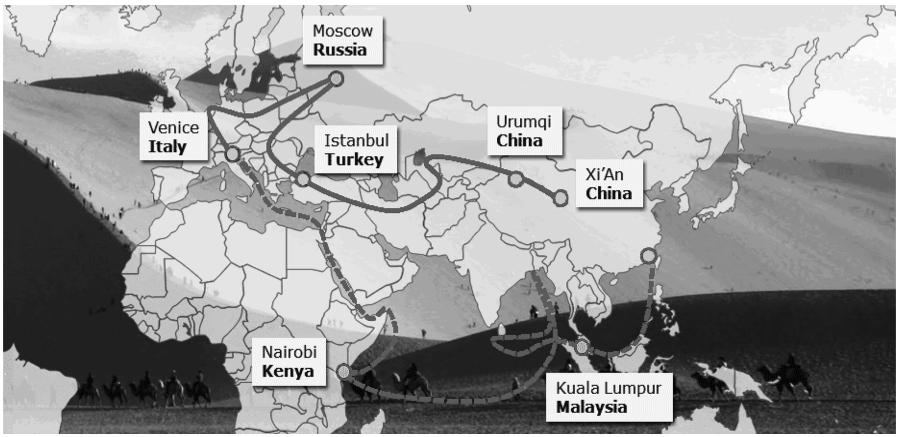
Специалисты одного из крупнейших японских аналитических центров, Исследовательского института Номура, полагают невозможным предсказывать развитие АБИИ исходя только лишь из логики развития внутренней политики Китая [39]. До сих пор существовал разрыв между силой Китая и его стремлением эту силу использовать: однако осторожных Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао сменил более амбициозный Си Цзиньпин [3]. Несмотря на успех китайской инициативы, участие в АБИИ, как и в любом другом международном институте, видоизменяет силу КНР и ее политику. Чем больше Пекин опирается на АБИИ, тем более жестко ему приходится следовать установленным международным стандартам, за счет которых этот институт существует. Как бы то ни было, на фоне менее популярных китайских внешнеполитических инициатив, влияющих на региональный баланс сил (как интенсификация территориальных споров в Южно-Китайском море и строительство новых военных баз), АБИИ выглядит более предпочтительным для аккумулирования и обеспечения интересов других региональных акторов, что в некоторой степени позволяет Пекину побуждать их к выбору как можно более гибкой политики [35].

Предполагается, что АБИИ нужен КНР в том числе как инструмент облегчения строительства инфраструктуры для его же собственного проекта “Один пояс и один путь” [39]. В этом отношении следует заметить, что для этих целей существует Фонд Шелкового пути с уставным капиталом в $40 млрд [26]. Тем не менее Китай заинтересован в оптимизации расходов Фонда и обладает возможностью диверсифицировать инвестиции таким образом, чтобы страны, находящиеся на пути сухопутной части проекта, посредством АБИИ тоже были вовлечены в финансирование. Бла-

годаря своей инфраструктурной направленности китайский подход к региональной интеграции резко контрастирует с американским. США стремятся к интеграции "сверху вниз", т.е. формулированию правил торговли, к которым государства должны в течение нескольких лет адаптировать свои экономические системы и законодательства. Китай, в свою очередь, создает железные и автомобильные дороги, транспортно-логистические узлы и другие объекты, которые делают торговлю более интенсивной и таким образом создают спрос на либерализацию торговли, оставляя вопрос о ее правилах открытым.

Китай, усвоивший общепринятую международную практику на собственном опыте участия в таких институтах, как Азиатский банк развития и Всемирный банк, с помощью АБИИ адаптирует и модернизирует правила управления финансированием таким образом, чтобы они в конечном итоге пополнили практику остальных финансовых институтов. Эти правила будут отличаться, так как Китай стремится найти собственный путь к пониманию и обеспечению нужд как развитых, так и развивающихся стран. И это не устраивает США. Б. Обама заявил о том, что США "не должны допустить таким странам, как Китай, диктовать правила глобальной экономики" [31].

Поскольку в настоящее время рассматриваются несколько путей в реализации сухопутной части китайского проекта "Один пояс — один путь" [25], России выгодно посредством участия в



"Один пояс — один путь" (источник: CLSA, Ltd.)

АБИИ убедить КНР и других партнеров в экономической рентабельности такого проекта, который наилучшим образом соответствует интересам ее собственного развития. На рисунке показаны маршруты, вдоль которых будет совершенствоваться инфраструктура. Становится ясно, что Россия в этом плане задействована только на европейском направлении, которое к настоящему моменту, с одной стороны, достаточно хорошо развито, а с другой — становится менее релевантным российским интересам ввиду как ухудшения отношений между РФ и ЕС, так и необходимости российской экономики переориентироваться на восточно- и центральноазиатский рынки.

Путем участия в АБИИ России и Казахстану необходимо убедить Китай внести коррективы в этот план таким образом, чтобы торговый путь соединял Урумчи и Москву напрямую, через Астану. Во-первых, это позволит внести мощный стимул в развитие черноморского субрегиона России и средней полосы путем улучшения инфраструктуры и создания кластеров свободной торговли. Во-вторых, такое решение крайне важно для улучшения позиций ЕАЭС: максимально снизив издержки на восстановление инфраструктуры, связывающей экономики России и стран Центральной Азии, Москве удастся значительно быстрее реинтегрировать этот субрегион. Наличие же инфраструктуры, ориентированной на связи с Россией, улучшит ее позицию в ходе конкуренции с США и Евросоюзом, также заинтересованных в выгодных торговых контактах со странами Центральной Азии. При этом, как уже отмечалось, расходы могут быть диверсифицированы как посредством АБИИ, так и с помощью Нового банка развития БРИКС (НБР) — в обоих у России уже есть достаточно крепкие позиции (хотя и нуждающиеся в дополнительном развитии). Такая схема будет выгодна и Китаю, который будет обладать двумя маршрутами торговли с Европой и благодаря этому не будет слишком сильно зависеть от политической стабильности на Большом Ближнем Востоке.

Заключение

Россия, как и многие другие страны АТР, на данном этапе своего вовлечения в региональные процессы не обладает достаточными ресурсами для создания и руководства “третьей альтернативой” вашингтонскому и пекинскому вариантам создания реги-

ональных торговых блоков из-за жесткой конкуренции, и точно так же ей невыгодно делать ставку целиком на один из проектов. Это, однако, не значит, что России нет смысла формулировать собственную повестку в Азиатско-Тихоокеанском регионализме как таковом. В действительности логика ее региональных интересов (как внутренних, относящихся к развитию Дальнего Востока, так и внешних, затрагивающих отношения с другими государствами региона) предполагает необходимость эмулирования региональной интеграционной политики Южной Кореи и стран АЕС. Эта политика состоит в балансировании между интересами США и КНР таким образом, чтобы побуждать их предлагать все более и более выгодные условия в своих интеграционных проектах для повышения их конкурентоспособности.

И АБИИ, и ТТП направлены на реализацию видения того, какими должны быть современные правила торговли с точки зрения Пекина и Вашингтона соответственно, хотя подходят они к этой цели с совершенно разных сторон. Оба центра притяжения рассчитывают на то, что разработанные торговые правила и порядки станут привлекательны настолько, что будут внедрены в практику и других международных институтов — как региональных, так и глобальных. Какое бы из двух государств ни преуспело в этом начинании, по новым правилам торговли будет жить весь мир. И именно это формирует ключевой стратегический интерес России в этом отношении: привлечь все ресурсы и возможности для того, чтобы в торговых институтах отразилось ее собственное видение. Для этого необходимо активно включиться как в инфраструктурные проекты АБИИ, так и в переговорные процессы по ТТП, даже если ни в одном из этих институтов в текущий момент не представляется возможным претендовать на лидирующие позиции.

Источники и литература

1. Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, многосторонние организации и экономические группировки. Справочник. 2-е изд., доп. М.: Восток — Запад, 2014.

2. *Давыдов А.С.* Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М.: ИДВ РАН, 2015.

3. *Денисов И.Е.* Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет "пятого поколения" руководителей КНР // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСПИ. № 5. М.: Фонд ИСПИ, 2015. URL: http://www.isepr.ru/upload/iblock/7eb/tetradi_15_5.pdf

4. *Киреева А.А.* Соотношение сил великих держав в Восточной Азии: метод структурированной оценки // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3–4 (34–35). С. 95–102.

5. *Журавлева Е., Малетин Н.* Место России в ЮВА и интеграционных процессах в Восточной Азии // Тихоокеанское обозрение 2008-2009 / Под ред. В.М. Мазырина, Н.П. Малетина, О.В. Новакова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Центр изучения современных проблем Юго-Восточной Азии и АТР. М.: Университетская книга, 2010. С. 23–40.

6. Организации и объединения стран Тихоокеанского кольца / Под ред. И.И. Меламеда. Владивосток: ДВФУ, 2012.

7. *Стапран Н.В.* Битва за интеграцию: Транстихоокеанское партнерство и "Один пояс, один путь" как главные экономические проекты года [Электронный ресурс] // Портал МГИМО. 2016. 11 янв. URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/bitva-za-integratsiyu-transtikhookeanskoe-partnerstvo-i-odin-poyas-odin-put-kak-glavnye-ekonomichesk

8. 10 emerging trends in 2016 [Electronic resource] // KPMG Foresight. A global infrastructure perspective. Special edition. 2016. January. URL: https://www.kpmg.com/BR/PT/Estudos_Analises/artigosepublicacoes/Documents/foresight-emerging-trends-2016.pdf

9. 10 Presidential Candidates Criticize the Trans-Pacific Partnership, Upping Political Costs of Supporting the Pact [Electronic resource] // Public Citizen. URL: https://www.citizen.org/documents/presidential-candidates-TPP.pdf

10. AIIB president "patient in waiting" for US [Electronic resource] // Shanghai Daily. 2016. March 26. URL: http://www.shanghaidaily.com/business/finance/AIIB-president-patient-in-waiting-for-US/shdaily.shtml

11. Asian Infrastructure Investment Bank. Articles of Agreement [Electronic resource] // Asian Infrastructure Investment Bank. 2016. URL: http://www.aiib.org/uploadfile/2016/0202/20160202043950310.pdf

12. *Domínguez G.* The Pros and Cons of the Trans-Pacific Partnership pact [Electronic resource] // Deutsche Welle. 2016. February 4. URL:

http://www.dw.com/en/the-pros-and-cons-of-the-trans-pacific-partnership-pact/a-18597149

13. Dongguan High-tech Firm to Build "Robots-Only Factory" [Electronic resource] // HKTDC. 2015. May 13. URL: http://hkmb.hktdc.com/en/1X0A2A15/hktdc-research/Dongguan-High-tech-Firm-to-Build-Robots-Only-Factory

14. *Fergusson Ian F.; McMinimy Mark A.; Williams Brock R.* The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief [Electronic resource] // Congressional Research Service. Federation of American Scientists. 2016. February 9. URL: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf

15. *Froman Michael B.* The Strategic Logic of Trade. New Rules of the Road for the Global Market [Electronic resource] // Foreign Affairs. 2014. November/December. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/strategic-logic-trade

16. Full text of Chinese President Xi Jinping's address at AIIB inauguration ceremony [Electronic resource] // Xinhuanet. 2016. January 16. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2016-01/16/c_135015661.htm

17. Global Economic and Financial Outlook / 2016 Annual Report (Issue 25) [Electronic resource] // Bank of China. Institute of International Finance. 2015. December 7. URL: http://pic.bankofchina.com/bocappd/rareport/201512/P020151231839629859302.pdf

18. *Hendrix C, Kotschwar B.* Agriculture / Assessing the Trans-Pacific Partnership. Volume 1: Market access and sectoral issues [Electronic resource] // Peterson Institute for International Economics. 2016. February. P. 41–60. URL: http://www.piie.com/publications/briefings/piieb16-1.pdf

19. Infrastructure for Supporting Inclusive Growth and Poverty Reduction in Asia [Electronic resource] // Asian Development Bank. 2012. URL: http://www.adb.org/sites/default/files/publication/29823/infrastructure-supporting-inclusive-growth.pdf

20. *Inman P.* TTIP: the key to freer trade, or corporate greed? [Electronic resource] // The Guardian. 2016. January 2. URL: http://www.theguardian.com/business/2016/jan/02/ttip-terms-growth-markets-worker-protection

21. Investor-to-State Dispute Settlement (ISDS). Some facts and figures [Electronic resource] // European Commission. 2016. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/january/tradoc_153046.pdf

22. Leaders' Declarations. Annex A — The Beijing Roadmap for APEC's Contribution to the Realization of the FTAAP [Electronic resource] // Asia-Pacific Economic Cooperation. 2014. November. URL: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm/2014_aelm_annexa.aspx

23. *Matsuda Y.* Challenges and Strategies for China's Industrial Robotics Market. Successful Sales Channel Management Tactics for Japan's Robot Manufacturers [Electronic resource] // Mizuho Industry Focus. Vol. 169. Mizuho. 2015. March. URL: http://www.mizuhobank.com/service/global/cndb/economics/msif/pdf/15-0110-AF-0103.pdf

24. More Public-Private Partnerships Can Help Meet Development Challenges [Electronic resource] // Asian Development Bank. 2014. May 2. URL: http://www.adb.org/news/more-public-private-partnerships-can-help-meet-development-challenges

25. One Belt One Road. A role for UK companies in developing China's new initiative. New opportunities in China and beyond [Electronic resource] // China-Britain Business Council. 2015. URL: http://www.cbbc.org/cbbc/media/cbbc_media/One-Belt-One-Road-main-body.pdf

26. One Belt, One Road. Assessing the Economic Impact of China's New Silk Road / Tom Orlik, Fielding Chen. One Belt, One Road — China's Modern Marco Polos Bring No Novelties Westward [Electronic resource] // Bloomberg Briefs. 2015. July 2. URL: http://www.bloombergbriefs.com/content/uploads/sites/2/2015/07/SC_062615-OBOR.pdf

27. *Petri Peter A.; Plummer Michael G.* The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates [Electronic resource] // Peterson Institute for International Economics. 2016. January. URL: http://www.iie.com/publications/wp/wp16-2.pdf

28. Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership [Electronic resource] // World Bank. 2016. URL: https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GEP2016a/Global-Economic-Prospects-January-2016-Implications-Trans-Pacific-Partnership-Agreement.pdf

29. *Roland-Holst D.* Infrastructure as a Catalyst for Regional Integration, Growth, and Economic Convergence: Scenario Analysis for Asia / Ed. by Fan Zhai // From Growth to Convergence: Asia's Next Two Decades. New York, 2009. URL: https://are.berkeley.edu/~dwrh/Docs/ADB_CH4_Infrastructure_DRH.pdf

30. Statement by Jin Liqun at a Press Conference in Tbilisi [Electronic resource] / Asian Infrastructure Investment Bank. 2015. 26 August. URL: http://www.aiib.org/html/2015/NEWS_0826/16.html

31. Successful global trade agreements require China's participation. October 6, 2015 [Electronic resource] / Global Times: [сайт]. [2015]. URL: http://www.globaltimes.cn/content/945689.shtml

32. *Terada T.* Japan and the TPP Conclusion: Regional Order, Negotiations, and Domestic Adjustment [Electronic resource] // The Asan Forum. January-February 2016 Vol. 4. No. 1. 2015. October 23. URL: http://www.theasanforum.org/japan-and-the-tpp-conclusion-regional-order-negotiations-and-domestic-adjustment

33. *Tiezzi Sh.* As TPP Leaders Celebrate, China Urges Creation of Asia-Pacific Free Trade Area [Electronic resource] // The Diplomat. 2015. November 19. URL: http://thediplomat.com/2015/11/as-tpp-leaders-celebrate-china-urges-creation-of-asia-pacific-free-trade-area

34. TPP Final Table of Contents [Electronic resource] // Office of the United States Trade Representative. 2016. URL: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text

35. *Wan M.* The Asian Infrastructure Investment Bank: The Construction of Power and the Struggle for the East Asian International Order // The AIIB Tied in a Belt. Palgrave Macmillan, 2016. P. 54–55.

36. *Williams Brock R.* Trans-Pacific Partnership (TPP) Countries: Comparative Trade and Economic Analysis [Electronic resource] // Congressional Research Service. Federation of American Scientist. 2013. June 10. URL: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R42344.pdf

37. *Williams Brock R., Dolven Ben and others.* The Trans-Pacific Partnership: Strategic Implications [Electronic resource] // Congressional Research Service. Federation of American Scientists. 2016. February 3. URL: https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44361.pdf

38. *Zaccone J.* The Trans Pacific Partnership: A Corporate Wish-List [Electronic resource] // National Jobs for All Coalition. 2016. URL: http://njfac.org/wp-content/uploads/2015/11/TPP.pdf

39. アジアインフラ投資銀行（AIIB）の発足と今後想定される融資活動. 野村資本市場クォータリ [Electronic resource] // Nomura Institute. 2016 Winter. URL: http://www.nicmr.com/nicmr/report/repo/2016/2016win11web.pdf

Главный редактор — *А. Е. Илларионова*
Художник — *Т. И. Такташов*
Верстка — *И. В. Пеннер*
Ответственный за выпуск — *Т. А. Смирнова*

Научное издание

Роль и место России
в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Материалы международного круглого стола
молодых ученых

Ответственный редактор:
Сидоров Дмитрий Алексеевич

Сертификат соответствия № РОСС RU.АВ51.НО5316

Подписано в печать 26.12.2016. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732
Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 183-93-23
E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;
office@dashkov.ru — офис; http://www.dashkov.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30